

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 2 (58)

2021

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Азнабаев Б. А.* Притяжение империи (исследование аттрактивных факторов, обусловивших добровольность российского подданства башкир)..... 3
- Розатко С. А.* Развитие среднего и низшего коммерческого образования в пищеперерабатывающих отраслях России второй половины XIX – начала XX в. 13
- Колпакова О. В.* Материальное положение православного духовенства Пензенской епархии в годы Первой мировой войны..... 28
- Кузнецов В. Н.* Социалистическая перспектива в деятельности политических партий весной – осенью 1917 г. (на материалах Симбирской, Самарской и Саратовской губерний) 35
- Протасова А. В.* Освобождение от воинской повинности по религиозным убеждениям сектантов христианского толка в первые годы советской власти в 1917–1924 гг. 47
- Аверьянов А. В.* «Педагог должен быть общественником»: развитие пионерского и комсомольского движения в дисперсной этнической среде на Юге России в 1920–1930-е гг. 56
- Пожилков И. Е.* «Красное бедствие»: об экономических источниках господства КПК в советских районах Китая 66
- Мозохин О. Б.* Причины ареста министра госбезопасности В. С. Абакумова..... 79
- Лопаткин И. Н., Хисамутдинова Р. Р.* Реконструкция образа США на базе контент-анализа материалов периодических изданий Советского Союза 1956–1964 гг. 93

РЕЦЕНЗИИ

- Кабытов П. С., Баринаева Е. П.* Новые финансовые технологии и уфимское бизнес-сообщество 108

UNIVERSITY PROCEEDINGS VOLGA REGION

HUMANITIES

№ 2 (58)

2021

CONTENTS

HISTORY

<i>Aznabaev B.A.</i> The empire attraction (a study of the attractive factors concerning the voluntary of Russian subject to Bashkir).....	3
<i>Rogatko S.A.</i> The development of secondary and primary commercial education in the food processing industries in Russia in the second half of the 19 th – early 20 th centuries	13
<i>Kolpakova O.V.</i> The financial situation of the Orthodox clergy of the Penza diocese during the First World War.....	28
<i>Kuznetsov V.N.</i> The socialist perspective in the activities of political parties in the spring – autumn in 1917 (based on the data from Simbirsk, Samara and Saratov provinces).....	35
<i>Protasova A.V.</i> Exemption of members of Christian sects from compulsory military service due to religious beliefs during the first years of the soviet rule in 1917–1924	47
<i>Averyanov A.V.</i> “The teacher must be a social activist”: the pioneer and Komsomol movement’s development in a dispersed ethnic environment in the South of Russia in the 1920s – 1930s	56
<i>Pozhilov I.E.</i> “Red disaster”: on the economic sources of the CCP’s domination in the Soviet regions of China.....	66
<i>Mozohin O.B.</i> The cause of arrest of the minister of state security V.S. Abakumov.....	79
<i>Lopatkin I.N., Khisamutdinova R.R.</i> Reconstruction of the image of the USA through a content-analysis of Soviet periodicals of 1956–1964	93

CRITICAL REVIEWS

<i>Kabytov P.S., Barinova E.P.</i> New financial technologies and Ufa business community	108
--	-----

ИСТОРИЯ

HISTORY

УДК 94(470.57) «17»(00)
doi:10.21685/2072-3024-2021-2-1

Притяжение империи (исследование аттрактивных факторов, обусловивших добровольность российского подданства башкир)

Б. А. Азнабаев

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия
azbulatt@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В исторической литературе утвердилась концепция, согласно которой добровольный характер принятия подданства был обусловлен стремлением башкирских родов обрести защиту от внешней угрозы. Однако Русское государство XVI–XVII вв. не включило Уфимский уезд в общероссийскую систему защиты южных рубежей. Целью данной статьи является исследование причины добровольного вхождения башкир в состав России в середине XVI в. *Материалы и методы.* Из материалов фонда Сената по Уфимской провинции (Российский государственный архив древних актов) был вычленен комплекс источников, в которых указываются обстоятельства возобновления российского подданства башкир в 1722 г. Методологический потенциал включает сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет сопоставить причины первого принятия башкирами российского подданства (середина XVI в.) и его возобновления в 1722 г. Релевантность подобного подхода обусловлена тем, что российские власти и сами башкиры неоднократно подчеркивали, что все условия подданства 1722 г. соответствовали положениям добровольного вхождения середины XVI в. *Результаты.* Родоплеменные структуры башкир были объединены горизонтальными связями, что исключало возможность создания единого центра власти, стоящего над общинами. Все решения, затрагивающие интересы родов, принимались только на народных собраниях. Однако поскольку субъектом землевладения являлась каждая родовая волость, то земельные споры не могли быть решены внутри башкирской политики правовым образом. *Выводы.* Башкирское объединение могло существовать только как автономия в рамках империи, поскольку лишь она являлась залогом поддержания мира между родовыми структурами во всех вопросах, связанных с землевладением. С особой остротой эта зависимость от внешнего равноудаленного арбитра проявилась после восстания 1704–1711 гг. К 1716 г. в башкирском обществе наметился кризис, грозящий перерасти в гражданскую войну. В итоге политический компромисс был найден только при решающем участии имперских властей.

Ключевые слова: Российская империя XVIII в., башкиры, башкирское общество, добровольное вхождение

Финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Петровская эпоха» (Проект № 20-09-42053).

Для цитирования: Азнабаев Б. А. Притяжение империи (исследование аттрактивных факторов, обусловивших добровольность российского подданства башкир) //

The empire attraction (a study of the attractive factors concerning the voluntary of Russian subject to Bashkir)

B.A. Aznabaev

Bashkir State University, Ufa, Russia

azbulatt@mail.ru

Abstract. *Background.* In the historical literature it is established that the voluntary nature of accepting citizenship was due to the desire of the Bashkir clans to gain protection from external threats. However, the Russian state of the 16th – 17th centuries did not include the Ufa district in the all-Russian system of protection of the southern borders. The purpose of this work is to study the reasons for the voluntary entry of the Bashkirs into Russia in the middle of the 16th century. *Materials and methods.* From the materials of the Senate fund for the Ufa province (Russian State Archive of Ancient Acts), a set of sources was isolated. These documents indicate the circumstances of the resumption of Russian citizenship of the Bashkirs in 1722. The methodological potential includes: a comparative historical method, the use of which allows us to compare the reasons for the first adoption of Russian citizenship by the Bashkirs (middle 16th century) and its renewal in 1722. The relevance of this approach is due to the fact that the Russian authorities and the Bashkirs themselves have repeatedly stressed that all the conditions of citizenship in 1722 corresponded to the provisions of the voluntary entry of the mid-16th century. *Results.* The tribal structures of the Bashkirs were united by horizontal ties, which excluded the possibility of creating a single center of power standing over the communities. All decisions affecting the interests of the clans were made only at popular assembly. However, since each clan district was the subject of land tenure, land disputes could not be resolved within the Bashkir polity in a legal way. *Conclusions.* The Bashkir unification could exist only as an autonomy within the empire. Only this was the key to maintaining peace between clan structures in all matters related to land tenure. This dependence on an external equidistant arbiter manifested itself with particular acuteness after the uprising of 1704–1711. By 1716, a crisis was outlined in Bashkir society, threatening to develop into a civil war. As a result, a political compromise was found only with the decisive participation of the imperial authorities.

Keywords: Russian Empire of the 18th century, Bashkirs, Bashkir society, voluntary entry

Acknowledgments: the research was financed by the RFBR “Peter’s era” (Project No. 20-09-42053)

For citation: Aznabaev B.A. The empire attraction (a study of the attractive factors concerning the voluntary of Russian subject to Bashkir). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2021;2:3–12. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-2-1

Историографический аспект проблемы. В исследованиях, посвященных вхождению башкир в состав Российского государства, давно утвердилось положение, согласно которому башкирские роды стремились в первую очередь обрести защиту от внешних врагов. К примеру, автор первого труда по истории вхождения Башкирии в состав России А. Н. Усманов настаивал на том, что, присоединив Башкирию, Русское государство взяло на себя ее защиту от разорительных набегов и грабежей со стороны соседних племен и

народов, от попыток кочевых ханов подчинить башкир своему господству [1, с. 115].

В современном исполнении этот тезис представлен в исследованиях Ф. А. Шакуровой, утверждающей, что отношения между башкирской элитой и Российским государством следует интерпретировать как протекторат. В качестве исторической аналогии присоединения башкир к России автор приводит факт призвания славянскими и финскими племенами варягов, что «было типично для обществ сходного уровня развития» [2, с. 172]. Насколько корректна данная историческая аналогия? «Повесть временных лет» указывает на то, что к варягам славянские и финские племена обратились после того, как «...изгнаша варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти. И не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на род, и быша усобицѣ в них, и воевати сами на ся почаша» [3, с. 112]. Очевидно, что отнюдь не защитников видели в варягах славяне и финны. К тому же концепция «протектората» плохо ложится на башкирский материал по формальным признакам. Протекторат – форма межгосударственных отношений, когда одно государство берет под защиту другое. На сегодняшний момент в литературе отсутствуют убедительные доказательства существования у башкир государства накануне принятия ими российского подданства.

С другой стороны, доводы, опровергающие наличие протектората, изложенные в трудах И. Г. Акманова, выглядят спорными. Видный историк считает, что протекторату не было место в централизованном государстве [4, с. 19]. Однако в значительно более централизованной России XVIII–XIX вв. имелись протектораты. К примеру, в XVIII в. Картли-Кахетинское царство, а в начале XIX в. Младший казахский жуз официально назывались протекторатами Российской империи.

Противоречия в концепции присоединения Башкирии к Русскому государству. Исследователи, настаивающие на том, что башкиры входили в состав России в поисках защиты от внешней угрозы, игнорируют несколько очевидных фактов. Во-первых, Башкирия (с начала XVII в. Уфимский уезд) не входила в общероссийскую систему обороны южных границ. Охрана юго-восточного участка по рекам Яик, Илек, Эмба и Орь была передана башкирам. Они обязались не только нести станично-сторожевую службу (т.е. предупреждать набеги), но и участвовать в походно-полковой службе (т.е. организовать военный отпор вторжению сил неприятеля). Башкирам после возобновления их российского подданства в 1722 г. было заявлено следующее: «Когда каракалпаки и киргис-кайсаки в российские города возымеют намерение приходить для воровства и они бы того пристерегали и проходить в российские пределы не допускали и в таких случаях свойски на них ходили» [5, л. 696].

Во-вторых, на наш взгляд, не следует преувеличивать угрозу со стороны ногаев или сибирских шибанидов в период вхождения башкир в состав России. Последний ногайский наместник Башкирии мурза Кара Кель-Мухаммед в 1611 г. отказал русскому послу в военной помощи на том основании, что основные его силы стоят на заставах против калмык и башкир. Интересно, что летние кочевья этого ногайского аристократа находились в непосредственной близости от русской Уфы [6, с. 24]. Очевидно, что ногайский наместник больше нуждался в российском протекторате, нежели сами башкиры.

К тому же события 30-х гг. XVII в. показали, что именно ногаи не смогли устоять под натиском калмыков.

В определенной степени концепцию протектората опровергает пример башкирских восстаний XVII–XVIII вв., создавший башкирам репутацию самого мятежного народа империи. К. Шмитт, ссылаясь на Т. Гоббса, указывает на «взаимоотношение между защитой и повиновением, ненарушимого соблюдения которого требуют состояние человеческой природы и божественные законы, как естественные, так и положительные» [7, с. 329]. Согласно этой логике, от народа, не нуждающегося в защите, сложно ожидать повиновения.

Однако в таком случае возникает вопрос, какую цель преследовали башкирские роды, добровольно присягая на верность Российскому государству.

И. Г. Акманов на основании анализа башкирских шежере делает вывод, что в переговорах башкирских послов с русскими властями о принятии подданства главным был земельный вопрос [8, с. 52]. Башкиры добивались от российских властей закрепления за башкирскими родами земель, которые были отняты у них ногаями. Но автор не уточняет, какую цель преследовало «закрепление» земель за башкирскими родами. Вряд ли башкиры боялись ногайского реванша. К тому же, будь у ногаев силы, их экспансию не остановило бы формальное признание русским государством земельных прав башкирских родов. С другой стороны, в середине XVI в. русская колонизация не могла угрожать башкирам, поскольку в крае не было ни одного русского города. Даже в XVII в. поселения крестьян Уфимского уезда ограничивались округой немногочисленных крепостей и укрепленных дворцовых сел.

Причина вхождения башкир в состав Российского государства и политическая структура башкирского общества. Мы считаем, что одним из главных факторов добровольного вхождения башкир в состав Российского государства являлись внутренние противоречия, угрожавшие целостности башкирской политики.

Что представляло собой это образование? Государства, возникшие на руинах Улуса Джучи, копировали Золотую орду, т.е. были ханствами с клановой иерархией, которую венчала фигура чингизида. Из этого порядка несколько выбивалась Ногайская орда, отказавшаяся от правления чингизидов даже в качестве марионеточных фигур. Однако правящий в Ногайской орде мангытский клан пытался создать свой миф, легитимизирующий власть представителей дома Едигея. У башкир возник особый вариант политического объединения, в котором горизонтальные связи между родоплеменными структурами доминировали над вертикальными. Иерархические конструкции родовых кланов эпизодически возникали только в периоды наибольшего военного напряжения этноса, однако они никогда не приобретали институциональный характер. Сетевая структура этой политики исключала наличие единого центра власти и сакрального лидера. Все башкирские роды обладали равным правовым статусом в этом объединении. Численность ополчения, величина родовой территории или древность обитания рода в Башкирии не принимались в расчет при разрешении межродовых конфликтов. Все общешкирские вопросы решались только на общих собраниях – йыйынах.

Ни один из родовых лидеров не имел права брать на себя решение любых вопросов без санкции народных собраний.

Признавали ли соседи наличие башкирской политики или же они рассматривали башкир как этническое сообщество, объединенное общностью языка, веры или происхождения?

В начале XVI в. ногаи, захватившие земли башкир, были вынуждены создать Башкирское наместничество, т.е. особую административную территорию с наместником, которая не входила в крыльевую структуру Ногайской орды [9, с. 210]. В период разрыва подданных отношений в первое двадцатилетие XVIII в. в российских официальных документах появляется политоним «Башкирская орда» [10, л. 201]. Таким образом, и ногайские бии, и российское правительство принимали в расчет факт политического единства башкирского народа.

Империя – залог внутреннего мира башкирского общества. Что мешало башкирской политике существовать в качестве суверенного образования? Дело в том, что подобные акефальные политики не обладали механизмом правового разрешения таких внутренних конфликтов, как земельные споры между родами или кровная месть. Война же как средство урегулирования межродовых противоречий могла длиться бесконечно. При отсутствии сакрального вождя, стоящего над родоплеменными структурами, роль равноудаленного арбитра брали на себя имперские структуры, будь то монгольские или российские. Исследователи, интерпретировавшие информацию башкирских шежере, не обращают внимание на то, что посланцы башкир в XVI в. не просто просили российские власти закрепить за их родами вотчинные земли, но и требовали обмерить и размежевать их. В родословной росписи племени Минг прямо утверждается: «...земли просили поделить, чтобы избежать взаимного насилия» [8, с. 30].

К середине XVI в. земельные конфликты между некоторыми башкирскими родами насчитывали сотни лет и приобрели эпическое содержание. К примеру, спор за землю между бурзянами и кипчками воплотился даже в двух эпосах с противоположными интерпретациями образов главных героев.

Повторное вхождение башкир в состав Российского государства. В письменных же источниках середины XVI в. причины добровольного вхождения башкир в состав России отражены крайне скудно, чего нельзя сказать о ситуации 1716–1720 гг., когда башкиры обратились к правительству с просьбой возобновить свое российское подданство. Этот же комплекс источников свидетельствует том, что в результате восстания 1704–1711 гг. башкиры вышли из российского подданства *de jure* [11, с. 113].

В первые годы после завершения восстания башкиры не помышляли о восстановлении прежних отношений с Россией, но в 1716 г. сами предложили российским властям расследовать причины восстания и выразили готовность присягнуть государству на условиях прежних договоренностей XVI–XVII вв.

Что подтолкнуло башкир к возвращению в подданство России? Документы сената говорят о том, что башкиры обусловили возобновление своих отношений с империей решением вопроса о «сходцах». Это официальное называние незаконных переселенцев в Уфимский уезд. Интересно, что в эту же

категорию попали и пленные ясачные люди, уведенные с территории Казанской провинции после отступления башкирских повстанческих отрядов.

О масштабах этой вольной и невольной миграции свидетельствуют ясачные недоимки Казанской губернии. С 1707 по 1720 г. местные власти насчитали «казне недобор в денежном 160 000 рублей, а в хлебном 180 000 батманов» [12, с. 286]. В 1713 г. в губернии 33 ясачных двора числились пустыми [3, с. 128]. Годом ранее казанский губернатор П. А. Апраксин отметил, что в Башкирию ушло 10 тыс. ясачников, а «только нынешней зимой ушло еще 4000 крестьян» [12, с. 217].

В сенат одновременно с башкирским челобитьем поступила и коллективная просьба от самих «сходцев», которые просили власти не возвращать их домой, но переписать и обложить их ясаком «противу окладу башкир» [10, л. 130].

В условиях фактической и юридической независимости Башкирская орда оказалась неспособной решить проблему мигрантов без внешнего вмешательства.

В 1720 г. башкиры на йайынах приняли решение выдать российским властям всех «сходцев» и пленных ясачных людей, как русских, так и нерусских. Основная масса родов согласилась выдворить только тех, кто оказался на вотчинных землях после 1707 г., т.е. когда восставшие перенесли военные действия на территорию Казанской провинции. К маю 1722 г. из Уфимской провинции была выслана на прежние места обитания 5031 семья с 20 075 душами обоего пола. По очень приблизительным данным кунгурского бургомистра Юхнева, в 1726 г. численность башкир колебалась от 150 до 170 тыс. человек обоего пола [13, с. 484–485]. В начале 70-х гг. XVIII в. тептяробобыльская группа населения, состоящая в основном из пришлого населения, составляла 33 380 душ мужского пола [14, с. 29], т.е. около 70 тыс. душ обоего пола. Таким образом, по численности группа мигрантов была вполне сопоставима с башкирским населением.

Башкирам как народу «проклятому, многочисленному и военному», по оценке того же П. А. Апраксина [12, с. 256], не составляло большого труда согнать со своих земель мирных переселенцев. Проблема заключалась в том, что в отношении водворения мигрантов башкирские родоплеменные объединения заняли диаметрально противоположенные позиции.

Значительная часть башкир Ногайской и Казанской дорог Уфимской провинции (юг и запад) не только не желала выдавать сходцев, но и оказала вооруженное сопротивление поисковым командам, состоящим из регулярных войск и башкир. Дело дошло до убитых и раненных [12, с. 294]. Причина отказа объяснилась в основном экономическими причинами. Башкиры деревни Ай в ответ на требования поручика Милкевича выдать ему всех переселенцев ответили: «...ежели-де работников станут от них требовать, то-де никаких отдавать не станут, за что-де государь ваших крестьян из вас не выводит?» [10, л. 657]. Фактически башкиры приравнивали переселенцев к своим крепостным крестьянам. Граф И. Г. Головкин указал на долговую зависимость мигрантов от башкир: «...таких беглецов Казанского и других уездов у башкирцов живут за долговые деньги многое число, и таких-де не отдают, а коих отдают, требуют с них данных им денег, а тем беглецам тех денег взять негде,

без платежа денег не отдают» [12, с. 292]. Зависимость переселенцев от башкир-вотчинников вполне ясно охарактеризовал в середине XVIII в. оренбургский губернатор Д. В. Волков: «Каждой же башкирец чувашенина за самую презрительную и к одной подлой работе рожденную тварь почитает. Да что лучше чуваша и сами охотно тому мнению согласоваться кажутся... и от самых иногда зачем-либо посылаемых башкирцов обиды так терпеливо сносят, как бы тому так и быть надлежало» [13, с. 337].

Некоторая часть сходцев, переселившихся в Уфимскую провинцию в XVII в., успела породниться с башкирами, приобретя статус башкир-вотчинников. Неслучайно у одного из самых решительных противников возвращения переселенцев, муллы Исмаила, дед был «пришлой в Уфинской уезд» [12, с. 289]. Этих новых башкир не радовала перспектива оказаться на исторической родине. Казанский комиссар Ф. Люткин, посланный уговаривать башкир выдать сходцев, отмечал: «В Уфимской провинции башкирцы платили с 8 ясаков по одной кунице, которой цена 8 гривен и обойдется ясака токмо по гривне в год, а со двора по 4 деньги, а в Казани с ясака в год денежных сборов сбирается по 8 рублей по 26 алтын с полуденьгою» [10, л. 130]. Таким образом, ясак в Башкирии был в 450 раз меньше, чем в Казанской провинции. Даже захваченные в плен казанские ясачные люди не стремились получить свободу, рассчитывая со временем стать вотчинниками-башкирами. Однако именно такая перспектива всерьез обеспокоила башкир, не обладавших обширными вотчинными угодьями. В коллективной челобитной башкир на имя полковника Головкина от 17 мая 1720 г. сообщалось следующее: «...из тех беглецов иные, происком своим, назвав их башкирские земли своими землями, взяв от губернаторов указ, поселились деревнями на их башкирских землях... и ежели оные беглецы от них не возмутся, то-де многие беглецы, согласясь с их братею башкирцами, станут называть башкирские земли своими землями, для того, чтобы им как не есть остаться в Уфинском уезде» [10, л. 227].

Мигранты как неразрешимая проблема башкирского общества.

Почему же общешкирские йыйыны не могли принять решение о запрещении отдельным родам принимать и укрывать у себя сходцев? Дело в том, что у башкир субъектом землевладения была родовая волость. Только она решала, кого поселять на своих землях, а кого лишать такой возможности. Более того, каждый ответственный плательщик ясака владел привилегией припускать на свой жребий любого поселенца, не спрашивая разрешения у общины. Однако плату, взимаемую с припущенника за пользование угодьями, вотчинник был обязан делить со своими сородичами. В 1734 г. башкиры 12 северовосточных волостей обратились в сенат с жалобой на башкира Майдара Мещерева, который «держит у себя много пришлых из других городов людей» [15, л. 263]. Несколько десятков тысяч башкир Сибирской дороги не могли запретить одному вотчиннику принимать у себя переселенцев.

К концу второго десятилетия XVIII в. башкирское общество оказалось на грани раскола по вопросу о переселенцах. Некоторые лидеры башкир многоземельных волостей юга Уфимской провинции намеревались создать ханство во главе с шибанидом или тукатимуридом. В 1721 г. у полковника Головкина появились сведения, что башкиры Бурзянской волости принимали

у себя представителей хана Мурата, которому якобы чудом удалось спастись после поражения под Терским городком [12, с. 295]. В том же году в Уфе узнали, что на границе Бурзянской волости появился хан Абулхаир.

В марте 1721 г. драгун-иноземец Иоган Александров нашел анонимное послание, обращенное старшинам Ногайской дороги. В нем говорилось: «Премное челобитье всем юртовым старшинам после челобитья ведома будет все мы говаривали, что в степной стороне живут воры к калмыкам и каракалпам уехать хотят, хан судья ваш, а судья ваш Смаил вор и к нему присталые, и вы воры и так-де вы все говаривали после войны, которые перешли чуваша отдадите ничего не будет» [10, л. 583]. В письме изложено ультимативное требование башкирам степных волостей выдать российским властям всех сходцев, поселившихся в Башкирии после 1707 г.

В конце 1721 г. башкиры Ногайской дороги провели несколько йыйынов, где южным башкирам удалось прийти к общему решению – присягнуть на верность российским властям и выдать властям всех беглых и пленных, оказавшихся в Уфимской провинции после 1707 г. Башкиры особо подчеркивали, что условия принятия подданства должны быть такими, как было при «прежних государях» [10, л. 4], т.е. середины XVI в.

Следует особо обратить внимание на то, какие обязательства перед империей взяли на себя башкиры Ногайской дороги: «...на съездах предложили они шертованием служить царскому величеству верно, а которые из их братии башкирцов его величеству станут показывать какие противности и им на тех *ходить войной* (выделено мной – Б. А.)» [10, л. 675].

Никогда прежде башкиры не клялись «ходить войной» на свою «братию башкирцев». Фактически башкиры открыто заявили властям об отсутствии былой солидарности. А у российских властей появился шанс обрести среди башкир лояльных проводников своей политики, готовых воевать за интересы империи даже со своими соплеменниками. В 1735 г. в Башкирии начнется очередное восстание, в котором вооруженное противостояние между «верными» и «воровскими» башкирами приобретет небывалые масштабы.

Подводя итог, необходимо отметить, что добровольность башкирского подданства была обусловлена политической структурой башкирского общества, в котором отсутствовал единый центр власти, стоящей над родовыми структурами. Все политические решения принимались на народных собраниях. У башкир отсутствовал сакральный лидер, поэтому между родоплеменными структурами сложились отношения равноправия, независимо от их военного потенциала. Башкирские роды объединялись в политику, в которой доминировали горизонтальные связи, поддерживаемые верой в общее происхождение. Но поскольку субъектом землевладения выступал каждый отдельный род, то земельные конфликты между собственниками приводили к бесконечной войне. По этой причине наиболее применимой формой существования башкирской политики является не суверенное государство, а автономия в рамках империи. Глава империи, будучи равноудаленным властителем, брал на себя функцию судьи во всех земельных спорах башкир и криминальных преступлениях, являвшихся главными причинами межплеменных войн. Со своей стороны башкиры обязались воевать за империю и платить ясак за владение вотчинными землями.

Список литературы

1. Усманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа : Башкнигоиздат, 1982. 355 с.
2. Шакурова Ф. А. Подданство или протекторат? Анализ поведения башкирской элиты в период восстаний // Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева : сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию со дня рождения Салавата Юлаева. Уфа, 2004. С. 171–176.
3. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 1997. 687 с.
4. Акманов И. Г. Башкортостан и Россия: Взаимоотношения в середине XVI – первой половине XVIII в. // Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740 / Алтон С. Доннелли. Уфа, 1995. С. 17–27.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 3. Д. 115.
6. Тrepавлов В. В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа : Уральский научный центр РАН, 1997. 72 с.
7. Шмитт К. Понятие политического. СПб. : Наука, 2016. 559 с.
8. История башкирского народа : в 7 т. Уфа : Гилем, 2011. Т. 3. 467 с.
9. Тrepавлов В. В. История Ногайской Орды. М. : Восточная литература, 2001. 752 с.
10. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 107.
11. Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. М. : Наука, 2009. 317 с.
12. Материалы по истории Башкирской АССР : в 7 т. Т. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М. ; Л. : АН СССР, 1936. 631 с.
13. Материалы по истории Башкирской АССР : в 7 т. Т. 3. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / сост. Н. Ф. Демидова. М. ; Л. : АН СССР, 1949. 691 с.
14. Гвоздикова И. М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа : Китап, 1999. 512 с.
15. РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821.

References

1. Usmanov A.N. *Dobrovol'noe prisoedinenie Bashkirii k Russkomu gosudarstvu = Voluntary accession of Bashkiria to the Russian state*. Ufa: Bashknigoizdat, 1982:355. (In Russ.)
2. Shakurova F.A. Citizenship or protectorate? Analysis of the behavior of the Bashkir elite during the uprisings. *Ideya svobody v zhizni i tvorchestve Salavata Yulaeva: sb. tr. Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 250-letiyu so dnya rozhdeniya Salavata Yulaeva = The idea of freedom in the life and work of Salavat Yulaev: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 250th anniversary of Salavat Yulaev*. Ufa, 2004:171–176. (In Russ.)
3. Likhachev D.S., Dmitriev L.A., Alekseev A.A., Ponyrko N.V. (ed.). The Tale of Bygone Years. *Biblioteka literatury Drevney Rusi = Library of Ancient Russia literature*. Saint-Petersburg: Nauka, 1997:687. (In Russ.)
4. Akmanov I.G. Bashkortostan and Russia: relations in the middle of the 16th – the first half of the 18th centuries. *Zavoevanie Bashkirii Rossiei. 1552–1740 = The conquest of Bashkiria by Russia. 1552–1740*. Ufa, 1995:17–27. (In Russ.)
5. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 248. Op. 3. D. 115 = Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 248. Schedule 3. Document 115*. (In Russ.)
6. Trepavlov V.V. *Nogai v Bashkirii, XV–XVII vv. Knyazheskie rody nogayskogo proth iskhozhdeniya = Nogai in Bashkiria, 15th – 17th centuries. Princely births of Nogai origin*. Ufa: Ural'skiy nauchnyy tsentr RAN, 1997:72. (In Russ.)

7. Shmitt K. *Ponyatie politicheskogo = Political concept*. Saint-Petersburg: Nauka, 2016: 559. (In Russ.)
8. *Istoriya bashkirskogo naroda: v 7 t. = The history of the Bashkir people: in 7 volumes*. Ufa: Gilem, 2011;3:467. (In Russ.)
9. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy = History of the Nogai Horde*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001:752. (In Russ.)
10. RGADA. F. 248. Op. 3. D. 107 = *Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 248. Schedule 3. Document 107*. (In Russ.)
11. Taymasov S.U. *Bashkirsko-kazakhskie otnosheniya v XVIII v. = Bashkir-Kazakh relations in the 18th century*. Moscow: Nauka, 2009:317. (In Russ.)
12. *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR: v 7 t. T. 1. Bashkirskie vosstaniya v XVII i pervoy polovine XVIII vv. = Materials on the history of the Bashkir ASSR: in 7 volumes. Volume 1. Bashkir uprisings in the 17th and the first half of the 18th centuries*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1936:631. (In Russ.)
13. Demidova N.F. (comp.). *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR: v 7 t. T. 3. Ekonomicheskie i sotsial'nye otnosheniya v Bashkirii v pervoy polovine XVIII v. = Materials on the history of the Bashkir ASSR: in 7 volumes. Volume 3. Economic and social relations in Bashkiria in the first half of the 18th century*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1949: 691. (In Russ.)
14. Gvozdikova I.M. *Bashkortostan nakanune i v gody Krest'yanskoy voyny pod predvoditel'stvom E. I. Pugacheva = Bashkortostan on the eve and during the Peasant War led by E.I. Pugachev*. Ufa: Kitap, 1999:512. (In Russ.)
15. RGADA. F. 248. Op. 15. D. 821 = *Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 248. Schedule 15. Document 821*. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Буллат Ахмерович Азнабаев

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории
Республики Башкортостан, археологии
и этнологии, Башкирский
государственный университет
(Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32)

E-mail: azbulatt@mail.ru

Bulat A. Aznabaev

Doctor of historical sciences, associate
professor, head of the sub-department
of history the Republic of Bashkortostan,
archeology and ethnology, Bashkir State
University (32 Zaki Validi street, Ufa,
Russia)

Поступила в редакцию / Received 26.11.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.03.2021

Принята к публикации / Accepted 03.04.2021

УДК 93/94

doi:10.21685/2072-3024-2021-2-2

**Развитие среднего и низшего коммерческого образования
в пищевперерабатывающих отраслях России
второй половины XIX – начала XX в.**

С. А. Рогатко

Российский национальный комитет по истории и философии науки и техники
Российской академии наук, Москва, Россия
rogatko1@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Для понимания развития образования в пищевперерабатывающих отраслях России во второй половине XIX – начале XX в. проблема исследования исторической закономерности зарождения и развития среднего и низшего коммерческого образования в пищевперерабатывающих отраслях в России является важнейшим элементом. Основой исследования стали правовые, социальные, научные и технологические аспекты, которые влияли на внедрение специальных предметов и трансформацию учебных программ в коммерческом образовании. Сравнительный анализ между учебными программами разных типов учебных заведений на фоне проблемы «многопредметности» является актуальным фактором развития современного образования. Цель статьи – историческая реконструкция развития среднего и низшего коммерческого образования в пищевой переработке. *Материалы и методы.* Основной литературой для исследования стали материалы по коммерческому образованию Министерства финансов, а также правовые акты российского законодательства и материалы департаментов Министерства торговли и промышленности. Методологическую основу данного исследования составили принципы как общенаучных, так и основных исторических методов исследования. Наряду с указанными активно применялись проблемный, хронологический, аналитический, историко-статистический и сравнительный методы. *Результаты.* В ходе написания статьи решалась главная задача – обобщить опыт развития среднего и низшего коммерческого образования в пищевой переработке в пореформенную эпоху и период развития индустриального капитализма в России для применения его в современных условиях. *Выводы.* В ходе исследования выявлено, что в конце XIX – начале XX в. в коммерческом среднем и низшем образовании существовала система обучения, которая только отчасти отвечала требованиям всей отраслевой образовательной специализации в пищевперерабатывающей сфере. Пробел в профессионально-техническом отраслевом образовании среди специалистов среднего звена (техников, технологов-мастеров, рабочих) в пореформенное время и особенно в начале XX в. восполнялся за счет других специализированных отраслевых средних и низших учебных заведений.

Ключевые слова: коммерческое среднее и низшее образование, учебные программы, практические занятия, курсы предметов, программа по товароведению

Для цитирования: Рогатко С. А. Развитие среднего и низшего коммерческого образования в пищевперерабатывающих отраслях России второй половины XIX – начала XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 13–27. doi:10.21685/2072-3024-2021-2-2

The development of secondary and primary commercial education in the food processing industries in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries

S.A. Rogatko

Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

rogatko1@yandex.ru

Abstract. *Background.* To understand the development of education in the food processing industries in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries the problem of studying the historical regularity of the origin and development of secondary and primary commercial education in the food processing industries in Russia is an essential element. The research is based on legal, social, scientific and technological aspects that influenced the introduction of special subjects and the transformation of curricula in commercial education. Comparative analysis between the different educational curricula against the background of the problem of “multidisciplinary” is an urgent factor in the development of modern education. The purpose of this work is a historical reconstruction of the development of secondary and primary commercial education in food processing. *Materials and methods.* The main documents for this study were materials on commercial education of the Ministry of Finance, as well as legal acts of Russian legislation and materials from departments of the Ministry of Trade and Industry. The methodological basic of this research was based both on the principles of general scientific as well as historical methods of research. Along with the mentioned methods, the problematic, chronological, analytical, historical-statistical and comparative methods were actively used. *Results.* During writing of this article, the main goal was being solved – generalize experience of development of secondary and primary commercial education in food processing in post-reformat period and in the period of development of industrial capitalism in Russia for its application in the modern conditions. *Conclusions.* The study revealed that at the end of 19th – beginning of 20th centuries in secondary and primary commercial education there was a system of education which only partially met the requirements of all brunch educational specialization in food processing industry. The gap in professional-technical sectoral education among the specialist of intermediate level (technics, masters, workers) in the post-reform period and especially at the beginning of 20th century was refilled at the cost of other specialized industrial intermediate and elementary training facilities.

Keywords: commercial secondary and elementary education, training programs, practical lessons, special subject course, commodity research programs

For citation: Rogatko S.A. The development of secondary and primary commercial education in the food processing industries in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2021;2:13–27. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-2-2

Кроме сельскохозяйственного и специализированного отраслевого образования в подготовке профессиональных кадров для пищеперерабатывающих отраслей немаловажную роль во второй половине XIX – начале XX в. играло также коммерческое образование. К коммерческим учебным заведениям по Положению 1896 г. относились: 1) торговые классы (для лиц не моложе 12 лет, преимущественно состоящих на службе в торгово-промышленных заведениях); 2) торговые школы (одноклассные с годичным курсом и

трехклассные с трехлетним курсом обучения); 3) коммерческие училища и 4) коммерческие курсы [1, гл. II, ст. 25; гл. III, ст. 36].

Впрочем, специального деления по отраслевому признаку или профессиональной деятельности в этом Положении не было предусмотрено. Главная причина этого состояла в том, что Департамент государственной экономии и законов Государственного совета, разрабатывая данное Положение, оставлял за Попечительными советами училищ возможность «вводить в упомянутые Положения необходимые изменения, согласно Положению о коммерческих учебных заведениях» [1, п. II]. То есть, создавая Положение как универсальное для всех видов отраслевой деятельности, уже изначально вводилась возможность в дальнейшем в каждом конкретном училище создавать нормативную базу для определения этого образовательного учреждения по его отраслевой принадлежности.

Общие учебные дисциплины торговых классов, школ двух видов были весьма схожи с коммерческими семиклассными училищами. В основные общие дисциплины для этих учебных заведений входили русский язык, коммерческая арифметика (для классов – арифметика с коммерческими вычислениями) и коммерческая география. Кроме этого, в училищах еще преподавалось товароведение с технологией как наиболее важный предмет для будущих специалистов в отраслях пищевой переработки. Однако какой-то отраслевой профессиональной и технической специализации, кроме общеторговых знаний по коммерческому делу, которые вполне годились для всех видов профессиональной деятельности в промысловых занятиях, в училищах и школах не было предусмотрено [1, гл. IV, ст. 50; гл. V, ст. 61].

Относительно курсов коммерческих знаний мужских и женских (для лиц, достигших 30-летнего возраста с опытом учебы и работы), то выбор преподаваемых предметов и объема их преподавания предоставлялся учредителям курсов в зависимости от местных условий с утверждения Министерства финансов. Как правило, на этих курсах преподавались один или несколько предметов по коммерческим специальностям также без отраслевой специализации [1, гл. V, ст. 61–62].

Чтобы выяснить, могли ли коммерческие училища, школы, классы и курсы в конце XIX – начале XX в. способствовать подготовке квалифицированных специалистов в области пищевой переработки, обратимся к учебным программам этих образовательных учреждений.

Стоит вспомнить, что первое коммерческое учебное заведение в Российской империи – Воспитательное училище из купеческих детей для коммерции – было создано еще в 1772 г. [2] при воспитательном доме в Москве по инициативе просветителя и личного секретаря императрицы Екатерины II Бецкого, который насаждал светское образование для детей 12–15 лет низших сословий – сирот, подкидышей и беспризорных. Главным попечителем и жертвователем этого заведения, которое первоначально было рассчитано на 100 мальчиков для пяти возрастов (от 6 до 9 лет; от 9 до 12 лет; от 12 до 15 лет, от 15 до 18 лет и от 18 до 21 года), стал знаменитый уральский горнопромышленник П. А. Демидов. В 1799 г. уже при Павле I Демидовское Коммерческое училище переехало в Санкт-Петербург. Основными предметами среди общих в этом училище для учащихся в 3 возрасте от 12 до 15 лет были натуральная история, весьма схожая с природоведением, бухгалтерский счет,

а также историческая география, которая изучала «произрастания всякого климата». Главный упор был сделан на экономические познания в сфере огородничества, садоводства и других видах «земледелия и домостроительства». Далее для 3 и 4 возрастов добавлялись предметы по математике, механике, а также физике и химии с более подробными знаниями по коммерческим наукам [2, гл. 8, п. 7–8.]

Затем в 1804 г. благодаря стараниям общества московских купцов и мещан в Москве было организовано второе Коммерческое училище для 4 классов (возрастов), в котором первоначально планировалось обучать до 80 учеников, как детей московских купцов, их родственников, так и иногородних. Кроме общих дисциплин в училище для 3 класса преподавались купеческие выкладки и начало бухгалтерии, а также продолжение коммерческой истории и географии. А в 4 классе вводились курсы по натуральной истории и технологии, а также статистике государств и сочинение купеческих писем на немецком и французском языках [3, п. 9]. Все это делалось для подготовки специалистов промышленных и торговых предприятий, в том числе и тех, которые могли бы торговать с иностранными купцами и предпринимателями, а также с учетом их первичных познаний по переработке некоторых видов сельскохозяйственного сырья.

В пореформенные 60–70-е гг. XIX в. в открывавшихся коммерческих училищах России к дополнительным учебным дисциплинам стали прибавлять более углубленные курсы по биологии, химии и первые теоретические курсы по товароведению. Главная цель курса товароведения состояла в ознакомлении учащихся с основными группами товаров, производившихся на территории России на каждом этапе исторического развития государства. Так, например, к концу XIX в. в семиклассном коммерческом училище В. Ф. Штюмерера за год обучения в 6 классе при 2-часовом общем курсе товароведения в неделю учащиеся изучали следующие группы товаров: топливо, строительные товары, осветительные и смазочные, стеклянные, фарфоровые и кожаные. В 7 классе при 4-часовой нагрузке в неделю в первое полугодие изучались мануфактурные, металлические и химические товары, а во втором полугодии – пищевые товары [4, с. 76].

Первые практические занятия по товароведению состоялись в Московском коммерческом училище в 1881 г. в 8 классе. Всего им было отведено 3,5 ч в неделю на весь курс [4, с. 340]. Эти практические занятия проводились в лабораториях и основывались на научных методах в области механики, оптики, физики и химии. Такой подход позволял учащимся более углубленно, эмпирическим путем определять основные свойства товаров различных групп. Причем для определения свойств пищевых товаров, по мнению А. Н. Альмедингера – известного химика и винодела, наиболее желательным был метод химический [4, с. 76]. Для определения с помощью различных научных методов физико-химических свойств пищевых товаров в лабораториях Московского коммерческого училища проводились следующие практические занятия [4, с. 343–408]:

- определение удельного веса жидких и твердых тел различными способами и с помощью различных приборов;
- определение температуры плавления твердого жира и воска;
- определение достоинства молока лактодесиметрами и лактоскопами;

- определение содержания жира в молоке;
- определение содержания масла в масличных семенах;
- определение натуры зерна;
- определение количества клейковины в пшеничной муке;
- установление количества муки с помощью определения в ней золы и жира;
- исследование ржаной муки хлороформным способом Раковича;
- определение пористости печеного хлеба;
- установка химических признаков (констант) масел;
- определение коэффициента кислотности;
- определение йодного числа Глобля для жиров практически всех видов.

В Варшавском трехклассном училище Ф. Ф. Лякуса после анализа зарубежного опыта в европейских коммерческих школах, исходя из важности товароведения для подготовки опытных торговых комиссионеров, этому курсу было отведено теоретических занятий в 6 классе – 3 ч, в 7 классе – 5 ч, практическим занятиям в 6 классе – 1 ч и в 7 классе – 2 ч. Для практических занятий в училище была предусмотрена лаборатория со специальными приборами для испытаний коровьего молока и масла, зернового хлеба и муки, спиртных напитков, растительных масел и масличных семян, а также других товаров широкого потребления, что лишний раз доказывало, что без глубоких знаний о свойствах пищевых товаров невозможна подготовка специалистов в области пищевой переработки [4, с. 71–72].

Казалось бы, очевидная необходимость введения курса товароведения в коммерческие средние и низшие учебные заведения России было делом решенным. Однако выяснилось, что эта новация для того времени столкнулась с проблемой так называемой «многопредметности». Дело в том, что во второй половине XIX в. изучение дополнительных и коммерческих дисциплин в коммерческом образовании переживали своего рода бум. Вводились практические и теоретические курсы по ботанике, естествознанию, анатомии и физиологии человека, теории и техника статистики и многие другие специальные курсы, которые дробили учебные программы, порой засоряя и до того перегруженные занятия совершенно второстепенной информацией. Именно эта проблема стала в начале XX в. острой дискуссией среди специалистов в области коммерческого образования. Так, на Съезде директоров и представителей попечительских советов в июне 1901 г. развернулась полемика по поводу введения вообще товароведения¹. Товарищ министр финансов В. И. Ковалевский, курирующий сферу коммерческого образования, подчеркивал: «Трудность преподавания этого предмета (товароведения – *прим. авт.*), между прочим, заключается и в том, что следует разуметь под товароведением, и какия оно преследует задачи. Этот предмет заключает в себе такую массу разнообразного материала, что прежде всего возникает вопрос, не следует ли выработать сначала метод, с которым уже и приступить к изучению названного предмета, тем более, что последний имеет огромное

¹ Заметим, что для нашего исследования это весьма значимо, так как только на курсе товароведения по существу во второй половине XIX – начале XX в. учащиеся коммерческих учебных заведений обучались основам знаний о пищевых товарах и некоторым технологиям их производства.

значение для русской торговли и может быть полезен не только в школе, но и в коммерческой жизни страны. До сих пор мы не имеем еще основ научной экспертизы по многим товарам, так как эксперты в большинстве случаев руководствуются личным масштабом. Переводы иностранных учебников и пособий по этому предмету не могут удовлетворять требованиям русской школы, главным образом потому, что Россия производит много таких товаров, которых не знают заграничные рынки» [5, с. 8–9].

Словно уловив посыл товарища министра, Учебный отдел Министерства финансов в январе 1902 г. на очередном Съезде директоров и представителей попечительских советов коммерческих училищ в Петербурге создал специальную комиссию по вопросам внедрения товароведения в учебные программы коммерческих школ и училищ. Открывая съезд, В. И. Ковалевский предложил, учитывая обширность материала по товароведению, выделить из него наиболее важное для преподавания, с возможностью организации товарных кабинетов и учебных пособий по товароведению [4, с. 63]. Не возражая против самого предмета товароведения, на Съезде развернули дискуссию по поводу учебной программы по курсу товароведения и тех вспомогательных дисциплин, которые находись бы в разумном соотношении при преподавании товароведения. Так, директор частного трехклассного коммерческого училища Ф. Ф. Лякуса в Варшаве В. С. Шафранов считал, что преподавание товароведения для большей группы товаров должно основываться на химии. Для этого он предлагал, чтобы в «коммерческих училищах проводился краткий курс не только минеральной, но и органической химии, и желательно, чтобы в программу химии были введены некоторые статьи о химических продуктах, которые удобно проходить в химии, а не в товароведении» [4, с. 71]. Авторитетный специалист в области химии и товароведения А. Н. Альмедингер – преподаватель в частном училище В. Ф. Штюмера в Петербурге – полагал, что для того, чтобы не произошло ограничения курса товароведения 2–3 группами товаров, необходима «прежде всего основательная и вполне самостоятельная постановка» таких наук, как естествознание, физика и химия. Это позволило бы ознакомить учащихся с большим числом групп изучаемых товаров [4, с. 75].

Кроме разнородности учебных программ по товароведению в разных коммерческих училищах (главным образом из-за разности изучаемых групп товаров) высказывались мнения по поводу объединения курса товароведения и курса технологии по производству различных товаров. Например, декан коммерческого технического отделения Императорского Московского технического училища, профессор Я. Я. Никитинский высказывался, что «преподавание товароведения и технологии может быть без вреда и даже с пользой для товароведения соединено в один курс, что и применяется в большей части уже существующих коммерческих училищ» [4, с. 80]. В этом предложении, конечно же, отстаивалась позиция дать учащимся хотя бы элементарные сведения и «ограничиться выяснением процессов», касающихся производства того или иного товара. Это мнение поддержал преподаватель товароведения в Петровском коммерческом училище Ф. Э. Кукель, который ратовал за «введение в курс товароведения сведений из технологии, ограничивая их по возможности процессами производства» [4, с. 81]. Эта позиция объяснялась

тем, что только при этом условии учащийся лучше будет понимать требуемые качества от товара, их достоинства и недостатки. В ходе дискуссий были определены статьи, рекомендуемые комиссией для курса товароведения в программы средних коммерческих училищ. В них кроме изучения свойств товаров и знаний по производству товаров повседневного спроса, бытовых, а также веществ из нефти (керосина и смазочных масел) были включены курсы товароведения с технологией по производству пищевых продуктов. В перечень пищевых товаров входило сырье и переработанные готовые продукты: зерновой, мукомольной, крупяной, крахмально-паточной, сахарной, дрожжевой, винокуренной, винодельческой, хлебопекарной, чаеразвесочной, маслобойной, маргариновой, молочной, яичной, маслодельной, сыродельной, мясоперерабатывающей, рыбопромышленной, костяной отраслей [4, с. 89–90]. Из этого списка можно сделать вывод, что в этих статьях по пищевым товарам были представлены почти все основные пищеперерабатывающие отрасли, которые на тот период существовали в Российской империи. При этом комиссия полагала, что эти статьи можно было предлагать к изучению в совершенно произвольной форме, по мере их согласования с прохождением курса химии, а также соединением в общие группы продуктов, имеющие общую природу между собой, и по возможности двигаться от более легкой группы товаров к более сложной.

Для большинства курсов товароведения и технологии производства в коммерческих училищах эти статьи носили скорее ознакомительный характер и имели всего 4–5 ч практических и теоретических занятий в неделю, между тем как подобные курсы для нормального освоения программы требовали в среднем 174 учебных дня при интенсивности занятий в 7–8 ч в день [6, с. 1, 48]. Конечно же, такой учебный норматив для изучения курсов товароведения и технологии производств могли позволить себе не многие коммерческие училища. Поэтому в завершении обсуждения возможной перспективы преподавания этого предмета и его учебных программ на Съезде директоров и представителей попечительств коммерческих училищ 1902 г. сотрудник Департамента окладных сборов Министерства финансов, секретарь съезда Н. И. Анопов резюмировал, «что определить точно характер, объем и направление преподавания товароведения циркулярами и печатными программами весьма трудно и что полезно было бы при Учебном Отделе министерства финансов иметь лица, которые, посещая училища и беседуя с преподавателями, могли бы направлять ход преподавания» [4, с. 82]. То есть планы введения конкретных учебных программ по курсу теоретических и практических занятий по товароведению и технологии производств, по сути, были предоставлены творчеству и субъективному взгляду директоров коммерческих училищ совместно с преподавателями, но при непосредственном участии сотрудников Учебного отдела Министерства финансов. Это было оправдано в первую очередь в связи с финансовой государственной поддержкой, а также с возможностями попечительских советов. В свою очередь подобные советы, в состав которых, как правило, входили купцы, предприниматели и земские чиновники, исходили в своих оценках в первую очередь из конкретных потребностей местных сырьевых, экономических и производственных возможностей тех регионов России, где существовали их училища.

Кроме коммерческих училищ, товароведение в начале XX в. также стремились ввести в учебные программы торговых коммерческих школ. Русский экономист и публицист, специалист в области кооперативного маслоделия А. А. Мурашкинцев, выступая на совещании представителей Попечительных советов учредителей, учредительниц и инспекторов торговых школ в январе 1905 г. в Петербурге, постарался определить главную цель при изучении товароведения в коммерческих школах как накопление практических знаний, которые могли носить принцип «районного товароведения» [6, с. 195]. Для этого он предлагал три метода изложения данного предмета: 1) научный; 2) научно-прикладной и 3) научно-практический [6, с. 196–198]. Все эти методы могли чередоваться при условии помощи преподавателям со стороны местных музеев товаров, коллекций местных упаковочных товаров; в хлебобулочных районах – при создании коллекций местных сортов зерна, крупы, муки с местных мукомольных мельниц, а также при изучении прейскурантов и котировок цен на пищевые товары местных районных и других главнейших специальных торговых бирж, в том числе при изучении материалов периодических торговых изданий [6, с. 193–195]. Мурашкинцев советовал, что необходимо обращаться «к местному торгующему сословию, к отцам и семьям тех детей, которых она (школа – *прим. авт.*) должна выпустить подготовленными к практической жизни, и когда это торгующее сословие пойдет на встречу желаниям коммерческой школы в доставлении ей средств к практической подготовке своих учеников» [6, с. 199–200].

Конечно, это были больше благие пожелания, чем та реальность, в которой находились многие коммерческие школы того периода. Достаточно понимать, что 2–4-летний период обучения в коммерческих торговых школах не позволял соединять изучение основных групп пищевых товаров с технологиями их производств, как это практиковалось в коммерческих училищах.

В некоторых школах вообще отсутствовали как практические занятия по товароведению, так и специализированные кабинеты и лаборатории по этой дисциплине. Для решения проблемы изучения товароведения некоторые школы, такие, например, как Лодзинская, получали разрешения от Учебного отдела Министерства финансов о преобразовании коммерческой школы из трехлетней в четырехлетнюю [6, с. 206]. При подобных изменениях у преподавательского состава школ, а также у попечителей школ возникала все та же проблема «многопредметности», так как введение в торговые школы товароведения сразу же предполагало введение таких сопутствующих дополнительных предметов, как ботаника, зоология, минералогия, более расширенных курсов химии и физики, что сразу же перегружало учебные программы. К этому стоит добавить такой факт, что в начале XX в. в России для торговых школ не существовало отдельного учебного пособия в виде специального учебника по товароведению. Все это сказывалось на подготовке будущих торговых и производственных средних и низших кадров. В основном выпускники торговых школ устраивались в торговые и купеческие конторы, земские учреждения писарями, банки и другие коммерческие учреждения. Но только незначительное количество выпускников в качестве технологов, инспекторов и лаборантов могли устроиться в производственную сферу – на фабрики, заводы, промысловые заведения, городские лаборатории, сельскохозяйственные имения и кооперативы.

Надо заметить, что не у всех деятелей в области коммерческого образования были четкие представления о коммерческих школах. Так, один из деятелей народного образования, экономист В. В. Бонч-Бруевич, выступая с докладом на Совещании попечительных советов, учредителей, учредительниц и инспекторов торговых школ, вполне определенно высказался о том, кого должны готовить это учебное заведение: «Торговая школа имеет целью подготовить людей исключительно для торговли: приказчиков и купцов» [6, с. 272]. Впрочем, в «Положении о коммерческих учебных заведениях» о торговых школах вполне недвусмысленно говорилось: «Торговые школы имеют целью приготавливать учащихся в них к службе в торгово-промышленных заведениях» [1, гл. III. Ст. 34]. То есть не у всех специалистов было ясное понимание, кого все-таки должны готовить торговые школы. Однако можно с уверенностью сказать, что большинство общественных и частных торговых школ, к сожалению, не способствовали подготовке специалистов низшего уровня для пищеперерабатывающих производств. Исключения были лишь в женских коммерческих учебных заведениях, которые получили свое законное право на существование при принятии Государственным советом изменения в Положение 1 июня 1900 г. [7, гл. I, ст. 1]. Специалисты считали, что введение в число преподаваемых предметов в женских учебных заведениях домоводства при серьезном общем образовании, несомненно, должно было стать шагом вперед по общему женскому образованию. Впрочем, они тут же оговаривались, что домоводство как учебный предмет мог иметь в школе большее значение с точки зрения воспитательной. Между тем домоводству с точки зрения переработки и обработки питательных веществ женские школы уделяли достаточно пристальное внимание. Так, в открытой 10 января 1899 г. женской торговой школе имени П. Г. Терещенко (основана Обществом распространения коммерческого образования в г. Киеве) в учебную программу 2 и 3 года обучения входила дисциплина «Домоводство». В ее теоретический курс наряду с практическими уроками по ведению домашнего, бытового хозяйства (уборка жилого помещения, прачечная и пр.) входили 3 урока по уходу за коровой и способы получения и производства молочных продуктов (сливок, масла) с помощью сепаратора, по птицеводству, садоводству и огородничеству, по устройству погребов и сохранению овощей, мяса, яиц, масла, варенья и других продуктов, по кулинарному искусству. В практический курс на ферме и в доме входили: приготовление кушанья, хлебопечение, приготовление разных запасов для дома из ягод, плодов, овощей и мяса; сохранение мяса, овощей в кладовых и погребах; доение коровы, сохранение молока, съем сливок, приготовление масла, творога и сметаны [6, с. 247–248].

Если сравнить учебные программы по товароведению и технологиям пищевых производств для коммерческих училищ с учебной программой по предмету «Домоводство» для женских коммерческих школ, то они отличались весьма разительно. Естественно, что главной целью, кроме воспитательной, в женских школах было научить теоретическим и практическим навыкам будущих женщин-домохозяек и матерей относительно ведения домашнего хозяйства. Однако реальность показывала, что со временем многие из выпускниц подобных школ становились работницами и даже технологами в частных молочных хозяйствах, кооперативах, а также других коммерческих

производственных заведениях, где необходимы были знания, как пользоваться сепаратором, маслобойкой или мясорубочной машиной, а также другие навыки и умения для промыслового переработчика сельскохозяйственного типа.

Таким образом, если сравнивать учебные программы средних и низших коммерческих учебных заведений в конце XIX – начале XX в., то наибольшее отношение к учебным программам по подготовке специалистов в области пищевой переработки имели программы в коммерческих училищах. Они, как правило, составлялись по рекомендации Учебного отдела Минфина, но по непосредственной разработке попечительских и учебных советов учебного заведения с учетом преподавания специальных предметов: химии, товароведения и технологии производств. Например, в курс товароведения входили сведения о производстве продуктов таких отраслей, как мукомольной, хлебопекарной, молочной, мясоперерабатывающей, маслобойной, сахарной, крахмально-паточной, винокуренной, винодельческой, дрожжевой, чаеразвесочной и некоторых других. В этот курс входили как теоретические занятия, так и практические – лабораторные и полевые. Задача коммерческих училищ в этом плане состояла в том, чтобы подготовить универсальных специалистов: предпринимателей, торговцев, технологов, инструкторов для работы, как их в то время называли, в любых отраслях «по обработке питательных веществ». Впрочем, для того чтобы стать наиболее квалифицированными кадрами, будущим выпускникам по приходу на предприятие приходилось за счет работодателей все-таки «доучиваться». То есть получать конкретные навыки и знания, касающиеся того или иного региона за счет средств и времени заведения. К тому же стоит заметить, что знания, касающиеся производственной и торговой структуры пищевого перерабатывающих отраслей, правоприменительной практики, внутриотраслевых механизмов и межотраслевых связей в сфере производства и торговли, в учебных программах коммерческих училищ, как правило, отсутствовали. Эти знания воспитанникам коммерческих училищ преподавались на курсах законоведения, коммерческой географии, истории торговли, политической экономии и коммерческой корреспонденции, но без привязки к конкретным пищевым перерабатывающим отраслям.

В табл. 1 представлены общие сведения к началу 1905 г. о коммерческих учебных заведениях, подведомственных Учебному отделу Министерства финансов, которых насчитывалось 191 [8, с. 1].

Таблица 1

Тип учебных заведений	Коммерческие училища	Торговые школы	Торговые классы	Курсы коммерческих знаний	Всего
Общественные	47	40	30	8	125
Частные	21	23	2	20	66
Всего	68	63	32	28	191
В том числе женские	14	6	1	8	29
В том числе вновь открытые по 1 января 1905 г.	15	14	5	5	39

Из этих данных видно, что наибольшее количество из всех средних и низших коммерческих учебных заведений в России в начале XX в. приходилось на общественные и частные коммерческие училища – 68. В большей части из них преподавался курс товароведения и технологий, в котором в общих чертах были представлены сведения по важнейшим пищевым товарам и их производству. Интересно соотношение числа коммерческих училищ с тем количеством учащихся, которые окончили курс обучения в 1903–1904 учебном году: в 24 коммерческих училищах, в которых обучалось 9578 учеников, окончили курс 758 человек, что составило 7,9 % учащихся в этих училищах [8, с. 62]. Как правило, выбывали из коммерческих училищ по разным причинам: «по прошению родителей, по предложениям педагогического комитета родителям взять их детей из учебного заведения, за смертью, а также вследствие увольнения: за не взнос платы за учение, за дурное поведение, по малоуспешности и по неявке в учебное заведение» [8, с. 63]. Теперь число 758 человек, благополучно окончивших курс коммерческого училища, соотнесем с количеством фабрик и заводов на 1896 г. по отраслям перерабатывающей промышленности: в свеклосахарной – 235, винокуренной – 2081, дрожжевой – 44, пивоваренной – 1066, маслостоловой – 575, мукомольной – 4379, крахмальной – 340, колбасной – 99 и маслодельной отрасли – 485¹ (общее количество заведений – 9304) [9, с. 60–145]. Как видим, в России на предприятиях пищевой переработки на тот период ощущалась катастрофическая нехватка профессиональных специалистов среднего звена, которые по программе обучения должны были иметь достаточно неплохую общую профессиональную подготовку в пределах курса товароведения и технологии. В среднем на одно фабрично-заводское предприятие в России в пищеперерабатывающей сфере в начале XX в. приходилось примерно 0,0814 выпускника коммерческих училищ².

Надо сказать, что в 1910-е гг. Министерство торговли и промышленности, озабоченное подготовкой квалифицированных кадров для фабрично-заводского производства, попыталось внедрить специальные курсы учебных дисциплин по обработке питательных веществ в технические учебные заведения, которые были подведомственны Министерству. По своей природе изучаемых дисциплин и практическим применениям наиболее близкими к пищеперерабатывающим производствам считались на тот период химические или технические училища, в которых были предусмотрены химические отделения. Среди технических курсов, школ для подготовки рабочих, курсов для подготовки старших рабочих, курсов и школ для подготовки мастеров, технических училищ и технических курсов химические училища отличались достаточно на тот период полным курсом знаний по химии. Кроме общих технических и химических дисциплин в учебных планах значились такие специальности, как большая химическая промышленность, которая охватывала производство кислот, щелочей и солей, затем ряд специальностей, которые непосредственным образом были связаны с пищевой переработкой сельскохозяйственного и городского типов: производства, основанные на брожении; производство жиров и масел, консервирование растительных и

¹ Только официальные данные по маслодельням, не считая неучтенных.

² Подсчитано автором. Заметим, что к исследуемому 1903–1904 учебному году количество фабрик и заводов в пищевых отраслях еще больше возросло по сравнению с 1896 г.

животных продуктов; переработка животных материалов и отходов; производство удобрительных средств [10, с. 24–25]. При этом в курс технологии производства входили такие предметы, как сорт, свойства и качество материалов; изменение свойств в различных процессах химической и механической обработки; машины-орудия данного производства; процессы обработки в связи с выяснением их наибольшей производительности, а также стоимость разных процессов обработки [10, с. 32]. То есть учебные курсы многих технических училищ явно претендовали на подготовку квалифицированных технологов, мастеровых и техников конкретных производств. Например, в Саратовском химико-техническом училище (1899), в среднем химико-техническом училище Вильно (1900) кроме химиков широкого профиля готовили химиков-технологов для винодельческой, винокуренной, пивоваренной, сахарной, мясоперерабатывающей, молочной, консервной и других отраслей.

Подготовкой низших кадров – сельскохозяйственных рабочих и рабочих для перерабатывающих заведений сельскохозяйственного типа – занимались преимущественно технические курсы и классы Министерства торговли и промышленности. Среди них наиболее оснащенные и подготовленные во всех отношениях считались следующие: Варшавские летние практические курсы по винокурению при музее промышленности и сельского хозяйства (1906) со сроком обучения 2 месяца в году; Варшавские ремесленно-промышленные классы при музее промышленности и сельского хозяйства (1907) – 4 года учебы; Варшавские сельскохозяйственные промышленные курсы при музее промышленности и сельского хозяйства (1911) – 3 года учебы. Всего из этих варшавских учебных заведений в 1912–1913 учебном году было выпущено 118 человек [11, с. 314]. Также выделялись Первые женские промышленные курсы кролиководства, открытые в 1913 г. при ст. Серебрянка, Варшавской ж.-д. (Санкт-Петербургская губерния) со сроком обучения 6 мес. в году [11, с. 316].

Таким образом, можно сказать, что в конце XIX – начале XX в. в среднем и низшем коммерческом образовании России существовала система обучения, подведомственная Министерству финансов, которая только отчасти отвечала требованиям всей отраслевой образовательной специализации в пищеперерабатывающей сфере. Как правило, в учебных программах образовательные планы дисциплин составлялись таким образом, чтобы дать лишь первичные знания по пищевым продуктам, способам переработки сырья и приготовления готовых видов продукции. Большинство училищ, школ, классов и курсов ограничивались на занятиях преподаванием теоретических сведений без учета отраслевой специфики технологических цепочек производства на конкретных фабрично-заводских предприятиях. Этому также не способствовали краткие курсы практических и лабораторных занятий, которые главным образом были направлены на изучение физико-химического состава пищевого продовольствия. При этом стоит заметить, что в начале XX в. количество учащихся в коммерческих училищах, окончивших полный курс обучения, разительно отличалось от количества обучающихся в училище в меньшую сторону, что отражалось на нехватке квалифицированных специалистов в фабрично-заводских производствах России. Подготовка квалифицированных кадров для пищеперерабатывающих производств также отчасти способствовали технические училища Министерства торговли и

промышленности. Единого законодательного и правоприменительного центра, который разрабатывал бы и внедрял учебные программы для коммерческих средних и низших учебных заведений в сфере пищевой переработки, не существовало. Пробел в профессионально-техническом отраслевом образовании среди специалистов среднего звена (мастеровых, технологов, техников и рабочих) в пореформенное время и особенно в начале XX в. восполнялся за счет специализированных отраслевых средних и низших учебных заведений, а также в последствии в специализированных высших коммерческих учебных заведениях, которые призваны были готовить отраслевых инженеров-технологов.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи : собрание 3-е : в 33 т. (ПСЗРИ-3). Т. XVI. Ч. I. № 12774. Апреля 12. Высоч. Утв. Положение о коммерческих учебных заведениях. Мнение Гос. Совета. Высоч. Утв. 15 апреля 1896 г. (Собр. Узак. 1896 г. Июня 7, ст. 775). Положение. Гл. III. Ст. 344; Гл. IV. Ст. 50; Гл. V. Ст. 61.
2. Полное собрание законов Российской империи : собрание 1-е : в 45 т. (ПСЗРИ-1). Т. XIX. № 13916. Декабря 6. Высоч. Утв. План Воспитательного училища из купеческих детей для коммерции.
3. ПСЗРИ-1. Т. XXVIII. № 21207. Марта 12. Высоч. Утв. доклад Министра Народного просвещения. Об учреждении Коммерческого Училища в Москве. Ст. 10, п. 7.
4. Протоколы заседаний комиссии по вопросу о преподавании товароведения. Первое заседание 7 января. С. 71. Второе заседание 8 января (1902 г.) // Материалы по коммерческому образованию. Коммерческие училища. Съезд директоров и представителей попечительных советов в январе месяце 1902 года, в гор. С.-Петербурге / Министерство финансов. Учебный отдел. СПб. : Тип. и переплетная Ю. А. Мансфельд, 1902. Вып. II. 458 с.
5. Речь г. товарища министра финансов В. И. Ковалевского // Материалы по коммерческому образованию. Коммерческие училища. Съезд директоров и представителей попечительных советов в июне месяце 1901 года в С.-Петербурге / Министерство финансов. Учебный отдел. СПб. : Тип. и литография В. В. Комарова, 1901. Вып. I. 138 с.
6. Материалы по коммерческому образованию. Торговые школы / Министерство финансов. Учебный отдел. СПб. : Тип. А. В. Орлова, 1905. Вып. III. 295 с.
7. ПСЗРИ-3. Т. XX. Ч. 1. № 18806. Июня 10. Высоч. Утв. мнение Гос. Совета (Собр. Узак. 1900 г. Августа 18, ст. 1976). Об изменении Положения о коммерческих учебных заведениях. Гл. I. Ст. 1.
8. Материалы по коммерческому образованию. Отчет о состоянии коммерческого образования в России за 1903–1904 учебный год в учебных заведениях ведомства Министерства финансов / Министерство финансов. Учебный отдел. СПб. : Тип. А. В. Орлова, 1905. Вып. IV. 103 с.
9. Министерство Финансов. Департамент торговли и мануфактур. Торгово-промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов / под ред. А. А. Блау. СПб. : Тип. А. В. Суворина, 1899. 1064 с.
10. Приложение № 3 к законопроекту Министерства Торговли и промышленности об утверждении Положения о технических учебных заведениях и об установлении для распространения технических знаний и Расписания должностей в технических учебных заведениях // Министерство Торговли и Промышленности. Примерные учебные планы технических учебных заведений с кратким объяснением содержания отдельных предметов. СПб., 1916.
11. Министерство Торговли и Промышленности. Статистические сведения о состоянии учебных заведений подведомственных Учебному отделу МТ и П. 1912–1913 /

Министерство Торговли и Промышленности. Издание учебного отдела. Пг. : Тип. А. В. Орлова, 1914. 464 с.

References

1. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii: sobranie 3-e: v 33 t. (PSZRI-3). T. XVI. Ch. I. № 12774. Aprelya 12. Vysoch. Utv. Polozhenie o kommercheskikh uchebnykh zavedeniyakh. Mnenie Gos. Soveta. Vysoch. Utv. 15 aprelya 1896 g. (Sobr. Uzak. 1896 g. Iyunya 7, st. 775). Polozhenie. Gl. III. St. 344; Gl. IV. St. 50; Gl. V. St. 61. = Complete collected laws of the Russian Empire: collection 3: in 33 volumes. Volume 16. Part 1. No. 12774. April, 12. Royally assented regulation on commercial educational institutions. State Council opinion. Royally assented on the 15th of April, 1896. (Collected laws. June 7, 1896, article 775). (In Russ.)*
2. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii: sobranie 1-e: v 45 t. (PSZRI-1). T. XIX. № 13916. Dekabrya 6. Vysoch. Utv. Plan Vospitatel'nogo uchilishcha iz kupecheskikh detey dlya kommertsii = Complete collected laws of the Russian Empire: collection 1: in 45 volumes. Volume 19. No. 13916. December, 6. Royally assented Children Educational School Plan for Commerce. (In Russ.)*
3. *PSZRI-1. T. XXVIII. № 21207. Marta 12. Vysoch. Utv. доклад Ministra Narodnogo prosveshcheniya. Ob uchrezhdenii Kommercheskogo Uchilishcha v Moskve. St. 10, p. 7 = Complete collected laws of the Russian Empire: collection 1: in 45 volumes. Volume 28. No. 21207. March, 12. Royally assented report of the Minister of Public Education. On the establishment of a Commercial School in Moscow. Article 10, paragraph 7. (In Russ.)*
4. Records of the commission meetings on the teaching of commodity science. The 1st meeting, January 7. The 2nd meeting, January 8 (1902). *Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu. Kommercheskie uchilishcha. S"ezd direktorov i predstaviteley popechitel'nykh sovetov v yanvare mesyatse 1902 goda, v gor. S.-Peterburge = Commercial education materials. Commercial schools. Congress of Directors and Representatives of School Boards in January 1902 in Saint Petersburg. Ministerstvo finansov. Uchebnyy otdel. Saint-Petersburg: Tip. i perepletnaya Yu. A. Mansfel'd, 1902;II:458. (In Russ.)*
5. Speech by the Deputy Minister of Finance V.I. Kovalevsky. *Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu. Kommercheskie uchilishcha. S"ezd direktorov i predstaviteley popechitel'nykh sovetov v iyune mesyatse 1901 goda v S.-Peterburge = Commercial education materials. Commercial schools. Congress of Directors and Representatives of School Boards in June 1902 in Saint Petersburg. Ministerstvo finansov. Uchebnyy otdel. Saint-Petersburg: Tip. i litografiya V.V. Komarova, 1901;I:138. (In Russ.)*
6. *Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu. Torgovye shkoly = Commercial education materials. Trading schools. Ministerstvo finansov. Uchebnyy otdel. Saint-Petersburg: Tip. A.V. Orlova, 1905;III: 295. (In Russ.)*
7. *PSZRI-3. T. XX. Ch. I. № 18806. Iyunya 10. Vysoch. Utv. mnenie Gos. Soveta (Sobr. Uzak. 1900 g. Avgusta 18, st. 1976). Ob izmenenii Polozheniya o kommercheskikh uchebnykh zavedeniyakh. Gl. 1. St. 1. = Complete collected laws of the Russian Empire: collection 3: in 33 volumes. Volume 20. Part 1. No. 18806. June, 10. Royally assented opinion of the Council of State (Collected laws. August 18, 1900. Article 1976). On changing the Regulation on commercial educational institutions. Chapter 1. Article 1. (In Russ.)*
8. *Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu. Otchet o sostoyanii kommercheskogo obrazovaniya v Rossii za 1903–1904 uchebnyy god v uchebnykh zavedeniyakh vedomstva Ministerstva finansov = Commercial education materials. Report on the state of commercial education in Russia for the 1903–1904 academic year in educational institutions of the Ministry of Finance. Ministerstvo finansov. Uchebnyy otdel. Saint-Petersburg: Tip. A.V. Orlova, 1905;IV:103. (In Russ.)*

9. Blau A.A. (ed.). *Ministerstvo Finansov. Departament trgovli i manufaktur. Torgovo-promyshlennaya Rossiya. Spravochnaya kniga dlya kuptsov i fabrikantov* = *The Ministry of Finance. Department of Trade and Manufactures. Commercial and industrial Russia. Reference book for merchants and manufacturers*. Saint-Petersburg: Tip. A.V. Suvorina, 1899:1064. (In Russ.)
10. Appendix No. 3 to the bill of the Ministry of Trade and Industry on the approval of the Regulation on technical educational institutions and on the established for the dissemination of technical knowledge and the Schedule of positions in technical educational institutions. *Ministerstvo Torgovli i Promyshlennosti. Primernye uchebnye plany tekhnicheskikh uchebnykh zavedeniy s kratkim ob"yasneniem soderzhaniya otdel'nykh predmetov* = *The Ministry of Trade and Industry. Approximate curricula of technical educational institutions with a brief explanation of the content of individual subjects*. Saint-Petersburg, 1916. (In Russ.)
11. *Ministerstvo Torgovli i Promyshlennosti. Statisticheskie svedeniya o sostoyanii uchebnykh zavedeniy podvedomstvennykh Uchebnomu otdelu MT i P. 1912–1913* = *The Ministry of Trade and Industry. Statistical information about the state of educational institutions subordinated to the Educational Department of the Ministry of Trade and Industry, 1912–1913*. Ministerstvo Torgovli i Promyshlennosti. Izdanie uchebnogo otdela. Petrograd: Tip. A.V. Orlova, 1914:464. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Сергей Александрович Рогатко

кандидат исторических наук, член
Российского национального комитета
по истории и философии науки
и техники Российской академии
наук (Россия, г. Москва,
ул. Балтийская, 14)

E-mail: roгатko1@yandex.ru

Sergey A. Rogatko

Candidate of historical sciences, member
of the Russian National Committee for the
History and Philosophy of Science and
Technology of the Russian Academy of
Sciences (14 Baltiyskaya street, Moscow,
Russia)

Поступила в редакцию / Received 27.11.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.02.2021

Принята к публикации / Accepted 26.03.2021

УДК 94+271.2(470.40)
doi:10.21685/2072-3024-2021-2-3

Материальное положение православного духовенства Пензенской епархии в годы Первой мировой войны

О. В. Колпакова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
al.olga3443@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В научной литературе существует множество исследований относительно материального положения православного духовенства, однако отсутствуют работы относительно материального положения причта Пензенской епархии и его изменения в военное время. Цель статьи – изучить материальное положение православного духовенства Пензенской епархии в годы Первой мировой войны, отметить основные источники дохода православного духовенства Пензенской епархии и их изменение в условиях военного времени. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа документов Государственного архива Пензенской области, Российского государственного исторического архива, а также данных местной периодической печати – «Пензенских епархиальных ведомостей». Автор опирается на методы источниковедческого и сравнительно-исторического анализа. *Результаты.* В работе отмечаются основные источники дохода православного духовенства в годы Первой мировой войны и их изменение в условиях военного времени. Обращается внимание на решение проблемы обеспеченности причта со стороны государства. *Выводы.* Проблема обеспеченности причта получила особую актуальность с началом Первой мировой войны, так как многие источники содержания духовенства в годы войны были неустойчивы и показали общую тенденцию к понижению. Анализ статей, опубликованных в «Пензенских епархиальных ведомостях», позволяет сделать вывод о том, что священно-церковнослужители обращали внимание на необходимость улучшения материального положения и освобождения от унижительного способа обеспечения.

Ключевые слова: Первая мировая война, Пензенская епархия, православное духовенство, источники дохода, материальное положение, меры по обеспечению духовенства

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90007.

Для цитирования: Колпакова О. В. Материальное положение православного духовенства Пензенской епархии в годы Первой мировой войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 28–34. doi:10.21685/2072-3024-2021-2-3

The financial situation of the Orthodox clergy of the Penza diocese during the First World War

O.V. Kolpakova

Penza State University, Penza, Russia
al.olga3443@yandex.ru

Abstract. *Background.* In the scientific literature, there are many studies on the financial situation of the Orthodox clergy, but there are no works on the financial situation of the

© Колпакова О. В., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

clergy of the Penza diocese and its changes in wartime. The purpose of the article is to study the financial situation of the Orthodox clergy of the Penza diocese during the First World War, to note the main income sources of the Orthodox clergy of the Penza diocese and their changes in wartime conditions. *Materials and methods.* The implementation of the research tasks was achieved based on the analysis of State Archive documents of Penza region, the Russian state historical archive, as well as data from the local periodical press – Bulletin of Penza diocese. The author relies on the methods of source studies and comparative historical analysis. *Results.* The article notes the main sources of income of the Orthodox clergy during the First World War and their changes in wartime conditions. Attention is drawn to the solution of problem of clergy security on the part of the state. *Conclusions.* The problem of the clergy provision became particularly relevant with the beginning of the First World War, since many sources of clergy maintenance during the war were unstable and showed a General downward trend. An analysis of articles published in the Bulletin of Penza diocese allows us to conclude that the clergy paid attention to the need to improve their financial situation and get rid of the humiliating way of providing.

Keywords: the First World War, Penza diocese, Orthodox clergy, sources of income, financial situation, measures to ensure the clergy

Acknowledgments: the research was financed by the RFBR within the research project No. 19-39-90007.

For citation: Kolpakova O.V. The financial situation of the Orthodox clergy of the Penza diocese during the First World War. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2021;2: 28–34. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-2-3

Проблема материального обеспечения православного духовенства остро стояла в начале XX в., что было актуально и по отношению к Пензенской епархии. Многие священно-церковнослужители высказывали мнения о недостаточном финансовом положении в рассматриваемый период. Каким же образом изменялось материальное благосостояние клира в годы Первой мировой войны?

В годы Великих реформ данному вопросу уделялось особое внимание, но, несмотря на то что в 60–80 гг. XIX в. правительство осуществило некоторые преобразования по улучшению материального положения духовенства, в полной мере проблема не была решена.

Местными средствами содержания приходского духовенства, на основании утвержденных в 1873 г. Правил о таких средствах и разделе их между членами причтов, являлись: «1. добротные даяния прихожан за исполнение для них церковных и приходских треб; 2. церковная земля или в церковное довольствие, производимое причту прихожанами вместо отвода узаконенной пропорции земли; 3. проценты с предназначенных в пользу причтов вечных вкладов; 4. доходы с церковных оброчных статей» [1, с. 150].

Согласно законопроекту Государственной думы от 1913 г. [2, с. 105] назначаемое приходом вознаграждение определялось следующим образом: священнику – не менее 900 руб. в год, дьякону – 450 руб. и псаломщику – 300 руб.

Через каждые 3 года приходам предоставлялось право увеличивать оклады духовных лиц в сельских местностях до 2400 руб. священнику, 1200 руб. дьякону и 600 руб. псаломщику. Также предусматривались казенные пенсии для духовных лиц, прослуживших 25 или 35 лет: священникам – 600–900 руб., дьяконам – от 300 до 450 руб., псаломщикам – от 200 до

300 руб. [3, с. 408]. Реализации проекта помешала начавшаяся Первая мировая война. В 1914 г. было увеличено жалование причтам на 50 000 руб., но их выдача также была приостановлена из-за начавшихся военных действий [4, л. 29].

В «Пензенских епархиальных ведомостях» в 1908 г. отмечалось, что выплата в размере 400–500 или даже 600 руб. при современной дороговизне жизни, в особенности когда приходится священнику содержать семью в 5–8 человек, из которых 3–4 учатся в губернском городе, является не достаточной. Священник И. Померанцев в 1917 г. указывал на дороговизну продуктов питания: «...с введением закона о мясопустных днях торговля мясом в селах прекратилась, курица стоит 2–3 руб., молоко достается с большим трудом – 75 к. и 1 руб. за четверть, яиц в продаже совсем нет, скоромное масло вследствие убыли рогатого скота за фунт продается от 2 руб. 50 к. до 3 руб., постное конопляное доходит почти до 1 руб., простая ржаная мука сильно повысилась в цене – больше 3 руб. за пуд, поклеванная – от 5 до 6 руб., а пшеничная – дороже 10 руб. за пуд, да вообще ее и трудно даже купить; картофель – 1 руб. 50 к. – 2 руб. мера, пшено – 6 руб. пуд, крупы в продаже давно уже нет, также отсутствуют свежая капуста, свекла, морковь, лук и другие необходимые овощи. Можно бы сделать запас некоторых продуктов в ближайшем городе или торговом селе, да за проезд туда и обратно на одной лошади берут невероятную сумму – 15–20 рублей. Крестьяне теперь в средствах не нуждаются, не несут на рынок продуктов и, увлекаемые необычайным ростом дороговизны, выжидают дальнейшего повышения цен. Ныне заурядному крестьянину живется гораздо легче, чем служителю алтаря, так как первый мало ценит труд последнего и жалеет передать ему лишнюю копейку при требоисправлениях» [5, с. 183–184].

В годы Первой мировой войны священник получал постоянного оклада всего 300 руб. в год. Так, причту Воскресенской церкви Краснослободского уезда Пензенской епархии от казны было положено жалование священнику в 300 руб., псаломщику – в 100 руб. [6, л. 57]. Причт Михаила Архангельской церкви села Вороны Краснослободского уезда получал следующие жалования в год: 294 руб. – священнику, 147 руб. – дьякону и 98 руб. – псаломщику [6, л. 105].

Остальные источники содержания духовенства были неустойчивы и показали общую тенденцию к понижению. Круговые доходы, по свидетельствам сельских священников, понизились, так как уменьшилось число браков и крещений.

Церковная земля в довоенное время составляла весьма надежную статью дохода. К началу 1860-х гг. большинство причтов сельских церквей епархии имели в своем распоряжении пахотные и усадебные земли, у большинства сельских причтов, не исключая и городские, в пользовании находилось 33 десятины. Ситуация поменялась с началом военных действий. Протоиерей Н. Ф. Быстров отмечал, что самому обрабатывать землю нет никакой возможности, «так как рабочие руки неприступны по цене, да и не скоро найдешь их» [7, с. 46–47].

В 1914 г. Священный синод циркулярным предложением по всем епархиальным управлениям предписал обложить на нужды больных и раненых воинов все церковно-земельные имущества по одному рублю с десятины,

а земли женских скитов – по 50 коп. с десятины. Кроме того, всем монастырским управлениям предписано ассигновать на нужды войны возможные суммы из средств монастырей [8, с. 724].

Одним из основных источников дохода являлась плата за требы, что являлось весьма важным, но нестабильным источником дохода. Например, труды причта села Июга Городищенского уезда в 1914 г. оплачивались в следующем размере: при служении молебнов в пасхальную неделю – от 20 до 35 коп., при хождении по приходу со славой и святой водой и в храмовые праздники – от 10 до 15 коп., при служении заказной литургии – 1 руб., вселенских панихид – 30 коп., при крещении младенца – 40 коп., при погребении младенца – от 50 до 75 коп., при погребении взрослых с шестинедельным поминовением – от 3 до 5 руб., при служении полного сорокоуста – от 25 до 40 руб., за поминовение усопших на литургии в течение года – от 50 коп. до 1 руб.

И. М. Померанцев отмечал, что в годы войны (1914) содержание духовенства при трехчленном его составе (священник, дьякон и псаломщик) являлось не достаточным, если принять во внимание трудность содержания детей в учебных заведениях и дороговизну продуктов [9, с. 651–652].

Сравнивая материальное положение духовенства до 1914 г. с ситуацией в годы войны, он отмечал: «...до начала настоящей войны духовенство еще перемогалось, так как жизнь его текла нормальным путем. По крайней мере самые необходимые продукты потребления были и у псаломщиков, которые занимались земледелием, засевая и обрабатывая свою церковно-причтовую землю». В военное время ситуация изменилась в худшую сторону. В 1916 г. были случаи, когда псаломщики, а иногда и дьяконы, имевшие большие семьи, вынуждены были идти на платную поденную работу к своим прихожанам, чтобы заработать несколько рублей на содержание семьи. Подобное явление среди духовенства наблюдалось, например, в Городищенском уезде епархии. Некоторые из псаломщиков со своими детьми-подростками ежедневно ходили на работы в местные делянки, где рубили дрова, собирали сучья, мелкий хворост и т.д. [10, с. 68–69].

Некоторые причты Пензенской епархии имели и другие источники содержания. Так, причт церкви Михаила Архангела Краснослободского уезда получал ругу в количестве 400 руб. в год, которая уплачивалась прихожанами, по данным клировых ведомостей, «весьма неохотно, неаккуратно и далеко не в полном объеме». Кроме того, причт данной церкви имел билет государственной комиссии погашения долгов в 100 руб. [6, л. 151]. В пользу причта Смоленской церкви г. Краснослободска поступали проценты с капитала на вечный вклад за поминовение разных лиц в размере 3777 руб. 50 коп., за 1914 г. получено 189 руб. 52 коп. [6, л. 17].

На состоявшихся в 1916 г. епархиальных и благочиннических собраниях приходское духовенство высказывало свое мнение по поводу перестройки прихода. Практически на всех собраниях духовенство обращало внимание на то, что необходимо улучшить материальное положение и освободиться от унижительного способа обеспечения [11, с. 107].

На епархиальном съезде духовенства Пензенской епархии было принято решение немедленно открыть «Общество потребителей духовенства Пензенской епархии». Главной целью Общества являлось снабжение церквей,

причтов и учреждений духовного ведомства предметами первой необходимости. Общество открыто на основании нормального устава потребительских обществ; принят принцип добровольного участия в кооперативе и свободного выхода из него. Для участвующих установлен вступительный взнос в 1 руб. и паевой – 5 руб. Первым пайщиком выступил Высокопреосвященный Архиепископ Владимир, взявший 20 паев. Комитет свечного завода, по постановлению съезда, записался на 5000 паев; Общество взаимного вспомоществования духовенства – на 2000 паев. Протоиерей Н. Ф. Быстров избран почетным членом Общества. Правление общества учреждено из 11 человек [12, с. 136–137].

Проблема обеспеченности церковно-священнослужителей в годы Первой мировой войны решалась разными способами. В 1914 г. епархиальными и окружными попечительствами выданы пособия на сумму 12 247 руб. Обществом взаимного вспомоществования духовенству епархии в том же году выдано пенсий на сумму 31 033 руб. 69 коп. и единовременных пособий 44 лицам в количестве 4298 руб. 56 коп. [4, л. 29].

Согласно закону от 28 мая 1916 г., в текущем году на увеличение содержания приходского духовенства ассигновано 720 000 руб. Из них Св. Синодом назначено в Пензенскую епархию 15 тыс. Епархиальным съездом, в предварительном заключении благочиннических съездов, был составлен в июне список приходов, нуждающихся в увеличении или назначении жалованья. По приблизительному подсчету, отпущенным кредитом были удовлетворены все приходы первой очереди и половина приходов второй очереди (всего до 40 приходов) [13, с. 582].

Комиссия по вопросу об улучшении содержания православного духовенства приняла в окончательной редакции следующие положения:

- «отпускать каждый год из средств Государственного Казначейства на содержание городского и сельского духовенства, в дополнение к отпускаемому 19 804 014 руб., начиная с 1 января 1917 г., по 126 миллионов руб.;

- нормальный оклад из средств Государственного Казначейства назначается: для протоиерея и священника в 1800 руб., для дьякона в 1200 руб. и для псаломщика в 800 руб.;

- плата с прихожан за обязательные требы – крещение, брак, погребение, исповедь и напутствие больных на дому и за выдачу метрических выписей, как и сборы с прихожан натурой отменяются при условии отпуска 126 миллионов из Государственного Казначейства» [12, с. 137–138].

В 1916 г. на содержание духовенства предусматривалось 18 830 308 руб., включая миссионерскую деятельность. Данная сумма могла обеспечить только чуть более двух третей всех приходов [14, с. 53]. К тому же меры, направленные на изменение существующего положения, касались исключительно штатного духовенства. Проблема необеспеченности причта в военное время осознавалась государством, но все же, несмотря на предпринимавшиеся попытки, оно так и не смогло решить материальные проблемы православного духовенства.

Список литературы

1. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Петроград : Синодальная тип., 1916. 144 с.

2. Марченко А. Н. Материальное положение православного духовенства в России в 1918–1957 гг. // Отечественная история. 2008. № 4. С. 104–113.
3. К реформе прихода и содержания причтов // Пензенские епархиальные ведомости. 1913. № 11. С. 407–408.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2657. Л. 29.
5. Померанцев И. Чрезвычайная дороговизна и духовенство // Пензенские епархиальные ведомости. 1917. № 6. С. 183–188.
6. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 182. Оп. 1. Д. 2687.
7. В новом году // Пензенские епархиальные ведомости. 1917. № 2. С. 46–50.
8. Обложение церквей и монастырей на нужды войны // Пензенские епархиальные ведомости. 1914. № 17. С. 724.
9. Померанцев И. Село Июга Городищенского уезда // Пензенские епархиальные ведомости. 1914. № 9. С. 651–652.
10. Померанцев И. Тяжесть материального положения православного духовенства и особенно низших членов причта // Пензенские епархиальные ведомости. 1917. № 3. С. 68–69.
11. Фриз Г. Война и реформа: Российская Православная Церковь в годы Первой мировой войны, 1914–1917 годы // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2015. № 1. С. 96–116.
12. По епархии // Пензенские епархиальные ведомости. 1917. № 4.
13. Увеличение жалования духовенству // Пензенские епархиальные ведомости. 1916. № 16–17. С. 582.
14. Белоногова Ю. И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (на материалах Московской епархии). М. : Изд-во ПСТГУ, 2010. 176 с.

References

1. *Vsepoddanneyshiy otchet Ober-prokurora Svyateyshego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1914 god = All-subject report of the Ober-Prosecutor of the Holy Synod for the Department of Orthodox Confession for 1914*. Petrograd: Sino-dal'naya tip., 1916:144. (In Russ.)
2. Marchenko A.N. The financial situation of the Orthodox clergy in Russia in 1918–1957. *Otechestvennaya istoriya = Russian history*. 2008;4:104–113. (In Russ.)
3. To the reform of the parish and maintenance of clergy. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti = Bulletin of Penza diocese*. 1913;11:407–408. (In Russ.)
4. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F. 796. Op. 442. D. 2657. L. 29 = Russian State Historical Archive. Fund 796. Item 442. File 2657. List 29*. (In Russ.)
5. Pomerantsev I. Extremely expensive and clergy. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti = Bulletin of Penza diocese*. 1917;6:183–188. (In Russ.)
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. 182. Op. 1. D. 2687 = State Archive of Penza region. Fund 182. Item 1. File 2687*. (In Russ.)
7. In the new year. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti = Bulletin of Penza diocese*. 1917;2:46–50. (In Russ.)
8. Levying churches and monasteries for the needs of the war. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti = Bulletin of Penza diocese*. 1914;17:724. (In Russ.)
9. Pomerantsev I. Village Iyuga Gorodishchensky district. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti = Bulletin of Penza diocese*. 1914;9:651–652. (In Russ.)
10. Pomerantsev I. The severity of the financial situation of the Orthodox clergy and especially the lower members of the clergy. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti = Bulletin of Penza diocese*. 1917;3:68–69. (In Russ.)

11. Friz G. War and Reform: the Russian Orthodox Church during the First World War, 1914–1917. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya = Bulletin of Tver State University. Series: History*. 2015;1:96–116. (In Russ.)
12. By diocese. *Penzskie eparkhial'nye vedomosti = Bulletin of Penza diocese*. 1917;4. (In Russ.)
13. Increased clergy salary. *Penzskie eparkhial'nye vedomosti = Bulletin of Penza diocese*. 1916;16–17:582. (In Russ.)
14. Belonogova Yu.I. *Prikhodskoe dukhovenstvo i krest'yanskiy mir v nachale KhKh veka (na materialakh Moskovskoy eparkhii) = Parish clergy and the peasant world at the beginning of the 20th century (based on materials from the Moscow diocese)*. Moscow: Izd-vo PSTGU, 2010:176. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Васильевна Колпакова

лаборант-исследователь, кафедра
всеобщей истории и обществознания,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: al.olga3443@yandex.ru

Olga V. Kolpakova

Laboratory assistant-researcher,
sub-department of general history and
social studies, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Поступила в редакцию / Received 18.12.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 11.01.2021

Принята к публикации / Accepted 01.03.2021

УДК 93/94

doi:10.21685/2072-3024-2021-2-4

**Социалистическая перспектива
в деятельности политических партий весной – осенью 1917 г.
(на материалах Симбирской, Самарской и Саратовской губерний)**

В. Н. Кузнецов

Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

Областное государственное автономное учреждение культуры

«Ленинский мемориал», Ульяновск, Россия

kuznetsow_simb@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Проблема социалистической перспективы оказалась актуальной для послефевральской России 1917 г. Страна оказалась перед принципиальным выбором. Различные партии стремились по-своему повлиять на население. Важнейшим оставался вопрос – что такое социализм: экономический строй или особого типа сознание, определяющее поведение людей. Цель работы состоит в том, чтобы показать, как различные политические партии относились к социализму и, в этой связи, какое содержание они вкладывали в данное понятие, какие методы считали допустимыми для перехода к социализму. Проблемы социалистической перспективы не потеряли свою значимость и в наше время. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе данных из периодических изданий большевистской, меньшевистской, эсеровской и кадетской партий Саратовской, Самарской и Симбирской губерний. Методологический потенциал включает сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет сопоставить то, как рассматривали социалистическую перспективу указанные партии, а также выяснить, что они понимали под таким значимым понятием, как «социализм». *Результаты.* Исследовано отношение политических партий в Саратовской, Самарской и Симбирской губерний к возможности перехода к социализму как реальной и близкой исторической перспективе. Отношение к указанной проблеме в свою очередь показывает их оценку социализма как общественного строя, а также через это на противопоставлении оценку существовавшего общественного устройства – капитализма. Показано, как исходя из своих позиций партии выстраивали пропаганду или контрпропаганду перехода России к социалистической революции и социалистическому устройству. *Выводы.* Изучение вопроса об отражении возможной социалистической перспективы в деятельности политических партий поволжского региона позволило сделать следующие выводы. Все партии рассматривали социалистическую альтернативу как реальную, оценивая, однако, ее по-разному. Все партии, кроме большевиков, считали, что Россия не готова к переходу к социализму. В основе расхождения лежало разное видение социализма. Все, от большевиков до кадетов, были согласны, что это строй без частной собственности. Кадеты, будучи буржуазно-либеральной партией, это считали однозначно негативным. Меньшевики и эсеры признавали ликвидацию частной собственности в принципе положительным явлением, но относили это к отдаленному будущему, причиной чего они видели неподготовленность не столько экономическую, сколько мировоззренческую, морально-этическую. В свою очередь большевики игнорировали этот фактор.

Ключевые слова: 1917 год, большевики, меньшевики, социалисты-революционеры, конституционные демократы, социализм

Для цитирования: Кузнецов В. Н. Социалистическая перспектива в деятельности политических партий весной – осенью 1917 г. (на материалах Симбирской, Самарской и Саратовской губерний) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 35–46. doi:10.21685/2072-3024-2021-2-4

The socialist perspective in the activities of political parties in the spring – autumn in 1917 (based on the data from Simbirsk, Samara and Saratov provinces)

V.N. Kuznetsov

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia
Regional State Autonomous Institution of Culture
“Lenin Memorial”, Ulyanovsk, Russia
kuznetsow_simb@mail.ru

Abstract. *Background.* The problem of the socialist perspective turned out to be relevant for post-February Russia in 1917. The country faced a fundamental choice. Various parties sought to influence the population in their own way. The most important question remained – what is socialism: an economic system or a special type of consciousness that determines people’s behavior. The purpose of the work is to show how different political parties related to socialism and, in this regard, what content they put into this concept, what methods they considered acceptable for the transition to socialism. The problems of the socialist perspective have not lost their significance in our time. *Materials and methods.* The implementation of research tasks was achieved on the basis of data from periodicals of the Bolshevik, Menshevik, Socialist-Revolutionary and Cadet parties of the Saratov, Samara and Simbirsk provinces. The methodological potential includes a comparative-historical method, the application of which allows one to compare how the said parties viewed the socialist perspective, and also to find out what they understood by such a significant concept as “socialism”. *Results.* The attitude of political parties in the Saratov, Samara and Simbirsk provinces to the possibility of transition to socialism, as a real and close historical perspective, is investigated. The attitude to this problem, in turn, shows their assessment of socialism as a social system, and also through this on the opposition of the assessment of the existing social system – capitalism. It is shown how, proceeding from their positions, the parties built propaganda or counter-propaganda of Russia’s transition to the socialist revolution and to the socialist system. *Conclusions.* Studying the issue of reflecting a possible socialist perspective in the activities of political parties in the Volga region made it possible to draw the following conclusions. All parties viewed the socialist alternative as real, but assessing it differently. All parties except the Bolsheviks believed that Russia was not ready for the transition to socialism. The divergence was based on a different vision of socialism. Everyone, from the Bolsheviks to the Cadets, agreed that this was a system without private property. The Cadets, being a bourgeois liberal party, considered this to be unequivocally negative. The Mensheviks and Socialist-Revolutionaries recognized the elimination of private property as a positive phenomenon in principle, but attributed it to the distant future, the reason for which they saw in the lack of preparation not so much economic as ideological, moral and ethical. In turn, the Bolsheviks ignored this factor.

Keywords: 1917, Bolsheviks, Mensheviks, Socialist-Revolutionaries, Constitutional Democrats, Socialism

For citation: Kuznetsov V.N. The socialist perspective in the activities of political parties in the spring – autumn in 1917 (based on the data from Simbirsk, Samara and Saratov provinces). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2021;2:35–46. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-2-4

Введение.

Выдвижение исследовательской проблемы

Исследовательская проблема данной статьи состоит в том, чтобы, используя материал значительного по территории и политически важного региона, каким является Среднее и Нижнее Поволжье, ответить на вопросы – как представляли социализм не партийные идеологи и лидеры партий, а региональные партийные работники, непосредственно ведущие политическую работу на местах, на какую перспективу они отводили переход к социализму и какие методы предлагали использовать для этого. От ответа на эти вопросы зависела и стратегия, и тактика деятельности тех или иных партий в промежуток между февралем и октябрём 1917 г.

Источники и методы

В указанный период времени на местах не писали теоретических текстов о возможном новом общественном строе – социализме. В силу этого разработка исследовательского вопроса главным образом реализуется с опорой на данные региональной партийной периодической печати весны – осени 1917 г., где не так полно, как хотелось бы, но все же достаточно для решения поставленной исследовательской задачи находит свое отражение отношение разных политических партий к социализму. В ограниченном объеме использовалась мемуарная литература. Незначительное ее использование объясняется тем, что в мемуарах (как правило, это местные большевики), касающихся 1917 г., главное внимание уделялось перипетиям непосредственной политической борьбы, а не теоретическим изысканиям. Автором использовались такие методы, как розыскание источников по исследовательской теме и работа с ними, анализ и сравнение полученных данных (сравнительно-исторический метод) с целью разрешения исследовательской проблемы путем создания цельной картины и формулирования доказательных выводов.

Полученные результаты

Февральская революция перевела из плоскости теоретических умствований в плоскость актуальной политики три вопроса: когда возможен в стране социализм, как к нему перейти и что это такое? Очевидно, что из них ключевым является третий вопрос. От ответа на него зависели ответы на первые два вопроса. Прежде чем рассуждать о возможности чего-либо и о путях его достижения, необходимо было определить, а что это такое, это «чего-либо».

Для В. И. Ленина как главного проповедника социалистической революции переход к новому строю был возможен только после установления власти Советов. Если взять Россию Временного правительства, то, понятно, ни о каком социализме говорить нельзя.

На VII (Апрельской) конференции РСДРП(б) В. И. Ленин говорил: «Мы не можем стоять за то, чтобы социализм “вводить” – это было бы величайшей нелепостью. Мы должны социализм проповедовать. Большинство населения в России – крестьяне, мелкие хозяева, которые о социализме не могут и думать» [1, с. 77]. В «Письмах о тактике» он добавлял: «Я не только не “рассчитываю” на немедленное перерождение нашей революции в социалистическую, а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе

№ 80: «Не введение социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов»» [2, с. 142].

На Апрельской конференции, как известно, находились делегаты умреннее, чем В. И. Ленин. Один из них, руководитель большевиков Саратова, В. П. Милютин подчеркивал: «Теперешний момент – момент непосредственного действия, момент переходного времени. Я полагаю, что это нужно больше подчеркнуть в резолюции. Несомненно, мы не говорим сейчас о том, что социализм есть вопрос завтрашнего дня, но что мы живем в переходную эпоху. И здесь, в эту эпоху, жизнь нам диктует определенные массовые действия и требует от нас определенного руководства этими действиями» [1, с. 87–88].

11 марта 1917 г. в общегородском театре Саратова состоялся митинг, организованный комитетами большевиков и меньшевиков. О политическом положении докладывал В. П. Милютин: «Власть в настоящее время перешла к народу, но еще не закреплена. Это может сделать лишь демократическая республика, которая мыслится как проведение нашей программы минимум. Дальнейшая борьба наша должна быть за социализм» [3].

А что другие партии и, прежде всего, наиболее популярная весной 1917 г. партия социалистов-революционеров (ПСР)? Несмотря на наплыв разных людей, на признание ПСР власти капиталистов, эсеры оставались партией, считавшей себя социалистической. Эсеры продолжали подчеркивать социалистический характер своей партии. Вот типичная в этом смысле статья саратских эсеров «1 мая»: «Сегодня великий праздник рабочего люда. Да здравствует международный союз рабочих! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Долой милитаризм! Да здравствует социализм! Этот лозунг гласит, что все богатства мира – земля, фабрики, орудия производства, предметы потребления должны принадлежать только трудовому народу, тому, кто работает.

Лишь мы рабочие всемирной
Великой армии труда
Владеть землей имеем право,
А паразиты никогда!» [4].

Сызранские эсеры писали: «Чего добивается ПСР? ПСР ставит своею конечной целью осуществление социализма, т.е. уничтожение частной собственности на землю, фабрики и заводы, она требует общего труда на общую пользу. ПСР требует передачи всей земли в пользу народа. ПСР требует переложения тяжести налогов на имущих» [5].

Эсеры Симбирска так объясняли, что такое социализм: «В течение многих веков меньшая часть населения, завладевшая собственностью и живущая трудом чужих рук, обособилась от трудящегося большинства и забрала власть в свои руки... Благодаря такому порядку вещей получилось то, что люди, всю жизнь работавшие не покладая рук, живут в грязных лачугах, в нужде, терпят голод и холод, а трутни, капиталисты и собственники, не ударив палец о палец, пользуются всеми благами жизни. Такой порядок не справедлив. Как изменить этот порядок? Если все разделить, то каждый человек доставшуюся на его долю часть может, в силу разных обстоятельств, продать другому лицу. Тогда снова появятся неравенство состояний и снова

будут, как и теперь, богатые и бедные. Необходимо, чтобы землей и капиталом, т.е. всеми орудиями производства, владел сам народ, чтобы все это было не частной, а общественной собственностью. Такой строй, пока еще не утвердившийся, называется социализмом, а люди, добывающие его, – социалистами.

Правда, благодаря многим препятствиям у нас сразу достичь этого нельзя – народная масса, умышленно обрекавшаяся правительством тьме незнания, еще слабо усваивает основы социалистического строя. Но, несмотря на все эти препятствия, в конце концов, весь рабочий народ поймет, что социалисты – истинные друзья его, и преобразует свою жизнь на справедливых началах. Стремление к преобразованию общественного строя на новых основах и послужило поводом к наименованию социалистов революционерами, т.е. преобразователями.

Социалисты-революционеры отнюдь не стремятся, как это многие представляют, к насилию. Они только хотят путем переворота так изменить строй нашей жизни, чтобы вековой гнет и насилие уступили место закону и праву на лучшее существование для каждого. Необходимо всем людям труда объединиться в один союз с партией социалистов-революционеров и смело идти к намеченной цели – социализму» [6].

Однако чем дальше, тем больше эсерам приходилось разъяснять, что означает в конкретике их приверженность к социализму, так как здравницы социализму входили в противоречие с политической практикой этой партии, получившей доступ к власти. Выяснилось то, на что ПСР в прежние годы не акцентировала внимание: что социализм – это дело отдаленного будущего, а сейчас у власти должна быть буржуазия и поэтому никакой социализм строить эсеры не собираются.

С подобной же ситуацией столкнулись меньшевики. Самарские члены этой партии убедительно показывали пролетариату все преимущества социалистического строя. В статье «Первомайский праздник» писалось: «Что несет нам социализм? Социализм несет освобождение труду, делая фабрики, заводы и земли общественным достоянием. Социализм несет освобождение человеческой личности, открывая ей пути самого широкого и могучего развития. Социализм несет освобождение народам, сливая их в одну братскую единую семью. Да здравствует 8-часовой рабочий день! Долой гнет милитаризма! Да здравствует возрождающееся в Интернационале международное единство пролетариата! Да здравствует социализм!» [7].

Эта тема развивалась в другой статье «1 мая и социализм»: «Пока существует капитализм, пролетариат не может отказаться от требования социализма. Слишком явна несправедливость формы капиталистического хозяйства, слишком много пролетариату приходится переносить невзгод и горя. Не может наше капиталистическое общество быть вечным. Оно свойственно только определенной эпохе, определенно сложившемуся соотношению производительных сил.

Каких бы улучшений рабочий класс ни добился – пока господствующей формой производства остается капитализм, отделяющий рабочего, производителя от средств производства, не может быть полного равенства людей. По-прежнему пролетарий будет представлять из себя только продавца рабочей силы, и по-прежнему капиталист-предприниматель, не производя

ничего сам, будет являться собственником громадных денежных капиталов, фабрик и заводов. И с их помощью по-прежнему будут извлекать прибавочный продукт из труда рабочих» [8].

Пролетарий, прочитав эти и подобные слова, должен был бы ждать от большевиков, меньшевиков и эсеров деятельности, направленной на реальное движение к социализму, чьи достоинства ему так убедительно обрисовали. Однако слова и дела левых партий шли не рука об руку. Это касается в марте-апреле и большевиков, чья позиция не существенно отличалась от эсеро-меньшевистской и которая начала меняться лишь благодаря В. И. Ленину после апрельской конференции РСДРП(б). Только тогда большевики в политической реальности стали «теми самыми большевиками», отбросившими соглашательство и валяжную постепенность в достижении классовых целей. Меньшевики и эсеры же так и остались на позициях, с которых большевики свернули налево. Верные своим убеждением о неготовности России к социализму, они, пропев здравницы социализму как идеалу, пели ему отходную как задаче момента. Член исполкома Петроградского совета меньшевик Н. Н. Суханов вопрос о социализме афористично разъяснил так: «Революция, не дав России немедленного социализма, должна вывести на прямой путь к нему...» [9, с. 132].

Самарские меньшевики разъясняли: «В победе народа пролетариат блестяще оправдал свою репутацию авангарда революции. Вместе с пролетариатом шла революционная армия. Около пролетариата и солдата шли интеллигенция, состоятельные слои населения и мелкие собственники – горожане. Революцию совершили не только пролетариат и солдаты. В подтачивании старой власти участвовал весь народ. Вот почему совершившаяся революция зовется буржуазной, а не пролетарской. Пролетарская революция, та революция, где пролетариат будет добиваться победы своей как класса над буржуазией – та революция в отдаленном будущем.

Пролетариат не должен остаться в одиночестве. Пролетариат должен привлечь к себе сочувствие самых широких слоев населения. Ни одного человека, готового теперь идти вместе с рабочими, не нужно отталкивать к реакции!

Отсюда ясно, какое преступление совершают те, кто теперь призывает рабочих к острой борьбе с буржуазией, к насильственным действиям против непролетарских элементов! Пролетариат не должен сейчас колебать право собственности купцов, фабрикантов и заводчиков. На другой день после укрепления демократической республики пролетариат усилит классовую борьбу, которая кончится с водворением социализма. Всего дальше должны рабочие стать от нападений на магазины, от погромных призывов. Рабочие нигде во всем мире не ведут борьбы с буржуазией путем хищений и разгромов. Такие средства не борьба с буржуазией, а сокрушение всех пролетарских побед и достижений.

Не нужно подавления буржуазии; необходимо организовать пролетарские силы, чтобы под давлением организованного пролетариата буржуазия и непролетарские элементы все решительнее шли к демократической республике. Всякий, кто разжигает страсти против купца, против офицера – вреден делу революции» [10].

Можно представить себе разочарование самарского рабочего, прочитавшего такое, особенно призывы к тому, что не нужно колебать права собственности купцов, фабрикантов и заводчиков, не нужно подавления буржуазии и разжигания страстей против купцов, что шло в резкое противоречие с тем, чему учили социал-демократы рабочих почти второй десяток лет: необходимости классовой борьбы.

Меньшевики, как и эсеры, продержали Временное правительство вследствие невозможности перехода в обозримом будущем к социализму основной частью своей политической деятельности. Взгляд самарских меньшевиков на вопрос о власти показывают статьи, напечатанные в местных «Известиях Совета рабочих депутатов». Вот две из них. Первая – «Пролетариат и Временное правительство»: «Свергнув старую власть, пролетариат стал перед вопросом, как организовать власть народа: создать ли правительство из представителей рабочих и буржуазии или, не беря на себя ответственность за управление страной, предоставить буржуазии создать правительство из буржуазных элементов.

Петроградский Совет рабочих депутатов решил вопрос так: пролетарских представителей не должно быть в составе нового правительства. А. Керенский вошел в новое правительство по личному почину, а не по уполномочиванию Совета.

Почему Петроградский пролетариат уклонился от участия в новом правительстве? Потому что правильно понял положение пролетариата в Великой Российской революции. Революция принесла блага всему народу, в ней был заинтересован весь народ. Классовые интересы пролетариата чужды значительной части народа. Командующим классом является не пролетариат, а буржуазия, потому что все национальные богатства в руках состоятельных классов. Духом состоятельных классов пропитаны самые широкие слои населения.

Для водворения социализма нужны были бы и полнейшая сплоченность рабочих, и способность рабочих руководить хозяйственной жизнью. Таких данных у пролетариата пока нет. В этом направлении предстоит продолжительная и напряженная работа» [11].

Меньшевики и эсеры обращали внимание на то, что Советы – это узко-классовые организации, а революция не пролетарская, а демократическая, и власть Советов ущемит интересы всех непролетарских слоев. Кроме того, советская власть, с этой точки зрения, выступая как орган пролетарской диктатуры, должна будет проводить социалистические преобразования в стране, для которых нет почвы.

Большевики и меньшевики по-разному смотрели на пролетариат. Большевики видели сознательную верхушку класса, а меньшевики – весь класс в целом. Отсюда надежда и энтузиазм большевиков, скепсис и осторожность меньшевиков.

Самарская меньшевичка Перельман пыталась привлечь внимание к некультурности массы, к ее психологической неготовности к использованию власти в созидательных целях: «У пролетариата стихийное влечение к полноте власти. Советам кажется, что это влечение дает им могучее орудие в борьбе с анархией, погромами, контрреволюцией и прочее. Такой взгляд, однако,

ошибочен. Анархия и ее спутница контрреволюция лежат в бессознательно-сти массы, невежестве ее, некультурности. А до тех пор, пока масса некультурна, мы можем ожидать от нее и бесчинств, и анархических выступлений. Если революционные деятели хотят спасти революцию, то пусть они поменьше увлекаются заманчивой идеей о захвате власти, а лучше пусть идут в массы со светочем знания и просвещения» [12].

Еще до 1917 г. и позднее, рассуждая о перспективах социализма, диктатуре пролетариата, о ее необходимости и возможности в ближайшее время, большевики не видели за словом «пролетарий, рабочий» реального содержания. В их глазах это был носитель нового строя, передовой идеологии, так сказать, рыцарь без страха и упрека. Характерна реакция М. И. Васильева на известие о взяточничестве комиссаров: «Васильев-Южин брезгливо махнул рукой. – А... этот Седиков рабочий?

– Да, – подтвердил я.

– Удивительно!» [13, с. 91].

Меньшевики же эту проблему как раз видели, почему не уставали говорить о необходимости долгой культурной работы среди рабочих.

Кроме того, меньшевики и эсеры прочно связывали социализм с демократией, поэтому социализм, основанный на диктатуре одного класса над другими, с их точки зрения, являлся извращением социалистических идей.

В заключение о меньшевиках и эсерах хочется отметить, что они до последнего держались за то, что являются партиями именно социалистическими. Характерно в этом плане воззвание, выпущенное совместно большевиками, меньшевиками и эсерами: «Товарищи! Все мы, социалистические партии России, проникнуты одним страстным желанием в интересах всех трудящихся – осуществить дело социализма, установить свободную организацию царства труда на земле. Одно братское красное знамя в наших руках, одна красная звезда всем нам светит в нашем трудном пути! Но между нашими братскими социалистическими партиями существуют различные мнения по вопросам о том, какие пути успешнее ведут к нашим целям. Мы должны помнить, что всякие резкие, некультурные, грубые приемы в борьбе мнений, когда пускается в ход демагогия, травля, ложь, клевета, когда друг другу зажимают рот – роняют достоинство наших партий, бесчестят наше общее социалистическое знамя. Да здравствует революция! Да здравствует мир и братство народов! Да здравствует социализм! Саратовский комитет РСДРП (большевиков) В. П. Антонов и И. В. Мгеладзе. Комитет Саратовской организации РСДРП (меньшевиков) П. О. Кульманов, Н. А. Максимов, Д. К. Чертков. Саратовский комитет партии социалистов-революционеров В. М. Телегин» [14].

Направо от эсеров находились те, кто не принимал идею социализма ни в каком виде. К ним относилась кадетская партия (партия народной свободы). Они пугали население немедленным насаждением социализма, как это делали, например, кадеты Саратова, которые ернически прокомментировал реплику В. И. Ленина о готовности взять власть в свои руки: «Наконец-то мы узнали, в чем секрет спасения России: надо передать власть Ленину (“наша партия готова к этому”), арестовать кучку капиталистов и выведать у них секреты; после этого Ленин издаст декрет о повсеместном насаждении социализма и “Родина будет спасена”. Вот и все... Глуповский градоначальник

С. К. Двоекуров приблизительно таким же способом насаждал в Глупове цивилизацию» [15].

То, что ПСР все дальше уходила от социализма и революции, вызывало одобрение кадетов. Самарские кадеты солидаризировались с речью В. М. Чернова, где лидер эсеров говорил о возможности осуществления социализма и которую они с удовольствием процитировали: «Война обнаружила ахиллесову пяту (пролетариата). Нет классов, готовых для социализма. Хотя трудовой класс и заинтересован в коллективизации, но окружающий мир заражен их слабостями, своеобразными для каждого класса: у крестьянства – это его привязанность к клочку земли, у интеллигенции – индивидуализм и нервозность, у пролетариата – чрезмерная зависимость от национального капитализма. Так бывает в странах капитализма развитого, и посейчас, вызволивши левую ногу, он еще правой завяз. И русский пролетариат не святые... Вот почему, казалось бы, ясно, нигде нет классов, готовых для проведения в жизнь идеалов социализма – значит, не может быть и социализма» [16].

В начавшей выходить партийной кадетской газете «Саратовский листок» автор, укрывшийся под псевдонимом Л. Словоохотов, в статье «О лже-социалистах» стремился подорвать идейную основу большевизма, показать, что люди, ведущие страну к социализму, социалистами не являются, что социализм не применим в реальной жизни: «Сам Маркс на седьмой сотне страниц “Капитала” пишет, что рабочий класс тогда экспроприирует экспроприирующих, когда капиталистическая оболочка сама разорвется благодаря сосредоточиванию средств производства у немногих магнатов капитала. Предсказывается, таким образом, поглощение массой лишь немногих узурпаторов. Вот если мы с этой меркой апостолов социализма перейдем к тем нашим товарищам, каковые объявились в подавляющем большинстве всего 3–4 мес. тому назад, а раньше со всеусердием припадали ко стопам всяких властей, если с точки зрения интересов общности учесть, чем насыщены все эти Минины, Стекловы и Зиновьевы, то нам придется разобраться – где социалисты и назвавшиеся таковыми простые или даже хитрые и коварные оборотни.

Фактически социализм стремится к экономизации собственнической энергии. Социализм свой мозг, свою душу отдает чувству общности жизни, жгучей потребности общего творчества за далекие, но светлые идеалы человеческого счастья. Вся деятельность социалиста проникнута духом общности, он не живет интересами своей жизни, ищет его, как Фауст. Много ли среди нас таких социалистов? Могут ли наши хорошо себя обеспечивавшие социалисты разных обществ, административных и профсоюзных организаций засвидетельствовать, что не на словах, а на деле они смотрят на себя как на коллективное достояние и к своей деятельности подходят с критериями общественной ценности. Мало называться, вообразить себя социалистом, надо стать таковым» [17].

Неустанно выступая против социалистических преобразований, кадеты стремились показать людям принципиальную невозможность осуществления настоящего социализма. Л. Словоохотов убеждал: «То, что совершилось, безмерно велико, но мы все же овладели лишь половиной истины. Свободолюбивая жизнь на основах гражданственности и товарищества требует перерождения всего в целом человека прежнего режима. Социалистом нужно

родиться, как родятся брюнетом или блондином, а не сделаться таковым по митинговому крещению или вследствие государственного переворота. Социализм требует рождения новой души, когда личность не будет отделять свой интерес от интересов и целей общества. Почему партия народной свободы не сдвинулась в сторону социалистических требований и после революции? Потому что она не партия революционной политики, потому что она ясно учитывает, что мы пока еще базируемся на унаследованной от прошлого психике народа, где в массе царит безумный эгоизм» [18].

Выводы

Позиции политических партий и их поволжских организаций по различным вопросам возможной социалистической перспективы можно классифицировать на основании нескольких критериев.

Первое: что такое социализм. Все партии сходились, что его главная черта – это ликвидация частной собственности. Социализм – это строй без частной собственности.

Второе: оценка социализма и его антипода – капитализма. Большевики, меньшевики и эсеры считали капитализм строем несправедливым, основанном на жестокой эксплуатации трудового народа. Социализм воспринимался и популяризировался в массах как строй справедливый, желательный, являющийся целью деятельности этих партий. Именно на этом основании меньшевики и эсеры позиционировали себя как партии социалистические. Главная либеральная партия того времени – кадеты – считала капитализм хорошим общественным устройством, нуждающимся лишь в не принципиальных изменениях, а к социализму как посягающему на основы буржуазного строя (частная собственность, рынок) относились отрицательно.

Третье: перспективы перехода к социализму. Большевики после Апрельской конференции вели страну к социалистической революции и считали социализм делом ближайшего будущего. Меньшевики и эсеры указывали на неготовность России к социализму в ближайшей исторической перспективе и не просто отказывались участвовать в переходе к социализму, но и противодействовали данному процессу. В силу этого большевики отрицали социалистический характер указанных партий. Действительно, по этому вопросу позиции меньшевиков и эсеров были идентичны позициям кадетов: и те и другие считали переход к социализму опасной авантюрой.

Четвертое: методы перехода к социализму. Большевики подчеркивали не директивность, а постепенность этого процесса (насколько растянется эта постепенность не разъяснялось). Прочие партии важнейшим средством движения к социализму считали изменение сознания граждан России и, не видя этого, любой другой способ перехода к социализму в ближайшем будущем рассматривали как неприемлемый.

Список литературы

1. Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков) (апрель 1917 г.) : протоколы. М. : Государственное изд-во политической литературы, 1958. 423 с.
2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 31. Март – апрель 1917. 5-е изд. М. : Изд-во политической литературы, 1969. 704 с.

3. Известия Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 17 марта.
4. Земля и Воля. Самара, 1917. 18 апреля.
5. Земля и Воля. Сызрань, 1917. 5 мая.
6. Симбирская народная газета. 1917. 11 мая.
7. Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 16 апреля.
8. Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 18 апреля.
9. Суханов Н. Н. Записки о революции : в 3 т. Т. 1. М., 1991. 384 с.
10. Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 11 марта.
11. Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 12 марта.
12. Волжский день. Самара, 1917. 20 октября.
13. Бабушкин В. Дни великих событий. Саратов, 1984. 287 с.
14. Известия Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 28 мая.
15. Саратовский вестник. 1917. 7 июня.
16. Волжский день. Самара, 1917. 3 июня.
17. Саратовский листок. 1917. 17 июля.
18. Саратовский листок. 1917. 6 июля.

References

1. *Sed'maya (aprel'skaya) Vserossiyskaya konferentsiya RSDRP (bol'shevikov). Petrogradskaya obshchegorodskaya konferentsiya RSDRP (bol'shevikov) (aprel' 1917 g.): protokoly = Seventh (April) All-Russian Conference of the RSDLP (bolsheviks). Petrograd city-wide conference of the RSDLP (bolsheviks) (April, 1917): records.* Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury, 1958:423. (In Russ.)
2. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t. T. 31. Mart – april' 1917. 5-e izd. = Full composition of writings: in 55 volumes. Volume 31. March – April 1917. The 5th edition.* Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1969:704. (In Russ.)
3. *Izvestiya Saratovskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov = Proceedings of Saratov Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies.* 1917, March 17. (In Russ.)
4. *Zemlya i Volya = Earth and Will.* Samara, 1917, April 18. (In Russ.)
5. *Zemlya i Volya = Earth and Will.* Syzran, 1917, May 5. (In Russ.)
6. *Simbirskaya narodnaya gazeta = Simbirsk national newspaper.* 1917, May 11. (In Russ.)
7. *Izvestiya Samarskogo Soveta rabochikh deputatov = Proceedings of Samara Council of Workers' Deputies.* 1917, April 16. (In Russ.)
8. *Izvestiya Samarskogo Soveta rabochikh deputatov = Proceedings of Samara Council of Workers' Deputies.* 1917, April 18. (In Russ.)
9. Sukhanov N.N. *Zapiski o revolyutsii: v 3 t. T. 1 = Notes on the revolution: in 3 volumes. Volume 1.* Moscow, 1991:384. (In Russ.)
10. *Izvestiya Samarskogo Soveta rabochikh deputatov = Proceedings of Samara Council of Workers' Deputies.* 1917, March 11. (In Russ.)
11. *Izvestiya Samarskogo Soveta rabochikh deputatov = Proceedings of Samara Council of Workers' Deputies.* 1917, March 12. (In Russ.)
12. *Volzhskiy den' = Volga day.* Samara, 1917, October 20. (In Russ.)
13. Babushkin V. *Dni velikikh sobytiy = Days of great events.* Saratov, 1984:287. (In Russ.)
14. *Izvestiya Saratovskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov = Proceedings of Saratov Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies.* 1917, May 28. (In Russ.)
15. *Saratovskiy vestnik = Saratov bulletin.* 1917, June 7. (In Russ.)
16. *Volzhskiy den' = Volga day.* Samara, 1917, June 3. (In Russ.)
17. *Saratovskiy listok = Saratov paper.* 1917, July 17. (In Russ.)
18. *Saratovskiy listok = Saratov paper.* 1917, July 6. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Валерий Николаевич Кузнецов

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории Отечества,
регионоведения и международных
отношений, Ульяновский
государственный университет (Россия,
г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42);
старший научный сотрудник, Областное
государственное автономное учреждение
культуры «Ленинский мемориал»
(Россия, г. Ульяновск, площадь Ленина, 1)

E-mail: kuznetsow_simb@mail.ru

Valery N. Kuznetsov

Doctor of historical sciences, associate
professor, professor of the sub-department
of Russian history, regional studies and
international relations, Ulyanovsk State
University (42 Lva Tolstogo street,
Ulyanovsk, Russia); senior researcher,
Regional State Autonomous Institution
of Culture “Lenin Memorial”
(1 Lenina square, Ulyanovsk, Russia)

Поступила в редакцию / Received 16.02.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 22.03.2021

Принята к публикации / Accepted 03.04.2021

**Освобождение от воинской повинности
по религиозным убеждениям сектантов христианского толка
в первые годы советской власти в 1917–1924 гг.**

А. В. Протасова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, Самара, Россия

Intelegantna@rambler.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Право на замену военной службы альтернативной согласно религиозным убеждениям юридически закреплена в законодательстве Российской Федерации. Изучение формирования и развития истории прохождения военной службы гражданами в первые годы советской власти является необходимым для полноценного осмысления государственно-религиозных отношений в современной России и дальнейшего их совершенствования. Цель работы – изучить эволюцию освобождения от воинской повинности по религиозным убеждениям сектантов христианского толка в первые годы советской власти в 1917–1924 гг. *Материалы и методы.* Основными документами для исследования послужили материалы Самарского областного государственного архива социально-политической истории, а также опубликованные источники. Методологическую базу исследования составили общенаучные и специальные исторические методы исследования. Ведущим подходом в работе стал принцип истории повседневности, опирающийся на парадигму Мишеля де Серто. В работе также применяется такой методологический подход, как новая социальная история, позволяющий выявить практики выживания сектантов, которые в силу религиозных убеждений не могут брать в руки оружие и нести военную службу; синергетический подход, означающий взаимосвязь таких субъектов, как религиозные организации сектантского толка и советской власти. *Результаты.* Исследован процесс постепенного освобождения от воинской повинности по религиозным убеждениям сектантов христианских конфессий в советской России, выстраивания партнерских отношений между властью и сектантскими организациями в указанный хронологический период. Отмечены практики выживания религиозных организаций сектантского толка в условиях идеологического надлома и перестройки общества к идеалам марксизма. *Выводы.* Анализ особенностей формирования советского законодательства в отношении несения военной службы сектантами христианского толка позволяет проследить выстраивание всей линии государственно-конфессиональных отношений в советском обществе. Она заключалась в формировании особого курса на сближение с сектантскими организациями и в стремлении составить с ними партнерские отношения для укрепления положения советской власти. Это позволило укрепить положение нового правительства и дать время данным религиозным организациям приспособиться к послереволюционным реалиям атеистического общества. Несомненно, изучение данной проблемы способствует выявлению новых аспектов в исследовании проблем советской истории.

Ключевые слова: воинская повинность, повседневные практики, «сектантство», духовное христианство, советская власть, военная служба, идеология

Для цитирования: Протасова А. В. Освобождение от воинской повинности по религиозным убеждениям сектантов христианского толка в первые годы советской власти

в 1917–1924 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 47–55. doi:10.21685/2072-3024-2021-2-5

Exemption of members of Christian sects from compulsory military service due to religious beliefs during the first years of the soviet rule in 1917–1924

A.V. Protasova

Samara National Research University, Samara, Russia

Intelegantna@rambler.ru

Abstract. *Background.* The right to replace military service with an alternative one in accordance with religious beliefs is legally enshrined in the legislation of the Russian Federation. The study of the formation and development of the military service history by citizens in the first years of Soviet power is necessary for a full understanding of state-religious relations in modern Russia and their further improvement. The purpose of this work is to study the evolution of exemption from military service for religious convictions of Christian sectarians in the first years of Soviet power in 1917–1924. *Materials and methods.* The main documents for the study were the data of the Samara Regional State Archive of Social and Political History, as well as published sources. The methodological basis of the research was formed by general scientific and special historical research methods. The leading approach in the work was the principle of the history of everyday life, based on the paradigm of Michel de Certeau. The work also applies such a methodological approach as a new social history, which makes it possible to identify the survival practices of sectarians who, due to their religious beliefs, cannot take up arms and carry out military service; a synergistic approach, meaning the interconnection of such subjects as sectarian religious organizations and Soviet power. *Results.* The process of gradual liberation from military service for religious convictions of sectarians of Christian confessions in Soviet Russia, building partnerships between the authorities and sectarian organizations in the specified chronological period is investigated. The practice of survival of sectarian religious organizations in the conditions of ideological breakdown and restructuring of society towards the ideals of Marxism is noted. *Conclusions.* An analysis of the peculiarities of the formation of Soviet legislation in relation to military service by Christian sectarians makes it possible to trace the construction of the entire line of state-confessional relations in Soviet society. It consisted in the formation of a special course for rapprochement with sectarian organizations and in an effort to form partnerships with them to strengthen the position of Soviet power. This made it possible to strengthen the position of the new government and give time for these religious organizations to adapt to the post-revolutionary realities of an atheist society. Undoubtedly, the study of this problem contributes to the identification of new aspects in the study of the problems of Soviet history.

Keywords: conscription, everyday practices, “sectarianism”, spiritual Christianity, Soviet power, military service, ideology

For citation: Protasova A.V. Exemption of members of Christian sects from compulsory military service due to religious beliefs during the first years of the soviet rule in 1917–1924. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2021;2:47–55. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-2-5

Введение

В данном исследовании христианская секта выступает универсальным шаблоном для изучения различного вида конфессиональных образований и

представляет собой «объединение людей, противопоставляющих себя ортодоксальной церкви на основе различного толкования христианских догматов, использования особых обрядов, моральных и поведенческих норм» [1, с. 119].

При работе над статьей была проанализирована историография данной проблематики, и, так как долгое время изучение религиозного вопроса среди советских историков было политизировано, основой для исследования послужили материалы авторов с 1990-х гг. Среди прочих исследований по данной тематике стоит выделить многочисленные работы российского историка Михаила Ивановича Одинцова [2], которые посвящены изучению религиозно-государственных отношений в советском обществе. Более углубленно сектантский вопрос представлен в трудах М. Ю. Крапивина, А. Я. Лейкина, А. Г. Далгатова, которые в монографии [3], посвященной развитию христианского сектантства в 1917 – 1930-е гг., комплексно изучили динамику развития взаимоотношений властных структур с сектантскими организациями, исследовав, в частности, пацифистское движение и право на альтернативную гражданскую службу указанных слоев населения.

Религия является крайне сложной сферой в изучении историков, так как в контексте антропологии она стала рассматриваться сравнительно недавно. Религия в интерпретации историка выступает как особая отрасль той или иной культуры любой эпохи и «выражает конфликты и попеременно легитимирует, смещает или контролирует возможности сильнейшего» [4, с. 48]. Культура, которую в данном исследовании представляют сектанты со своими особыми пацифистскими взглядами на несение военной службы, разворачивается, согласно Мишелю де Серто, в атмосфере напряжения и насилия и держит своеобразный противовес, не дающий погибнуть религии в идеализированном обществе. Согласно принципам истории повседневности, научные практики должны быть возвращены в свою первоизданную среду возникновения – в повседневную жизнь и культуру [4, с. 69]. З. Фрейд определял следующий подход к изучению культуры, который «оказывается возможен тогда, когда обычный человек становится рассказчиком, когда он определяет место дискурса и пространство его разворачивания» [4, с. 68]. Дискурс разделяет пространство, где всегда соприкасаются два противоположных уровня, обычно антагонистических. В исследуемой тематике ими выступает сильная советская власть как «власть имущая» и сектант как «бедняк», которые вступают в сложный межкультурный и межконфессиональный диалог и балансируют в русле истории повседневности. Идеологический слом, произошедший после революции, разделяет общество. Интересы социальных групп после общественно-политического переустройства можно изучать с помощью методов новой социальной истории, позволяющей выявить практики выживания сектантских организаций в советском обществе, понять их мировоззрение и способы влияния на простых граждан, а также в контакте с представителями власти.

Этот подход используется для изучения небольших сект, которыми была наполнена Самарская губерния в 1920-е гг. Важным подходом, который встал в основу исследования, стал синергетический подход, означающий взаимосвязь таких субъектов, как религиозные организации сектантского толка и советской власти. Противостояние этих акторов позволяет увидеть образование двух дискурсов – религиозного и антирелигиозного в советском

обществе. Таким образом, цель настоящего исследования заключается в изучении процесса освобождения от воинской повинности по религиозным убеждениям сектантов в первые годы советской власти. Предметом исследования служит изменяющееся законодательство в области воинской службы, а также сами сектанты и их влияние на данный процесс.

Несение военной службы является обязанностью каждого гражданина мужского пола в России, независимо от рода деятельности, личностных или религиозных убеждений. Воинская повинность как всеобщая обязанность утвердилась в Российской империи 13 января 1874 г. уставом Александра II [5], и дальнейшие изменения в прохождении военной службы произошли только в 1918 г. Принцип отказа от военной службы «по совести», т.е. по религиозным убеждениям, открыто проявился в Российской империи в конце XIX в., когда стал транслироваться в идеях Л. Н. Толстого. Сам Лев Николаевич продвигал идеи ненасилия, самосовершенствования и т.п., однако его последователи – «толстовцы» – развили идеи пацифизма и придали им особый характер. Для них характерны попытки соединить идеи пацифистского движения с народными традициями русской культуры, при этом преобразовать «практики пассивного сопротивления и несотрудничества сектантов и крестьян в политическую технологию, осознанный, целенаправленный, честный и открытый социальный протест» [6, с. 99]. Идеи толстовцев оказали сильное влияние на религиозных сектантов, в том числе на баптистов, евангельских христиан, духоборов: «В отчетах обер-прокурора Синода начиная с 1898 года постоянно констатируются факты влияния “лжеучения” Толстого на сектантство и даже на православное население» [7, с. 193]. Однако религиозные сектанты, в отличие от толстовцев, не так принципиально отстаивали свои интересы, предпочитая излишнюю честность хитростям. В целях сохранения своих религиозных принципов сектанты зачастую обманом получали заветную замену службы, не видя в этом ничего плохого. Во время Первой мировой войны баптисты и евангельские христиане представляли собой наиболее многочисленную в Российской империи «группу отказников по мотивам религиозных убеждений» [6, с. 89].

В Советской России привлечение граждан на военную службу начало регулироваться декретом СНК от 15 января 1918 г. «О создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии»¹. Интересной особенностью этого документа стал добровольный набор служащих, что, конечно, не решало вопросов по полному укомплектованию Красной армии. Поэтому к маю 1918 г. было издано постановление ВЦИК «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную армию»². Гражданская война не дала большевистскому правительству окончательно разобраться в вопросе воинской службы в стране вплоть до 28 сентября 1922 г., когда вышел очередной декрет ВЦИК и СНК «Об обязательной воинской повинности граждан РСФСР»³. Несение военной

¹ О создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии : декрет СНК от 15 января 1918 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/rkka.htm>

² О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную армию : постановление ВЦИК. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_1/dekret_rkka.html

³ Об обязательной воинской повинности для всех граждан Р.С.Ф.С.Р. мужского пола : декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 28 сентября 1922 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18201#03008660206212799>

службы согласно декрету поручалось всем гражданам мужского пола, но нетрудовые и лишенные политических прав граждане должны были проходить службу в особом порядке [8, с. 118]. После образования СССР был принят еще один закон «Об обязательной военной службе»¹ от 18 сентября 1925 г., регулирующий несение военной службы в советском государстве, в котором были определены льготы по семейному положению, по получению высшего образования. Наконец, освобождение от воинской повинности по религиозным убеждениям было законодательно закреплено в правовой структуре СССР законом от 13 августа 1930 г., где упоминались и религиозные секты: «Гражданам, принадлежащим к религиозным сектам, учение которых запрещает ношение оружия, отбывание военной службы может быть заменено выполнением иных обязанностей...»².

В первые годы советской власти в вопросе об освобождении от воинской повинности советская власть поступала инновационно, стремясь привлечь сектантов на свою сторону. В октябре 1918 г. граждане, которые в силу своих убеждений не могли брать в руки оружие, получали право на прохождение санитарной службы. Немного позже, 4 января 1919 г., вышел декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», где объяснялось, как данный гражданин мог пройти военную службу: «Лицам, не могущим по своим религиозным убеждениям принимать участие в военной службе, предоставить право по решению Народного Суда заменить таковую на определенный срок призыва его сверстников санитарной службой, преимущественно в заразных госпиталях или иной соответствующей общепользуемой работой, по выбору самого призываемого...»³. «В подготовке этого документа принимали участие как большевики, так и представители религиозных меньшинств. Интересным положением этого декрета стало указание народным судам, чтобы при решении вопроса о возможности альтернативной службы была запрошена экспертиза Объединенного совета религиозных общин и групп (ОСРОГ) [9, с. 74–75].

Объединенный совет религиозных общин и групп появился в октябре 1918 г. по инициативе активистов толстовского и других религиозных течений сектантов. Совет «имел целью содействовать тому разумному, осторожному, не виданному при царском строе подходу высшей советской власти к лицам, по совести не приемлющим участия в военном деле» [10, с. 303]. Также Совет занимался объединением верующих различных направлений сектантства, устраивая лекции, собрания и съезды, решая самые различные вопросы. Создание ОСРОГа стало возможным из-за наличия личных взаимоотношений лидеров советского руководства и отдельных представителей сектантства, таких как В. Д. Бонч-Бруевич и А. В. Луначарский, а также П. Г. Смидович и Н. К. Крупская. Также большой авторитет имел и руководитель этого объединения и лидер движения толстовцев – В. Г. Чертков.

¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР, издаваемое Управлением Делами СНК СССР. I отдел. М. : Управление Делами СНК СССР, 1925. № 65.

² О создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии : декрет СНК от 15 января 1918 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/rkka.htm>

³ Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям : декрет Совета Народных Комиссаров. URL: <http://istmat.info/node/37823/>

Согласно материалам статьи П. В. Павлова в журнале «Слово истины», ОСРОГ уже с 1921 г. тяготился обязанностью давать экспертизу по делам отказа от военной службы и перекладывал свою работу на местных экспертов, которым не доставало компетенции и опыта грамотно выполнять возложенную на них работу: «Мы как сектанты в целом заинтересованы в том, чтобы экспертами являлись не случайные, но пользующиеся нашим доверием лица, действующие не только по мандатам сектантских организаций, но и их центральных органов. Лица эти должны получать свои мандаты на основании рекомендации местных сектантских организаций от центральных органов. <...> пред правительством будет служить ручательством за добросовестность показаний этого эксперта всего объединенного русского сектантства, а не отдельных, может быть, созданных на скорую руку в корыстных целях псевдосектантских групп» [11, с. 250–251].

При этом ОСРОГ мог и вовсе освободить человека от службы, если для этого были основания. Например, руководители сектантских общин могли освобождаться от военной службы без всякой замены. Такое решение было утверждено постановлением ВЦИК от 16 сентября 1921 г. «О пересмотре дел о лицах, осужденных за уклонение от воинской повинности по религиозным убеждениям»¹. Согласно этому документу, право на упрощенное освобождение от службы без необходимой альтернативы было предоставлено Народному суду, куда обращались с заявлением от общины: «...данное лицо является незаменимым работником в общине, и с взятием его на исполнение других гражданских обязанностей верующие лишаются возможности коллективно удовлетворять свои религиозные потребности...» [11, с. 251–252]. Советы были крайне недовольны исполнением этого декрета, так как под эгидой религиозных убеждений от службы стали уходить совсем не верующие граждане. Потребовалось совсем немного времени, чтобы эти полномочия были отобраны у ОСРОГа другим декретом СНК РСФСР от 14 декабря 1920 г. «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» [12, с. 1]. В 1924 г. ОСРОГ был ликвидирован [13, с. 432].

Отношение к военной службе среди сектантов было неоднозначное и изменялось ввиду окружающих их условий. Архивные материалы повествуют о гражданине Бондаренко, который после окончания электро-технического техникума отказался служить в Красной армии и был задержан на 2 мес. Это произвело ошеломляющее впечатление на членов общин и совместным решением было выявлено, что лучше жить в мире с советской властью [14]. Агитации с призывом проходить службу проводили и на сектантских съездах. На одном из таких член секты адвентистов седьмого дня Свиридов выступал с диаграммами и картами, рассказывая своим товарищам о том, что еще в древние времена христиане носили оружие, а значит им, сектантам, можно служить в Красной армии [14].

Вопрос о военной службе поднимался и на Всесоюзном съезде баптистов в 1923 г. В его решениях было выявлено обязательное выполнение государственных повинностей, а также поднят вопрос о воинской повинности. По последнему вопросу на съезде не было принято единогласного решения,

¹ О пересмотре дел о лицах, осужденных за уклонение от воинской повинности по религиозным убеждениям : декрет ВЦИК от 16 сентября 1921 г. URL: <http://www.alppp.ru/law/ugolovnoe-pravo--ispolnenie-nakazaniy/17/dekret-vcik-ot-16-09-1921.pdf>

однако были предложены способы регулирования данной проблемы: замещение службы общественными работами, санитарной службой в армии и несение военной службы, если это не противоречило убеждениям конкретного баптиста [11, с. 487]. Такие же идеи пропагандировала декларация V съезда церкви адвентистов седьмого дня от 16 августа 1924 г.: «Вероучение адвентистов седьмого дня чутко относится к свободе поступать так или иначе по сему вопросу, и каждый член, руководствуясь своими убеждениями, лично сам отвечает за отношение к военной службе, и съезд не препятствует таким членам нести строевую службу, когда их совесть им это позволяет...» [11, с. 509].

Религия как важнейшая составляющая духовной сферы российского общества одна из первых подверглась трансформации в условиях новой марксистской доктрины. С момента установления советской власти высшему руководству молодой страны требовалось бросить все силы на понижение роли религиозных институтов в жизни общества, на обличение духовенства и искоренения традиционных религиозных обрядов. Русская православная церковь больше других конфессий подверглась нападкам со стороны советской власти, затем другие крупные конфессии и религиозные объединения, в том числе большое количество сектантских образований, которые издавна отличались своими особенностями приспосабливаться к условиям в любой исторический период. Правовое положение сект на протяжении XVIII–XIX вв. постоянно менялось, однако очевидно, что в дореволюционной России сектантские организации не имели большинства прав наряду с другими конфессиями и всячески притеснялись, поэтому революционные события приняли с воодушевлением, надеясь на улучшение своего положения. В первые годы существования советская власть действительно пошла на уступки религиозным пацифистам и позволила заменить военную службу альтернативной, однако это были временные меры, направленные на лояльное отношение сектантов к новому курсу на коммунизм. С 1917–1924 гг. в правовом поле действительно шло последовательное развитие замены военной службы на альтернативную в связи с религиозными убеждениями некоторых представителей христианских сект. Вместе с тем процесс отхода от таких мер становился очевиден уже с середины 1920-х гг. ввиду полной идеологической перестройки общества и развития антирелигиозной пропаганды.

Список литературы

1. Мельников П. Ю. Правовое положение христианских сектантов Российской империи во второй половине XIX века // Освободительное движение в России : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2006. Вып. 21. С. 119–125.
2. Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М. : РОССПЭН, 2014. 425 с.
3. Крапивин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатова А. Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов) : монография. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003. 304 с.
4. Серто Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 333 с.
5. Всеобщая воинская повинность. Симбирск, 1874. URL: <https://www.prilib.ru/item/405861>

6. Гордеева И. А. Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX – начале XX века // Крестьяноведение. 2018. Т. 3, № 4. С. 78–104.
7. Пругавин А. С. О Льве Толстом и толстовцах: Очерки, воспоминания, материалы. М. : URSS, 1911. 323 с.
8. Шагаев В. А. Правовые основы комплектования Красной Армии в 20-е гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 118–120.
9. Савин А. И. Альтернативная гражданская служба в советской России в 1920–1930-е годы: нормативно-правовое поле и практическая организация // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.) / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 71–93.
10. Гетель Е. И. Объединенный Совет религиозных общин и групп как одно из проявлений русского религиозного пацифизма // Долгий путь российского пацифизма. М. : ИВИ РАН, 1997. С. 301–317.
11. Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: документы и материалы : в 6 т. Т. 1 : в 4 кн. / отв. ред. А. К. Сорокин. М., 2018. Кн. 4. 798 с.
12. Кульчицкий А. Е. Миротворчество и пацифизм – осмысление культуры мира // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2. С. 26–30.
13. Сажин Б. Б. Стратегии политики советской власти в отношении отказов от воинской повинности по убеждениям в начале 1920-х гг. (на примере религиозного движения «неплательщиков») // Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е годы : материалы XI Междунар. науч. конф. (г. Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г.). М. : Политическая энциклопедия : Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2019. С. 430–439.
14. Самарский государственный архив социально-политической истории. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1137. Л. 9.

References

1. Mel'nikov P.Yu. The legal status of Christian sectarians in the Russian Empire in the second half of the 20th century. *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: mezhev. sb. nauch. tr. = Liberation movement in Russia: interuniversity collection of scientific papers*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2006;21:119–125. (In Russ.)
2. Odintsov M.I. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i v epokhu stalinskogo sotsializma. 1917–1953 gg. = The Russian Orthodox Church on the eve and in the era of Stalinist socialism. 1917–1953*. Moscow: ROSSPEN, 2014:425. (In Russ.)
3. Krapivin M.Yu., Leykin A.Ya., Dalgatov A.G. *Sud'by khristianskogo sektantstva v Sovetskoy Rossii (1917 – konets 1930-kh godov): monografiya = The fate of Christian sectarianism in Soviet Russia (1917 – late 1930s): monograph*. Saint-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2003:304. (In Russ.)
4. Serto Mishel' de. *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskustvo delat' = Certeau Michel de. The invention of everyday life. 1. The art of doing*. Transl. from French by D. Kalugin, N. Movnina. Saint-Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2013: 333. (In Russ.)
5. *Vseobshchaya voinskaya povinnost' = General conscription*. Simbirsk, 1874. (In Russ.). Available at: <https://www.prilib.ru/item/405861>
6. Gordееva I.A. Refusals from military service and the formation of the pacifist movement in Russia in the late 19th – early 20th centuries. *Krest'yanovedenie = Peasant studies*. 2018;3(4):78–104. (In Russ.)
7. Prugavin A.S. *O L've Tolstom i tolstovtsakh: Ocherki, vospominaniya, materialy = On Lev Tolstoy and tolstoys: Essays, memoirs, materials*. Moscow: URSS, 1911:323. (In Russ.)

8. Shagaev V.A. The legal basis for the manning of the Red Army in the 20s of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2011;351:118–120. (In Russ.)
9. Savin A.I. Alternative civilian service in Soviet Russia in the 1920s – 1930s: legal framework and practical organization. *Instituty grazhdanskogo obshchestva v Sibiri (XX – nachalo XXI v.) = Civil society institutions in Siberia (20th – early 21st centuries)*. Novosibirsk, 2009:71–93. (In Russ.)
10. Getel' E.I. The United Council of Religious Communities and Groups as one of the manifestations of Russian religious pacifism. *Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma = The long road of Russian pacifism*. Moscow: IVI RAN, 1997:301–317. (In Russ.)
11. Sorokin A.K. (ed.). *Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva. 1917–1991 gg.: dokumenty i materialy: v 6 t. T. 1: v 4 kn. = Confessional policy of the Soviet state. 1917–1991: documents and materials: in 6 volumes. Volume 1: in 4 books*. Moscow, 2018;4:798. (In Russ.)
12. Kul'chitskiy A.E. Peacemaking and pacifism – understanding the culture of peace. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2015;2:26–30. (In Russ.)
13. Sazhin B.B. The strategies of the polici of the Soviet government regarding conscientious objection in the early 1920s (on the example of the “defaulter” religious movement). *Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva v 1920–1950-e gody: materialy XI Mezhdunar. nauch. konf. (g. Velikiy Novgorod, 11–13 oktyabrya 2018 g.) = Confessional policy of the Soviet state in the 1920–1950s: proceedings of the 11th International scientific conference (Veliky Novgorod, October 11–13, 2018)*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya: Prezidentskiy tsentr B. N. El'tsina, 2019:430–439. (In Russ.)
14. *Samarskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 53. Op. 1. D. 1137. L. 9 = Samara State Archive of Social and Political History. Fund 53. Schedule 1. Case 1137. List 9*. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Алина Владимировна Протасова

аспирант, Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева (Россия,
г. Самара, Московское шоссе, 34)

Alina V. Protasova

Postgraduate student, Samara National
Research University (34 Moskovskoye
highway, Samara, Russia)

E-mail: Intelegentna@rambler.ru

Поступила в редакцию / Received 14.12.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.02.2021

Принята к публикации / Accepted 30.03.2021

УДК 94 (47-57) 1917/1991
doi:10.21685/2072-3024-2021-2-6

**«Педагог должен быть общественником»:
развитие пионерского и комсомольского движения
в дисперсной этнической среде на Юге России в 1920–1930-е гг.**

А. В. Аверьянов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
aver18071981@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Изучение исторического опыта национальной политики на Юге России позволяет переосмыслить характер этносоциальных процессов в регионе и механизмы интеграции этнических меньшинств. Цель статьи – проанализировать малоизученный аспект культурно-образовательной политики Советского государства в молодежной среде народов Дона, Кубани и Ставрополья в 1920–1930-е гг., а именно общественную и идеологическую работу в контексте развития пионерского и комсомольского движения. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач основывалась на использовании архивных документов из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Ростовской области, Центра документации новейшей истории Ростовской области, Государственного архива Ставропольского края, Центра документации новейшей истории Краснодарского края. Важное место занимают нормативно-правовые акты, статистические данные и отчеты по обследованию этнических меньшинств на Юге России в 1920–1930-е гг. В статье используются историко-генетический и историко-сравнительный методы исследования в рамках направления микроистории, в том числе подхода «новой локальной истории». *Результаты.* Исследованы малоизученные аспекты культурно-образовательной политики через призму развития пионерского и комсомольского движения как важнейших элементов системы коммунистического воспитания в молодежной среде. Выявлены специфика, основные механизмы и характер воспитательной и общественной работы среди национальной молодежи. Проведен сравнительный анализ воспитательной работы среди представителей крупнейших дисперсных этносов на Юге России, а также динамика ее развития в 1920–1930-е гг. *Выводы.* Задачи общественной и идеологической работы в дисперсной этнической среде на Юге России обуславливались необходимостью вовлечения национальных меньшинств в советские социально-политические институты. Ключевым механизмом выступала социальная дифференциация. Основная ставка делалась на национальную молодежь, которая обучалась в советских национальных школах. Идеологизация образования компенсировала недостатки учебного процесса. Пионерское и комсомольское движение в этнической среде развивалось крайне неравномерно. Оно опиралось на беднейшие слои населения и выступало в качестве альтернативы традиционным социальным институтам с их консервативной общественной иерархией.

Ключевые слова: дисперсные этносы, Юг России, этнические меньшинства, пионерское движение, комсомол, национальный район, культурно-образовательная политика

Для цитирования: Аверьянов А. В. «Педагог должен быть общественником»: развитие пионерского и комсомольского движения в дисперсной этнической среде на Юге России в 1920–1930-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 56–65. doi:10.21685/2072-3024-2021-2-6

© Аверьянов А. В., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

**“The teacher must be a social activist”:
the pioneer and Komsomol movement’s development in a dispersed
ethnic environment in the South of Russia in the 1920s – 1930s**

A.V. Averyanov

Southern Federal University, Rostov on Don, Russia

aver18071981@yandex.ru

Abstract. *Background.* The study of the historical experience of national politics in the South of Russia allows us to rethink the nature of ethnosocial processes in the region and the mechanisms of ethnic minorities’ integration. The purpose of the article is to analyze the little-studied aspect of the cultural and educational policy of the Soviet state in the youth environment of Don, Kuban and Stavropol people in the 1920s – 1930s, namely, social and ideological work in the context of the pioneer and Komsomol movement’s development. *Materials and methods.* The implementation of research tasks was based on the use of archival documents from the funds of the State Archives of the Russian Federation, the State Archives of the Rostov region, the Center for Documentation of the Contemporary History of the Rostov region, the State Archives of the Stavropol region, and the Center for Documentation of the Contemporary History of the Krasnodar region. An important place is occupied by normative legal acts, statistical data and reports on the survey of ethnic minorities in the South of Russia in the 1920s – 1930s. The article uses historical-genetic and historical-comparative research methods within the framework of the direction of microhistory, including the approach of “new local history”. *Results.* The poorly studied aspects of cultural and educational policy have been investigated through the prism of the development of the pioneer and Komsomol movement as the most important elements of the system of communist education in the youth environment. The specificity, basic mechanisms and nature of educational and social work among national youth are revealed. A comparative analysis of educational work among representatives of the largest dispersed ethnic groups in the South of Russia, as well as the dynamics of its development in the 1920s – 1930s, is carried out. *Conclusions.* The tasks of social and ideological work in a dispersed ethnic environment in southern Russia were determined by the need to involve national minorities in Soviet socio-political institutions. Social differentiation was the key mechanism. The main stake was placed on the national youth who studied in the Soviet national schools. The ideologization of education compensated for the shortcomings of the educational process. The pioneer and Komsomol movement in the ethnic environment developed extremely unevenly. It relied on the poorest strata of the population and was presented as an alternative to traditional social institutions with their conservative social hierarchy.

Keywords: dispersed ethnic groups, the South of Russia, ethnic minorities, the pioneer movement, the Komsomol, the national region, cultural and educational policy

For citation: Averyanov A.V. “The teacher must be a social activist”: the pioneer and Komsomol movement’s development in a dispersed ethnic environment in the South of Russia in the 1920s – 1930s. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2021;2:56–65. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-2-6

Развитие культурно-образовательной сферы общества представляло собой важнейшее направление политики Советского государства. Преодоление культурной отсталости национальных меньшинств провозглашалось одной из приоритетных задач национальной политики в 1920–1930-е гг.

В условиях роста исследовательского интереса к истории малых этносоциальных групп на современном этапе развития историографии накоплен

определенный опыт изучения культурной и образовательной политики в дисперсной этнической среде на Юге России. В настоящей статье под дисперсными этносами понимаются те этнические сообщества, которые проживали за рамками своих национальных автономий или не имели их вовсе и которые отличал дисперсный характер проживания. Среди крупнейших дисперсных этносов Северо-Кавказского края, основная часть которых проживала на Дону, Кубани и Ставрополье, выделялись армяне, немцы, шапсуги, туркмены, греки, ассирийцы и т.д.

Методологической основой изучения дисперсных этнических сообществ помимо общесторических методов выступает комплекс микроисторических подходов, позволяющих изучить «сущностные характеристики прошлого через детальную реконструкцию его микроструктур (изучение “большого в малом”»». В работах В. З. Акопяна [1], Н. Ф. Бугай [2], И. Г. Иванцова [3] и других авторов рассматриваются различные аспекты культурного строительства в южнороссийском макрорегионе в 1920–1930-е гг., в том числе процесс коренизации школьного и профессионального обучения, ликвидации неграмотности на родных языках, механизмы и динамика расширения национальной школьной сети, развития печати и т.д.

В свою очередь малоизученной остается обратная сторона культурно-образовательной политики – ее идеологическое и общественное наполнение. Между тем данный аспект культурного строительства в дисперсной этнической среде считался не менее важным, чем его образовательная составляющая. Более того, он компенсировал недостатки учебного процесса. В этнической среде в силу нехватки финансовых и материальных средств, дефицита квалифицированных кадров проблемы образовательного процесса проявлялись наиболее рельефно. Длительное время темпы расширения школьной сети и охват учебой детей школьного возраста оставались недостаточными. К середине 1920-х гг. в Северо-Кавказском крае значились 523 национальные школы [4]. Наибольшая доля приходилась на армянские и немецкие школы – 117 и 113 единиц соответственно, притом, что численность армянского населения в крае в 1,7 раза превосходила немецкое [5, л. 55, 91]. Ощущался острый недостаток греческих, татарских, туркменских, ассирийских, еврейских школ. Охват детей школьным образованием среди немецкого населения был одним из самых высоких в Северо-Кавказском крае и в среднем достигал 70 %. Однако этот показатель в значительной степени оставался на бумаге, поскольку посещаемость школ существенно снижалась в весенне-осенние месяцы, когда дети активно привлекались к сельскохозяйственным работам [6]. Среди армянского населения школы посещало не более 50–60 % детей соответствующего возраста [5, л. 60]. Не более 50 % детей посещали греческие школы [5, л. 68]. Показатели посещаемости советских школ представителями других этнических сообществ в этот период были еще ниже.

Помимо материально-организационных сложностей дополнительным фактором, затрудняющим развитие школьной сети в этнической среде в 1920-е гг., выступали религиозные учебные заведения при церквях и мечетях. Комиссия по обследованию немецкого населения Северо-Кавказского края в 1928 г. отмечала, что в некоторых колониях «под руководством духовенства» шла «усиленная работа всяких религиозных кружков как для молодежи, так и для женщин». Отмечались случаи выхода из комсомола как

результат влияния на молодежь со стороны представителей духовенства. Данные случаи квалифицировались партийными и советскими органами как проявление «наступательной тенденции немецкого духовенства и кулачества» в условиях возрастающей идеологической борьбы за умы молодежи [7, л. 106].

В сложившихся условиях советская власть делала ставку на воспитание молодого поколения путем внедрения в их сознание советской системы ценностей. Становление советской школы и расширение сети комсомольских ячеек имело целью вывести национальную молодежь из-под влияния традиционных социальных институтов. Особая роль отводилась работе в женской среде – женщин выдвигали на советскую и партийную работу, обучали рабочим профессиям. Женское население в условиях укрепления советской власти на Юге России и реконструкции хозяйства рассматривалось как потенциальная лояльная социально-политическая группа, а также многочисленный кадровый ресурс.

Краевыми органами народного образования официально признавалось, что «просветительская работа ведется на двух фронтах – в школе и вне школы» [8, л. 2]. Однако главным местом идейного воспитания молодежи являлась советская школа. В 1920-е гг. национальные школы создавались на базе Устава Единой трудовой школы (ЕТШ), доступ в которую был открыт для детей школьного возраста от 8 до 17 лет [8, л. 71]. Национальные школы назывались в честь революционеров соответствующей ее этническому профилю национальности. Так, польская школа I ступени в Ставрополе была названа в честь В. В. Воровского [8, л. 59].

В Уставе ЕТШ отмечалась необходимость подготовки учащихся к «связи с трудящимися массами, организации юных пионеров» [8, л. 71]. Образовательный процесс в школе носил ярко выраженную идеологическую направленность. По словам Н. К. Крупской, «педагог должен быть общественником, участником социалистического строительства, должен понимать задачи коммунистического воспитания и проводить их на практике» [9].

Основная доля нагрузки и ответственности за идейное воспитание учащихся ложилась на педагогический состав. Учебный процесс активно совмещался с внеклассовой работой, прежде всего различными мероприятиями идеологической направленности. В национальных школах отмечались новые советские праздники и памятные даты, в том числе День годовщины Октябрьской революции, День расстрела рабочих 9 января, день рождения и смерти Ленина, День Парижской коммуны, День расстрела рабочих на Лене, 1 мая и т.д. [10].

«Комвоспитание» молодежи осуществлялось прежде всего в рамках пионерского и комсомольского движения. Пионерия и комсомол рассматривались как своего рода кузница будущих партийных кадров. В 1920-е гг. развитие детского коммунистического движения в этнической среде протекало крайне неравномерно и с разной степенью интенсивности. Добровольная социальная изоляция многих этнических общин, господство патриархальных устоев и религиозного сознания, а также низкая степень интеграции в советское общество, особенно беженцев, затрудняли процесс вовлечения «национальной» молодежи в пионерские и комсомольские организации. Зачастую

отношение к пионерскому движению было отрицательным и даже враждебным. Значительная роль в данном процессе отводилась учителям, которые должны были совмещать учебную и общественную нагрузку. Однако помимо низкой квалификации учителей в национальных школах отмечалась их невысокая идейная сознательность и неготовность вести идеологическую работу. Окружные и районные отделы народного образования неоднократно констатировали, что многие учителя из национальной среды отличались высоким уровнем религиозности. Например, отмечалось, что у многих учителей дома висят иконы, а в Греческом сельсовете Курсавинского района Ставропольского округа «один учитель – сын попа, второй учитель – дочь кулака-подрядчика, третий учитель – старик со старым уклоном» [11].

Тем не менее пионерское движение активно внедрялось в советских школах. К 1926 г. численность пионеров в армянских школах Северо-Кавказского края доходило до 1500 человек, а отрядов – до 20 [5, л. 56]. Относительно результативно идейно-воспитательная работа шла среди старожильского армянского населения Донского округа. Во второй половине динамика роста числа детей, охваченных пионерским движением, в Мясниковском районе в 1929 г. увеличился за два года с 380 до 992 человек [12, л. 39]. Создание к 1928 г. шести пионерских отрядов среди немецкого населения в Терском округе расценивалось как определенное достижение [7, л. 104].

Ключевую роль в формировании комсомольских ячеек в этнической среде играли партийные структуры. Динамика партийного строительства в этнической среде в 1920-е гг. превышала темпы роста комсомольских организаций. Так, в Армавирском округе, где проживало значительное количество немецкого населения Северо-Кавказского края, в 1927 г. насчитывалось 30 партийцев-немцев и 25 комсомольцев-немцев [13]. Во многих колониях партийные и комсомольские ячейки отсутствовали вовсе. На I Краевом совещании секретарей армянских секций в 1925 г. констатировалась недостаточная работа с молодежью по части ее вовлечения в пионерские и комсомольские организации. С целью усиления общественно-политической работы в молодежной среде члены совещания отмечали необходимость создания армянских секций при краевом и окружных комитетах РЛКСМ [14].

В условиях сохранения традиционных социально-политических институтов в период нэпа комсомольцы чаще всего не пользовались авторитетом у односельчан, степень их политического влияния на молодежь в 1920-е гг. была ограничена.

Новый этап в развитии молодежного коммунистического движения пришелся на начало коллективизации. Расширение партийных и комсомольских организаций в этнической среде приобрело практически значимый характер. Однако работа затруднялась вследствие нехватки идейно мотивированных активистов из этнической среды, а также вследствие плохого знания русского языка, на котором была вынуждена строиться комсомольская работа. Темпы роста численности комсомольцев в первые годы коллективизации по-прежнему отставали от динамики партийного строительства.

По итогам обследования немецкого населения Северо-Кавказского края в 1928–1929 гг. отмечалось следующее: «...что же касается роста комсомола, то он в меньшем количественном отношении, чем рост партии, причем следует отметить прием в комсомол в Терском округе – 14 девушек немок...

усматривается тяготение батрацкой и бедняцкой молодежи в комсомол, но слабость работы ячеек, ведение работы на русском языке и слабость сети лишают возможности охватить и втянуть эту молодежь в комсомол» [7, л. 107]. Наибольшие проблемы в этнической среде были связаны с вовлечением в комсомол девушек. Комсомольские организации тесно взаимодействовали с женотделами, организуя мероприятия по усилению работы среди национальной молодежи и ее женской части [7, л. 44].

Главную ставку в развитии комсомольских организаций партийные и комсомольские структуры делали на бедняцко-батрацкие слои, которые, по их мнению, были более мотивированы и заинтересованы в демонтаже традиционной социальной иерархии. Они составляли классовое ядро комсомольских организаций. Так, в комсомольской организации Ванновского немецкого национального района «пролетарское ядро» (бедняки и батраки) в 1929 г. составляли 30 %, в 1930 г. – 41 % [15, л. 12]. В 1931 г. в районной комсомольской организации значительно увеличился рост крестьян-середняков – с 71 до 126 человек, что свидетельствовало о постепенном втягивании в молодежное коммунистическое движение представителей более зажиточных слоев населения [16, л. 27] (табл. 1).

Таблица 1

Динамика изменения численности и социальной структуры комсомольской организации Ванновского (немецкого) национального района

Социальные партийные группы	На 1 октября 1930 г. (чел.)	На 1 декабря 1931 г. (чел.)
Батраки и рабочие	225	142
Бедняки-крестьяне	224	265
Середняки	71	126
Служащие	27	17
Всего	547	550
Пролетядро	41 %	24,5 %
Партядро	46 (7 %)	36 (6,5 %)

В комсомольской организации Армянского национального района доля батраков и рабочих за один год с 1930 по 1931 г. составила 20,5 и 31,2 % соответственно (табл. 2).

Таблица 2

Гендерный и социальный состав комсомольских организаций Армянского района [17]

Годы	Всего	Мужчин	Девушек	Рабочих	Батраков	Крестьяне		Прочие
						Бедняки	Середняки	
1930	707	565	142	195	141	205	129	17
1931	813	600	213	235	185	225	265	26
Рост, в процентах	15	4,4	50	20,5	31,2	8,9	105,3	53

В 1930-е гг. численность комсомольцев в национальных районах превысила количество коммунистов. Так, в партийной организации Армянского района в 1931 г. состояло 324 человека, в комсомоле – 813 человек. За девять месяцев 1929–1930 гг. рост комсомольской организации Ванновского района составил 73 % – с 167 до 297 человек, в то время как численность районной партийной организации в 1930 г. достигла 249 человек [15, л. 28].

Однако рост комсомольского движения в национальных районах происходил в основном за счет некоренных народов. Так, доля немцев в Ванновской комсомольской организации достигала лишь 13 %. Районной парторганизацией констатировалось, что «слабыми сторонами комсомольских организаций является недостаточная работа среди немецкой молодежи и рост за счет немцев» [15, л. 28]. Высокий уровень текучести в комсомольской организации Ванновского района обуславливался низким уровнем политико-идеологического воспитания комсомольцев. На III Районной партконференции отмечалось: «О работе комсомола нужно сказать, что здесь дела обстоят плохо, неправильный подход к комсомольцам-немцам, за малейший проступок их гонят из организации, их надо не гнать, а учить исправлять» [15, л. 12]. Типичной проблемой для всех без исключения комсомольских ячеек являлся слабый уровень дисциплины.

По мере развития коллективизации наблюдалось увеличение удельного веса среди вновь принятых комсомольцев – выходцев из середняцких слоев населения. К 1938 г. численность комсомольцев в Ванновском районе выросла до 726 человек [18, л. 13]. В свою очередь удельный вес немцев в районной комсомольской организации по-прежнему оставался низким, увеличившись к 1932 г. лишь до 18 % (99 человек) [18, л. 13]. Низкие темпы вовлечения немцев в комсомольскую районную организацию обуславливали поиск чрезвычайных механизмов рекрутирования немецкой молодежи. На заседании бюро ячейки ВЛКСМ села Ванновское 5 октября 1928 г. признавалось «целесообразным выделение немецкой национальной ячейки в самостоятельную единицу, учитывая трудности работы с немецкой молодежью» и отсутствие «подхода со стороны русских товарищей к националу немцу» [19]. К концу 1930-х гг. можно было констатировать, что процесс коренизации комсомольского движения в Ванновском районе так и остался незавершенным.

Схожая ситуация наблюдалась в Греческом районе. Несмотря на количественный рост районной комсомольской организации более чем в два раза – с 250 человек в 1930 г. до 567 комсомольцев в 1931 г., доля греков в ней не превышала 44 % [20]. Сворачивание коренизации в Греческом районе и его последующая ликвидация, как и в случае с Ванновским районом, в значительной степени были обусловлены не только внешнеполитической конъюнктурой, но и внутренними проблемами, в том числе неспособностью районных и региональных властей наладить организационную и идейно-политическую работу среди немецкой и греческой молодежи.

Значительно динамичней комсомольское движение развивалось в Армянском районе на Кубани. В середине 1930-х гг. в ходе чисток районной комсомольской организации численность комсомольцев сократилась. В 1937 г. насчитывалось всего 602 комсомолец, тогда как в 1931 г. их было 813. В предвоенные годы организация демонстрировала стабильный рост, в том числе за счет создания новых ячеек. Если в 1937 г. их насчитывалось 40, то

в 1938 г. – 44 (626 человек), а в 1939–1940-х гг. – 59 (1278 комсомольцев). Доля коренной национальности (в данном случае армян) в районной комсомольской организации в 1940 г. составляла 70 %, или 897 человек [21, л. 116]. В данной связи политику коренизации в области партийного и комсомольского строительства в Армянском районе можно было считать относительно успешной, что объяснялось высоким адаптационным потенциалом армянского населения.

Наиболее быстрыми темпами комсомольское движение развивалось в Мясниковском (армянском) районе на Дону. На заседании бюро райкома в декабре 1928 г. отмечалось, что «комсомол в районе растет здорово» [22, л. 12а]. В 1927 г. в районную комсомольскую организацию входило 158 человек, в 1928 г. – 222 активиста, а в 1929 г. – 310 человек, в том числе 240 юношей и 70 девушек. Среди комсомольцев преобладали бедняки (43,5 %) и батраки (25 %) [12, л. 39 об.]. Ситуация осложнялась фактическим роспуском и перерегистрацией комсомольской организации Мясниковского района в связи с разгромом так называемой «гадзиевщины» – репрессиями в отношении бывшего руководства района и его сторонников [23, л. 6а]. В данной связи комсомольскому строительству придавалось особое значение. В целях его поддержки местным партийным руководством предписывалось усилить партийный контроль над комсомолом, в том числе путем увеличения численности его «партядра». Для этого признавалось необходимым ускорить процесс вступления в партию наиболее подготовленных комсомольцев и «прикрепления отдельных подготовленных товарищей (партприкрепленных) для работы в комсомоле» [23, л. 6а–7]. Одновременно обращалось внимание на недостатки комсомольского движения в районе, прежде всего «общеобразовательную отсталость» его членов. С целью ее преодоления районной комсомольской организации предписывалось обеспечить выборку квот для обучения национальных меньшинств в советских партийных школах и на рабфаках [22, л. 12а].

Таким образом, идеологическое воспитание являлось одним из важнейших элементов советского образования в 1920–1930-х гг. Именно в этот период были заложены его основы. Необходимость его внедрения в этнической среде обуславливалась стремлением вовлечь представителей этнических меньшинств в советские общественные институты, преодолеть их социальную и культурную изоляцию. Идеологизация образования в значительной степени компенсировала недостатки учебного процесса, связанные с нехваткой национальных школ, низкой квалификацией учителей. Система коммунистического воспитания национальной молодежи представляла собой единую структуру в рамках пионерского и комсомольского движения, одновременно выполнявшего функцию социального лифта для беднейших слоев и представлявшего альтернативу традиционным социальным институтам с их жесткой внутриэтнической иерархией. Если в 1920-е гг. темпы увеличения численности пионерской и комсомольской организаций в дисперсной этнической среде на Юге России значительно отставали от темпов партийного строительства, то в 1930-е гг. в условиях укрепления советских социально-политических институтов динамика роста молодежного движения в этнической среде значительно возросла, хотя и отличалась неравномерностью.

Список литературы

1. Акопян В. З. Армяне Ставрополя и Терека. Пятигорск : ПГЛУ, 2007. 264 с.
2. Бугай Н. Ф. Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. М. : Гриф и К, 2014. 420 с.
3. Иванцов И. Г. Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924–1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар : Альфа-Принт, 2013. 128 с.
4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-299. Оп. 1. Д. 250. Л. 111.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 234.
6. ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 941. Л. 97.
7. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 751.
8. ГАСК. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 139.
9. Крупская Н. К. Мерила оценки педагога // Хрестоматия по педагогике : учеб. пособие / под. ред. З. И. Равкина. М. : Просвещение, 1976. С. 20.
10. ГАСК. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 148. Л. 34.
11. ГАСК. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 1723. Л. 42.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 75.
13. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 98. Л. 27.
14. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 165. Л. 10.
15. ЦДНИКК. Ф. 493. Оп. 1. Д. 16.
16. ЦДНИКК. Ф. 493. Оп. 1. Д. 52.
17. ЦДНИКК. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 14. Л. 31.
18. ЦДНИКК. Ф. 493. Оп. 1. Д. 99.
19. ЦДНИКК. Ф. 493. Оп. 1. Д. 9. Л. 37.
20. ЦДНИКК. Ф. 2662. Оп. 1. Д. 15. Л. 39.
21. ЦДНИКК. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 39.
22. ЦДНИРО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 11.
23. ЦДНИРО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 7а.

References

1. Akopyan V.Z. *Armyane Stavropol'ya i Tereka = Armenians of Stavropol and Terek*. Pyatigorsk: PGLU, 2007:264. (In Russ.)
2. Bugay N.F. *Kavkaz. Etnicheskie men'shinstva: proshloe i nastoyashchee = Caucasus. Ethnic minorities: past and present*. Moscow: Grif i K, 2014:420. (In Russ.)
3. Ivantsov I.G. *Sovetskie formy «maloy avtonomii». Natsional'nye rayony i sel'sovety na Kubani. 1924–1953 gg. (na materialakh Kubani i Severnogo Kavkaza) = Soviet forms of “small autonomy”. National regions and village councils in the Kuban. 1924–1953 (based on materials from the Kuban and the North Caucasus)*. Krasnodar: Al'fa-Print, 2013:128. (In Russ.)
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya (GASK). F. R-299. Op. 1. D. 250. L. 111 = The State Archive of Stavropol region. Fund R-299. Item 1. File 250. List 111.* (In Russ.)
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti (GARO). F. R-64. Op. 1. D. 234 = The State Archive of Rostov region. Fund R-64. Item 1. File 234.* (In Russ.)
6. *GARO. F. R-1798. Op. 1. D. 941. L. 97 = The State Archive of Rostov region. Fund R-1798. Item 1. File 941. List 97.* (In Russ.)
7. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti (TsDNIRO). F. 7. Op. 1. D. 751 = The Center for Documentation of the Contemporary History of Rostov region. Fund 7. Item 1. File 751.* (In Russ.)

8. GASK. F. R-300. Op. 1. D. 139 = *The State Archive of Stavropol region. Fund R-300. Item 1. File 139.* (In Russ.)
9. Krupskaya N.K. Measure of the teacher's assessment. *Khrestomatiya po pedagogike: ucheb. posobie* = *Reader on pedagogy: textbook allowance*. Moscow: Prosveshchenie, 1976:20. (In Russ.)
10. GASK. F. R-300. Op. 1. D. 148. L. 34 = *The State Archive of Stavropol region. Fund R-300. Item 1. File 148. List 34.* (In Russ.)
11. GASK. F. R-1161. Op. 1. D. 1723. L. 42 = *The State Archive of Stavropol region. Fund R-1161. Item 1. File 1723. List 42.* (In Russ.)
12. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. R-1235. Op. 124. D. 75 = *The State Archive of the Russian Federation. Fund R-1235. Item 124. File 75.* (In Russ.)
13. Tsentri dokumentatsii novyeyshey istorii Krasnodarskogo kraya (TsDNIKK). F. 12. Op. 1. D. 98. L. 27 = *The Center for Documentation of the Contemporary History. Of Krasnodar region. Fund 12. Item 1. File 98. List 27.* (In Russ.)
14. TsDNIRO. F. 7. Op. 1. D. 165. L. 10 = *The Center for Documentation of the Contemporary History of Rostov region. Fund 7. Item 1. File 165. List 10.* (In Russ.)
15. TsDNIKK. F. 493. Op. 1. D. 16 = *The Center for Documentation of the Contemporary History. Of Krasnodar region. Fund 493. Item 1. File 16.* (In Russ.)
16. TsDNIKK. F. 493. Op. 1. D. 52 = *The Center for Documentation of the Contemporary History. Of Krasnodar region. Fund 493. Item 1. File 52.* (In Russ.)
17. TsDNIKK. F. 1415. Op. 1. D. 14. L. 31 = *The Center for Documentation of the Contemporary History. Of Krasnodar region. Fund 1415. Item 1. File 14. List 31.* (In Russ.)
18. TsDNIKK. F. 493. Op. 1. D. 99 = *The Center for Documentation of the Contemporary History. Of Krasnodar region. Fund 493. Item 1. File 99.* (In Russ.)
19. TsDNIKK. F. 493. Op. 1. D. 9. L. 37 = *The Center for Documentation of the Contemporary History. Of Krasnodar region. Fund 493. Item 1. File 9. List 37.* (In Russ.)
20. TsDNIKK. F. 2662. Op. 1. D. 15. L. 39 = *The Center for Documentation of the Contemporary History. Of Krasnodar region. Fund 2662. Item 1. File 15. List 39.* (In Russ.)
21. TsDNIKK. F. 1415. Op. 1. D. 39 = *The Center for Documentation of the Contemporary History. Of Krasnodar region. Fund 1415. Item 1. File 39.* (In Russ.)
22. TsDNIRO. F. 73. Op. 1. D. 11 = *The Center for Documentation of the Contemporary History of Rostov region. Fund 73. Item 1. File 11.* (In Russ.)
23. TsDNIRO. F. 73. Op. 1. D. 7a = *The Center for Documentation of the Contemporary History of Rostov region. Fund 73. Item 1. File 7a.* (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Антон Викторович Аверьянов

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры отечественной истории
XX–XXI веков, Институт истории
и международных отношений, Южный
федеральный университет (Россия,
г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая,
33/43)

Anton V. Averyanov

Candidate of historical sciences, associate
professor, associate professor of the
sub-department of national history of the
20th – 21st centuries, Institute of history and
international relations, Southern Federal
University (33/43 Bolshaya Sadovaya street,
Rostov on Don, Russia)

E-mail: aver18071981@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 18.02.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.03.2021

Принята к публикации / Accepted 30.03.2021

УДК 338.246.2

doi:10.21685/2072-3024-2021-2-7

«Красное бедствие»: об экономических источниках господства КПК в советских районах Китая

И. Е. Пожилов

Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Москва, Россия

pozhilov1@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В статье на основе большей частью неизвестных отечественной историографии источников рассматривается социально-экономическое положение китайской деревни в период так называемой аграрной революции и политика коммунистов, связанная с укреплением устойчивости правящего режима КПК в красных анклавах на примере Центральной опорной базы в Южном Китае. Внимание автора сосредоточено на выявлении и характеристике экономических источников и происхождении финансовых потоков, способствовавших упрочению партийной диктатуры без существенной поддержки крестьянства и в условиях хозяйственного упадка, а также на анализе ряда причин краха советского проекта в стране. *Результаты.* В статье рассмотрены основные аспекты и способы «вспомоществования революции» (экспроприаций) сельских мироедов («да тухао») и нашествия за поживой китайской Красной армии на рыночные города (чоукуань); исследованы материальные возможности крестьянства и его реакция на отчуждение имущества. *Выводы.* Анализ показывает, что главной задачей экономической политики КПК являлось тотальное изъятие ценностей у сельского и городского населения, независимо от имущественного положения, в силу общего упадка деревни.

Ключевые слова: Китай, КПК, «аграрная революция», экспроприация деревенских мироедов, Красная армия, нашествия на города

Для цитирования: Пожилов И. Е. «Красное бедствие»: об экономических источниках господства КПК в советских районах Китая // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 66–78. doi:10.21685/2072-3024-2021-2-7

“Red disaster”: on the economic sources of the CCP’s domination in the Soviet regions of China

I.E. Pozhilov

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

pozhilov1@yandex.ru

Abstract. *Background.* Based on the sources mostly unknown to Russian historiography, the article examines the socio-economic situation of the Chinese village during the so-called the agrarian revolution and the policy of the Communists, associated with strengthening the stability of the ruling regime of the CCP in the “red enclaves” on the example of the Central base in South China. The author’s attention is focused on identifying and characterizing economic sources and the origin of financial flows that contributed to the consolidation of party dictatorship without significant support from the peasantry and in conditions of economic decline, as well as an analysis of some causes of the collapse of the

Soviet project in the country. *Results.* The article examines the main aspects and methods of “aiding the revolution” (expropriation) of rural rich men (“da tuhao”) and the invasion of market towns (“choukuan”) for hunt for prey of the Chinese Red Army; investigated the material capabilities of the peasantry and its reaction to the alienation of property. *Conclusions.* Analysis shows that the main task of the CCP’s economic policy was the total confiscation of values from the rural and urban population, regardless of their property status due to the general decline of the countryside.

Keywords: China, the CCP, “agrarian revolution”, expropriation of rural despots, the Red Army, invasions of towns

For citation: Pozhilov I.E. “Red disaster”: on the economic sources of the CCP’s domination in the Soviet regions of China. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2021;2: 66–78. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-2-7

Проблемы «аграрной революции» КПК, в том числе ее социально-экономические аспекты, имеют обширную как отечественную, так и зарубежную историографию. Хронологически, однако, основной массив исследовательских работ не относится к двум последним десятилетиям, отмеченным беспрецедентным количественным и качественным приумножением источниковой базы, в связи с чем не имеет оснований претендовать на сколь-нибудь достаточную фундированность оценок. В особенности данное обстоятельство характеризует российскую историческую синологию, для которой свойственно практически полное отсутствие научной литературы по теме, включая рассматриваемый в настоящей статье вопрос о происхождении немалых материальных ресурсов, обеспечивавших безраздельное властвование коммунистов в советских районах страны¹. Несопоставимо бóльшим вниманием к предмету отличается современная историография КНР, в последние годы выказывающая значительный прогресс в изучении и анализе «аграрной революции» в целом и частностях с опорой на ставшие доступными ценнейшие документы, прежде имевшие гриф «Для служебного пользования»². Вместе с тем китайским авторам, по определению приверженным марксистской догматике и методологии, явно недостает требуемой объективности и взвешенности суждений, что обуславливает необходимость дальнейшего, идеологически непредвзятого исследования темы в русле последовательного историзма.

Как бы то ни было, но первыми заинтересованными в достоверности сведений о политике КПК в советских районах лицами и одновременно обличителями «равной государственному отщепенству аграрной революции» китайских коммунистов стали представители правящей партии Гоминьдан. Один из ее вождей Ху Ханьминь в 1930 г. писал: «Люди невежественные полагают, что у компартии имеются какие-то там идейные принципы и экономические расчеты. Право же, смешно. Дорваться до власти, не устыдясь

¹ Последним из трудов отечественных авторов, посвященных «аграрной революции» и советскому строительству в Китае, является опубликованная в 1988 г. монография З. Е. Майстровой, воспроизводящая идеологизированные стереотипы восприятия исторической действительности, присущие ученым предшествующего периода [1].

² К наиболее авторитетным историкам КНР, разрабатывающим проблематику «аграрной революции» и ее хозяйственно-экономической составляющей в частности, следует прежде всего причислить Чжан Мина, Жэнь Вэя, Хуан Куня, Хуан Даосюаня и др.

обобрать крестьянство и повести на убой, а сколько сгинет неважно, – вот ее единственный принцип и единственный расчет» [2, с. 79]. Вступать в полемику с именитым политиком нет особого резона. Если обратиться к временным сводкам низовых инстанций КПК, то весомых аргументов *contra* отыскать в них будет очень трудно, зато доводов *pro* более чем достаточно. Ознакомимся, например, с майским (1931) отчетом парткома Цзянси о положении на местах: «Загублено народа прилично, так нет же все врагов выискивают. Даром ли массы пекутся, чтоб восстала прежняя жизнь, ни о чем другом не помышляя. <...> Хозяйственной политики никакой, поступают кто во что горазд. Делили-делили землю, а проку? Крестьяне не лыком шиты – видано ли, пустоши кругом¹. Доходов в казну на грош; повадились товарищи отнимать добро у *хаошэнь*², тем худо-бедно и кормятся» [5, с. 156–157].

Ленина в здешних краях, понятно, не читали, однако «вольный труд на вольной земле», что видно из документа (подобных ему сотни), обеспечили сполна и Ху Ханьминю нечаянно потрафили. Переусердствовали, правда, с сетованиями на скудную казну и сочувствием к влачащим жалкое существование «товарищам»³. Демагогия демагогией, но так сочинять небылицы не умели, пожалуй, и российские большевики. По саркастической ремарке М. Горького, одним из самых «горячо принятых к сердцу лозунгов» Октября стало «Грабь награбленное!» («самобытная революция», «грабят – изумительно») [6, с. 164]. Пролетарскому писателю и в мысли не могло прийти, что каких-нибудь десять лет спустя не в подражание наставникам-первопроходцам, едва ли не винившимся в потакании эксцессам, коммунисты Китая в своем «аграрном» перевороте сделают экспроприацию, причем всеобщую (богатеев критически не хватало), его заглавным звеном. Не случайно «да *тухао*» («потроши мироедов») в тогдашних воззваниях КПК неизменно манифестируется первым, «*фэнь тяньди*» («дели землю») – вторым (любопытно, что на эту деталь мало кто обращает внимание).

«Тупоголовым», как в запальчивости величали крестьян «попечители трудящихся»⁴, разумеется, было не по силам оценить тонкости большой политики, потому, не мудрствуя напрасно, они нарекли выпавшее им испытание бесхитростным *чихо*, или «красным бедствием» [7, с. 125]. «Да, уж эти

¹ В отличие от пореформенной России, где крестьянский (земельный) вопрос являлся ключевой проблемой общественного развития и причиной всех смут и революций, преимущественно собственническая китайская деревня Наньяна (провинции южнее Янцзы – территория максимально энергичного обустройства КПК в 1927–1934 гг.) с переделом земли, тем более принявшим перманентный характер, «прибавления в достатке» не сопрягала, апеллируя к традиционным представлениям относительно зыбкости благополучия на чужом богатстве («щетину кабана на овцу не пересадишь»). Как бы то ни было, аграрный кризис в Китае, являясь собой объективную данность, заключался не в «неравном землевладении», чего не понимали или старались не замечать коммунисты, а в общем угасании села, нуждавшегося во вложениях капитала, урегулировании арендных отношений, технико-экономических реформах, «зеленой революции» и пр. [3, с. 55]. О насаждении киткомпартией – наперекор всему – советских порядков в деревне см. [4, с. 280–314].

² *Хаошэнь* – стяжение от *тухао* и *лешэнь* («мироеды» и «злые *шэньши*»), собирательное прозвище угнетателей в деревне.

³ Товарищ (*тунчжи*) – член КПК.

⁴ В простонародной словесности, равно как и ординарной политической лексике эпохи, позитивно-оценочные прозвания КПК встречаются нечасто. Напротив, таковых с негативной коннотацией не перечесть: *гунфэй* («коммунисты-бандиты»), *хэйшидан* («черная партия убийц»), *цянцидудуй* («шайка грабителей») и т.п. [7, с. 56].

коммунисты... только и знают, что отдавать приказы массам, драть три шкуры, без разбору отправлять стариков и детишек в носильщики; в поле страда, а им дармоедам все нипочем, – докладывает центру о настроениях деревни уком КПК Синго. – Режутся в *мацзян*¹, вырядились в халаты из краденых шелков, веерами помахивают, нажрали морды... ни дать ни взять цинские чинуши» [8, с. 183].

В стерильный исторический официоз и написанные словно под копирку мемуары ветеранов партии, поющие хвалу дерзновению и аскезе ее героев, верить никто не заставляет. С другой стороны, если непостижимый дар жертвенности принять за производное их личного естества, а не наоборот (как принято считать), то почему бы и не разделить традицию. Только такими подвижниками самозабвения рождаются единицы, и китайские коммунисты исключения не составляли, будучи в массе своей – оставим мифологию в покое – мотивированы по крайней мере на заре советского движения прежде всего *баоминчжуи*, т.е. прозаически плотской «идеей самосохранения», а не чем-то еще. Выживали различными способами: раскаявшись, писали явку с повинной; отсиживались в горах, выжидая «подъема революционной волны»; партизанили, пытаясь достучаться до «двуликой крестьянской души»². Так или иначе, но к хлебу насущному имел охоту всякий.

Первыми аксиому «бунтовать на голодный желудок не годится» почувствовали наньчанские повстанцы, «дав залп по бастионам реакции», двигавшиеся на юг приниматься за «арьергардные бои». Их вожакам, «возомнившим, что деревня непременно сойдет с ума от восторга, услышав заветное “получайте землю”», уже через неделю, как и предсказывал отправленный в отставку «матерый оппортунист» Чэнь Дусю, придется признать иллюзорность упований на отклик («крестьяне не хотят выступать») [10, с. 469], а оголодавшим войскам – добавим от себя – заняться разбоем. Пока солдаты, бряцая оружием, добывали еду и серебро, руководящий синклит (две трети членов Политбюро), обсуждал вопрос о предпочтениях: «потрошить всех подряд» (разверстка) либо «да *тухао*». Спорили часами и склонились к классовому подходу, но скоро передумали, поскольку «народ своих упырей не выдавал, а то и не ведал, с чем их едят»³. Разобраться же, что называется, на

¹ Китайский покер.

² Масштабы и жестокость гоминьдановской «зачистки коммунистов» на реверсе Национальной революции в исторической литературе континентального Китая очень сильно преувеличены. Казни либо тюремному заключению подлежали лишь не способные к покаянию члены партии; остальных перевоспитывали после добровольной сдачи властям. Результат не замедлил сказаться: пожелавших порвать с партией оказалось столько, что к ноябрю 1927 г. численность КПК сократилась не больше не меньше, чем на три четверти. Даже те, кому досталось действовать в сравнительно безопасном захолустье, скрывались в труднодоступных районах, искусно маскируя трусоватость и колебания «сбережением сил» [9, с. 58–59].

³ Кровнородственная деревенская община в Китае (*цзунцзу*) не знала серьезных и тем более антагонистических противоречий (сводились на нет неразрывными семейными узами, равнодоступными общественными землями, взаимовыручкой, заповедями моральной экономики и пр.). Поле конфликтности истари располагалось здесь между «маргинальными» (бедными) и «клановыми» (богатыми) поселениями, что и позволяло коммунистам хоть в какой-то мере провоцировать классовую борьбу под лозунгом «Долой могущественные кланы!» До времени, т.е. покуда КПК не обзавелась стабильными опорными базами, как правило, не

глазок, «у кого достаток, у кого ни то ни се», плохо получалось: «за вычетом верхушки и *чипинь* (отчаянной голытьбы), пробавлялись дворы, куда ни глянь, примерно одинаково, никто сбережениями не хвастал»¹. Тогда на годы вперед и вынесли неписанный вердикт: «Были б деньги, какая уж тут политика» [11, с. 55–56].

Ясно, что в публичной риторике и директивах ЦК партийным низам, жаждавшим крови угнетателей («большевизм – это вам не ласы точить, а убивать») и достояния толстосумов («выбьем все до полушки, попрошайничать пойдете»), строго-настрого предписывалось «не покушаться на интересы трудового крестьянства», ограничивая спрос «исключительно с помещиков и *хаошэнь*» [12, с. 87]. Однако, несмотря на расхожие в исторической литературе декламации, ни в Шанхае, ни в региональных бюро КПК к начертанию критериев подлежащего отчуждению движимого имущества даже не приступали, и эта заведомая «оплошность» открывала широкий простор для произвола и бесчинств в отношении любого, кто имел хоть что-то, помимо крыши над головой [13, с. 43]. Ведь где-то и нередко так оно и бывало, по поводу чего крестьяне, обескураженные «ненасытной обдиравкой Советов», только охали да причитали: «Это что ж за власть такая, твою мать, либо бандитская?» [14, с. 158].

Впрочем, касательно сомнений «деревенщины, погрязшей в крохоборстве и стяжательстве», в партии долго не тревожились. После серии сокрушительных провалов так называемых восстаний осеннего урожая бремя перевода abortивной революции в цепко направляемый процесс выпало принять складывающейся на ту пору китайской Красной армии – *Хунцзюнь*², обыкновенно состоявшей из бывших солдат-наемников гоминьдановских войск, сельского люмпена и бродяг, как нельзя более отзывчивых на коммунистическую агитацию в силу полнейшей утраты трудовых навыков и элементарных признаков благонравия. Однако их, «лелеявших мечту о неотторжимой плошке риса задарма и денежкой в придачу», увлечь приглашением поработать на конфискованной помещичьей земле или популярным тогда лозунгом «мы не рабочий скот, а люди труда», было непросто. Зато, предварительно и непременно выдав приличествующее новому статусу жалованье, поднять на «праведное» мародерство и мщенье «классовым паразитам», напротив, очень легко [15, с. 81–82]. «Когда есть добыча, – сообщается в одном из донесений штаба 3-й армейской группы КитРККА, – бойцам нравится воевать и, по их словам, “без войны скучно жить”» [16, с. 204].

В сочетании с апологией возведенного в абсолют насилия «вдохновляющий грабеж», с чем никак не могли смириться взывавшие к революционной

участвовали во внутриобщинном противостоянии и здешние партиячки, состоявшие из членов одной семьи, которым, раз на то пошло, рекомендовалось «делать революцию подальше от дома» [4, с. 288–290].

¹ Доля *пиньгунун* (крестьян-бедняков и батраков), которым коммунистами отводилась ведущая роль в советизации деревни, в общей численности крестьян на территории будущих опорных баз КПК колебалась на отметках, близких к статистической погрешности. Так, в уезде Синго провинции Цзянси, т.е. самом «сердце» Центрального советского района, она составляла менее 1 %, а в фуцзяньском Юндине *пиньгунун* не было вовсе. В целом же по Центральному советскому району «горючая» субстанция совокупно укладывалась максимум в 3 % [3, с. 59].

² Официальное название вооруженных сил КПК – Рабоче-крестьянская Красная армия Китая (КитРККА).

сознательности «партийцы-белоручки», давал эффект поразительный и с индоктринацией идеями, позаимствованными из замусоленных марксистских брошюр, положительно несопоставимый. На базах КПК незаметно, но твердо и бесповоротно усвоили, что «без Красной армии ничего не решить»; пускай она «громит врага»; «ведет пропаганду»; «дает деньги, зерно, соль, товары», «работает в поле» и даже «покупает себе солдат». А далее, подзабыв о «затравленных массах, жаждущих действия», о «партии как рулевом» и прочая, — чем не эрозия незыблемых основ? — обращались к оглашению альфы и омеги радикально переустроенного, вернее поставленного с ног на голову, бытия: «Хунцзюнь — это наше все!» [16, с. 166].

Все не все, но осязаемо материальную твердь «триумфальному шествию советской власти» по периферии Поднебесной вооруженные силы КПК обеспечивали почти целиком и полностью. У китайских товарищей, намеревавшихся «разжечь пожар революции порывом крестьянства и ради крестьянства», этого по-ленински «лучшего человеческого материала против коммунистов» [17, с. 401] (весьма любопытная антитеза вздорному фантазму Мао о невероятных бунтарских потенциях сельского обывателя), собственно, не нашлось иного выхода, как озадачить военных в придачу к фронту еще и тылом. Штатским уполномоченным «финансово-продовольственных комитетов» и «зерновым командам» комсомольцев справиться со «скальдами, не желавшими подобру-поздорову содействовать строительству царства свободы», было явно не по плечу¹. Если деревня скрепя сердце и мирилась с пришествием созидателей «неведомо чего» («глядишь, и поумнеют»), то дальше уплаты «законной подати» ни на какие уступки не шла: «Это ж надо как исхитрились — де всем все поровну, по справедливости; ты, мол, не горюй и стаскивай последние портки в подарок голодранцам, сторицей обернется; так вот, не дам я советчине ни штанов, ни пучка соломы» [19, с. 78].

Оратору, столь героически собиравшемуся встать на защиту нажитого, видимо, еще не довелось познакомиться с красноармейской методой врачевания собственнического синдрома. А она, будучи для «раскачки» упреждена неслыханным террором с подобающим девизом «жги и убивай», показывала, если иметь в виду неподъемность задачи, весьма неплохие результаты. Имманентное каждому живущему уберечь себя, чад и домочадцев за очевидным преимуществом перевешивало еще вчера бескомпромиссное «не дам», и в выборе между «раскошелиться по-хорошему» или «по-плохому» несчастные, как правило, предпочитали первое². Хотя плановых заданий по изъятию

¹ Ничтожной восприимчивости крестьянства к заманчивым обещаниям КПК поспособствовала только что завершившаяся Великая революция, в которой оно приняло самое активное участие в надежде на послабления, причем весьма и весьма скромные, но оставшиеся не реализованными. «Гоминьдан тоже заманчиво трубил, а сейчас встал у кормила и про наши невзгоды забыл, брезгует нами, притесняет нас, — роптала деревня. — Чем лучше коммунисты? Заграбастают власть и все будет как было» [18, с. 156].

² Наведываясь в то или иное селение, части Красной армии расклеивали по приглянувшимся им домам «квитанции-платежки» с предложением хозяину честно оценить стоимость своего имущества самостоятельно и выплатить «контрибуцию» к определенному сроку. В таком случае ему сохраняли жизнь и гарантировали безопасность. Если *тухао*, «не желая делиться», утверждал, что заначек не имеет или пускался в бега, его дом и постройки после тщательного обыска сжигались, а всю семью и ближайших родственников брали в заложники. Условия варианта «по-хорошему», однако, очень часто нарушались, и с откупившимися расправлялись под предлогом «причастности к преступлениям против революции». Вот как

кулацких накоплений Красная армия не выполняла и выполнить не могла (верстались под кратно завышенные ожидания¹), обеспечить безбедное существование режима сталась вполне способна, ибо от рождения привыкла добывать деньги в «лоснящихся от жира» городских центрах, а не «убогой глухомани»². Именно города, к тому же исконно воспринимавшиеся крестьянством «рассадником зла и лиха», превратились в суть единственно безотказный источник поступлений в бюджет Советов, погашения непомерных военных расходов и, главное, крепости внушительной толщи партийной бюрократии, только по Центральной революционной базе насчитывавшей до 350–400 тыс. *ганьбу* и персонала на 2,2 млн населения [17, с. 287].

Вопреки очевидному «Дашь города!» китайские историки от партийного цеха настойчиво уверяют, что в отличие от деревни, где проводилась политика «убить курицу, чтобы взять яйцо», в отношении городских имущих слоев коммунистам была свойственна совершенно иная, «охранительная» позиция – «убережь несущую», или «Защитим мелкую буржуазию!» в ее лозунговом звучании³. Некие основания для подобных вымыслов есть⁴, однако красноармейская практика обложения коммерции «корректным» налогом продолжалась недолго, замесившись грабежом всех мало-мальски состоятельных горожан ввиду постоянных, как тогда говорилось, «финансовых затруднений», решение которых не терпело отлагательств («разорь курятник, нет сил дожидаться»). Апология современной историографией «особой» линии КПК по отношению к городу проистекает из желания приписать партийным лидерам то, чем они никогда не отличались, – заботу о жизненных интересах промышленного пролетариата, который больше других пострадал бы

рапортует об итогах одной из подобных акций *Хунцзюнь* западнофуцзяньский особком КПК в июне 1929 г.: «Сегодня в советских деревнях почти все подлежащие покаранию мироеды казнены, остальные сбежали; конфисковано все без остатка; нельзя утверждать, что паршивый элемент искоренен по району до основания, но большинство – это факт» [20, с. 162].

¹ Ложь о якобы «несметных богатствах деревенских тиранов», которую не уставала тиражировать коммунистическая пропаганда, как нельзя убедительнее опровергает в своем дневнике Чжан Наньшэн, ротный политрук из 12-го корпуса *Хунцзюнь*, десятки раз участвовавший в экспедициях за поживой на селе. Типичная запись: «14 января 1931 г. схватили трех *тухао* в Шанси, отобрали утварь и девять юаней из тайников; 15-го числа в Шанью задержали одного *тухао*, отловили в сарае шесть уток; 16-го числа забили свинью у *тухао*, мясо поделили на 200 душ для разогрева революционного пыла...» [13, с. 109].

² Сразу после захвата Наньчана мятежные войска под водительством КПК немедленно подвергли разграблению крупнейшие банки и коммерческие фирмы провинциального центра, продолжив практику «удить крупную рыбу» на всем маршруте движения в Гуандун [11, с. 33–34].

³ Даже летом 1930 г., на подъеме радикально левого курса, когда от «кровососов всех мастей» не осталось и следа, лозунг продолжал украшать стены домов в Цзянси и Фуцзяни, встречаясь гораздо чаще, чем, например, «Отберем помещичью землю!» либо «Руки прочь от Советской России!» [16, с. 259].

⁴ На старте «аграрной революции» схему заключения с деловым сообществом города корпоративных договоров на условиях выплаты 1,2 % совокупного дохода вместо конфискации использовал Чжу Дэ, в будущем главком КНРККА. К такой, более чем приемлемой, ставке *хунсэ факуань* (штрафного налога в пользу красных) добавлялись оптовые закупки армией провианта и промтоваров по «справедливой цене», что значительно перекрывало убытки купцов. Исполком Коминтерна признал начинание «правооппортунистической ошибкой» со всеми вытекающими последствиями [21, л. 4–5]. Кроме того, гоминьдановским властям не составляло проблемы разоблачать и сурово наказывать «торгащей-отступников» по законам военного времени, что в конечном итоге – наряду с исправными проявлениями нежелания коммунистов считаться с договоренностями – поставило точку в «цивилизованных» контактах КПК с буржуазией [6, с. 124–125].

от намеренно привнесенной революцией «снабжениеской разрухи». Попутно превозносится «завидная миссия» получившего землю крестьянина-бедняка, «на радостях обеспечивающего советы изобилием довольствия» и «с презрением взиравшего на всякие там столицы» [12, с. 282; 13, с. 58–59].

Вместо «изобилия» массам хлебородного края¹ впервые за века досталось изведать и выстрадать прежде казавшееся немыслимым присловье «Свыкайся с нищетой!», ставшее, вероятно, самым удручающим откровением времени. Между тем о *чоукуань* (вспомоществование [революции])², как не без иронии окрестили в войсках излюбленное занятие, слагались духоподъемные вирши и агитки, его ударников и передовиков славил в газетах, «про сколько деньжат взято судачили на улице»; редко кто из руководящих *ганьбу*, докладывая о скверном положении во вверенном хозяйстве и мрачных перспективах, уходил от притяжения этого полусакрального символа преуспеяния, без которого «мы решительно не протянем»³. И пусть простому крестьянину доставались лишь крохи от солидных трофеев, да и то далеко не всегда, они порой не давали ему банально умереть с голоду⁴. На поверку, действительно, оказывалось так, что без тучного и регулярного *чоукуань* как чудодейственной панацеи от кричащих социально-экономических проблем – не в пример «хозяйственным бдениям, от которых партийцы шарахались пуще всего на свете» [8, т. 3, с. 137], – дебют советской республики стал бы и ее финалом.

Для Красной армии «хождения за вспомоществованием» со временем обернулись не только «полезной во всех отношениях отрадой», но и приравненной к боевому разряду задачей, а также, что еще показательнее, наделенной политической значимостью функцией путем передачи ответственности за ее выполнение армейским парткомам и политкомиссарам как носителям верховенства в войсках⁵. Директивы главкома на наступательно-оборонительные операции КитРККА в обязательном порядке сопровождались соответствующими распоряжениями (зачастую развернутыми приказами) по *чоукуань* с назначением «сумм сборов» каждому корпусу и отдельным дивизиям (обычно от 10 до 30 тыс. юаней серебром⁶ в зависимости от численности личного состава и районов прочесывания), графика отчетности, начальствующих лиц и т.д. [24, с. 38–39]⁷. Наконец, насколько серьезное внимание

¹ В письме ЦК КПК от 2 февраля 1928 г. констатируется, что в провинции Цзянси «крестьян-собственников больше всего по Китаю», не считая того, что она лидирует и по сборам зерна на душу населения, опережая Хунань или Аньхуэй в три раза [22, с. 57].

² *Чоукуань* в современном китайском языке адекватно понятию «фандрайзинг».

³ О магическом значении *чоукуань* в сознании партийных и советских кадров см. [8, т. 3, с. 139–142].

⁴ Поначалу крестьяне более чем активно участвовали в опустошительных нашествиях Красной армии на города, однако из-за постоянных конфликтов с командованием (слишком зарывались в мародерстве, умудряясь «тащить буквально все, что плохо лежит») вскоре от «источника благоденствия» были устранены, что вызвало известную напряженность в их взаимоотношениях с войсками [23, с. 134–135, 160–163].

⁵ Ранее вопросы *чоукуань* находились в ведении тыловых служб [7, с. 59].

⁶ По тогдашним рыночным ценам за 1 юань можно было приобрести около пуда риса.

⁷ Нередко масштабные акции фандрайзинга КитРККА проводила даже в ущерб военно-политической целесообразности, оставляя без защиты советские районы. Так, к примеру, случилось в июне 1931 г. буквально накануне 3-го карательного похода Гоминьдана, когда ее основная группировка, даже не выставив заслонов, покинула Центральную базу и вторглась для

коммунистами уделялось этому вопросу, говорит тот факт, что в военных училищах и школах – «в связи с острой необходимостью» – стали преподавать (наряду с политграммой, тактикой, стрелковой подготовкой и пр.) обязательную специальную дисциплину «Что надо знать о *чоукуань*», а в учебном пособии с таким же названием были изложены все премудрости «искусства поиска, изыятия, сортировки и учета конфиската» [26, с. 128–129, 147–150].

Урожайные по части фандрейзинга годы прошли незаметно и не внесли никакой лепты в устойчивость экономического фундамента советской власти – огромных финансовых средств, захваченных у «доноров революции», хватало лишь на текущие нужды войны, пропаганду и упрочение «пролетарской диктатуры». И когда весной 1931 г. гоминьдановское командование приступило к строительству спаянных в единую цепь полевых узлов обороны по правобережью р. Ганьцзян и северному обводу вплоть до Цзяньнина (в завершённом виде ее протяженность достигла около 400 км по фронту)¹, Красной армии пришлось столкнуться с немалыми трудностями в нащупывании участков прорыва на оперативный простор и ощутимыми потерями в боях с врагом на подготовленных позициях [16, с. 16–17]. Впоследствии, по мере сжатия обруча блокады, исчезла и такая возможность², что привело к полному развалу отлаженного механизма пополнения казны и закономерному краху коммунистического эксперимента на китайской земле.

Несмотря на то что каждому в советских базах было хорошо известно, за счет чего существует правящий режим, его представители никогда не разглашали суммарных величин денежных потоков, образуемых поступлениями от различных видов *чоукуань*. Наверное, единственным, но крайне примечательным указанием на его долю в резервах властей является заявление Мао Цзэдуна, сказавшего на II съезде советов в 1934 г.: «Как свидетельствует опыт, доходы по этой статье приходов занимают подчас главное место» [28, с. 21]. Если учесть, что на подобных форумах толкуют преимущественно о достижениях, то «подчас» в сентенции председателя ЦИК республики смысловой нагрузки не несет и воспринимается не больше, чем вводной фигурой речи.

Какова же была ситуация в реальном секторе экономики (в основном в сельском хозяйстве, поскольку промышленности, включая кустарную, в Южной Цзянси практически не было) и особенно ее социальных измерениях, если доходы от *чоукуань* главенствовали среди всех остальных?

грабежа в Западную Фуцзянь. С началом похода частям КПК пришлось в условиях страшной жары и разразившейся дизентерии совершить изматывающий 500-километровый обратный марш под непрерывными налетами авиации противника. В «Тезисах для пропаганды» (от 13 июня 1932 г.), составленных политотделом Цзянсийского ВО КитРККА, отмечалось: «В период прошлогодней третьей войны в советском районе Цзянси не оказалось ни одного населенного пункта, куда бы не добралась белая армия» [25, с. 228].

¹ Как известно, продвижение Центральной армейской группы *Хунцзюнь* в западном, северо-западном и южном направлении стало невозможным еще с ноября 1930 г. после оставления Цзиани и выхода на границы района гуандунских дивизий. Аналогичной стратегии так называемой блокадной войны правительственные войска придерживались и в отношении других опорных баз КПК.

² В гораздо меньших масштабах и эпизодически промысел по «выбиванию денег у мироедов» продолжили специально подготовленные партизанские отряды, просачивавшиеся на территорию противника с целью захвата заложников, включая малолетних детей, за которых через сеть посредников вымогались деньги у родни. Выкуп, тем не менее, не означал освобождения, и, как правило, жертв киднеппинга убивали [27, с. 645–646].

Поначалу обеспокоенная натиском коммунистов на капиталы помещиков и *хаошэнь*, а затем всерьез перепуганная конфискациями «излишков» у крепких хозяев-середняков, деревня «замерла в нескрываемой тревоге» и отныне озаботилась в сущности лишь тем, «дабы часом не загреметь в “кулацкий элемент”»¹. Так как земельные наделы – в целях «искоренения возможности размножения эксплуататора и выравнивания зажиточности» («водятся деньги, значит буржуй») – кроились властями по многу раз, «крестьяне не верили, что земля на самом деле принадлежит им и потому обрабатывали ее спустя рукава либо из рук вон плохо, ведь все равно что-нибудь да урежут» [18, с. 155–156]. Не придавали трудового энтузиазма и установленные советами твердые закупочные цены на зерно и другую сельхозпродукцию (в два раза ниже сложившихся по белым районам); усугубляло положение также обесценивание *суби* (денежной единицы Советской республики), принимали которую по номиналу только в казенных магазинах с пустующими полками, на рынках же курс привязывался к *гоби* как основной национальной валюте, стоившей пятикратно дороже «большевистских бумажек». Если учесть то обстоятельство, что трудовое крестьянство советских окраин помимо регулярных раскулачиваний, подвергалось нескончаемым реквизициям, выплатам за облигации оборонных займов, «добровольным отчислениям в пользу фронта» и т.д., то совокупное бремя «революционных поборов» очень скоро превысило налоговую ставку на подконтрольных Гоминьдану территориях в три раза [29, с. 286]. Последней каплей, переполнившей чашу терпения донельзя обветшавшей деревни, стало инициированное сверху в 1933 г. массовое движение «проверки распределения земли» (*чатьянь юньдун*), грозившее полной уравниловкой в нищете². На ультралевоый уклон КПК крестьянство солидарно ответило полной натурализацией хозяйства, сокращением посевных площадей, забоем скота и птицы, что вкупе с уже непрогниваемой блокадой советских районов привело к голоду и товарному дефициту всего и вся³.

Запустив проект «аграрной революции», китайские коммунисты разрушили старый экономический порядок, но нового так и не создали, подменив его инъекциями *чоукуань*, некоторое время позволявшими политическому режиму и выживать и даже совершать победоносные «революционные

¹ Голытьба, на которую очень рассчитывали коммунисты, видя в ней «нового идейного середняка», еще в начале революционных событий повально подалась устраиваться на «хлебные места» в советские и партийные органы, отряды самообороны, армию и т.д., вскоре составив собою «новую правящую касту туенядцев» [8, с. 22–23].

² На улице Ленина в Юйду пару месяцев висел баннер, который власти по недомыслию не догадывались снять, пока не заглянуло высокое начальство, посчитавшее текст «издевательским». На нем кто-то из местных остряков написал: «Бедность – свобода! Богатство – обуза!» [30, с. 126].

³ Разрушению остатков хозяйства способствовал массовый призыв крестьянства в Красную армию. Так, с марта 1932 по сентябрь 1934 г. только по Центральному советскому району он составил 270 тыс. человек, что означало этапирование на фронт фактически всей молодежи мужского пола; из-за больших потерь в «пятой войне» не избежали мобилизации и все остальные призывные возрасты, после чего в иных селах и деревнях в поле выходили только старики, женщины и детвора [19, с. 78–79].

походы», а крестьянству, по сути обращенному в государственное рабство, безотчетно подавлять в себе желание создавать материальные блага своим трудом. Историки КНР по-разному именуют экономический уклад, сложившийся в советских районах страны. Это и «интегрированная военно-гражданская», и «мобилизационная», и «сверхмобилизационная» экономика, и даже «военный коммунизм» [31, с. 244]. Отдавая должное их терминологическим изысканиям, отметим, что для паразитарного по своей природе экономического устройства, каковое вызрело и оформилось в регионах господства КПК, не так важно, насколько та или иная дефиниция исчерпывает понятие. На наш взгляд, вполне тождественным ему определением стала бы «экономика *да тухао* и *чоукуань*», как и повелось называть сложившиеся реалии еще в то время.

Список литературы

1. Майстрова З. Е. Становление революционной власти в советских районах Китая. 1927–1937. Новосибирск, 1988. 157 с.
2. Ху Ханьминь сяньшэн сюаньцзи (Избранные произведения г-на Ху Ханьминя). Тайбэй, 1959. 312 с.
3. Чжан Мин. Хунцзюнь чанчжэн чжи ми (Тайны Великого похода Красной армии) // Эршии шицзи. 2007. № 2 (99). С. 54–64.
4. Пожилов И. Е. Компартия и Красная Армия Китая в советизации китайской деревни // Китай: политика, история, культура. М., 2018. С. 280–314.
5. Цзянси гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1931 нянь (Документы по истории революции в Цзянси. 1931 год). Наньчан, 1992. 304 с.
6. Горький М. Несвоевременные мысли (Заметки о революции и культуре). Париж, 1971. 186 с.
7. Ли Ичжи. Цзяогун суйцзюнь жицзи (Дневник участника карательного похода против коммунистов). Гуанчжоу, 1932. 131 с.
8. Синго вэньши цзыляо сюаньцзи. Нэйбу фасин (Избранные материалы по истории и культуре Синго. Для служебного пользования : в 3 т.). Наньчан, 1984. Т. 3. 155 с.
9. Жэнь Вэй. Гэмин баоли дэ юаньди юй тэчжи и «хунсэ кунбу» вэй чжунсинь дэ таньтао (Источники революционного насилия и особенности «красного террора» как его основы) // Тайвань шида лиши сюэбао. 2014. № 51. С. 55–63.
10. Тан Баолинь. Чэнь Дусю цюаньчжуань (Полная биография Чэнь Дусю). Сянган, 2011. 254 с.
11. Циньли Наньчан ции (Участники о Наньчанском восстании). Наньчан, 2007. 234 с.
12. Пинцзян ции: цзыляо сюаньцзи (Пинцзянское восстание: избранные материалы). Пекин, 1984. 623 с.
13. Данши яньцзю цзыляо (Исследовательские материалы по истории партии : в 8 т.). Чэнду, 1985. Т. 5. 483 с.
14. Э-Юй-Вань гэмин гэньцзюйди (Революционная опорная база Хубэй-Хэнань-Аньхой : в 15 т.). Чжэнчжоу, 1990. Т. 3. 246 с.
15. Чэнь Гунбо. Кусяо лу (Смех сквозь слезы: записки). Пекин, 1981. 435 с.
16. Чжунъян гэмин гэньцзюйди шиляо сюаньбянь (Избранные материалы по истории Центральной революционной опорной базы : в 3 т.). Наньчан, 1982. Т. 1. 165 с.
17. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 39. Июнь – декабрь 1919. 5-е изд. М., 1970. 623 с.
18. Хуан Даосюань. Чжунъян суцзюй дэ гэмин: чжанли юй сяньцзе (Революция в Центральном советском районе: напряжение и предел). Пекин, 2011. 485 с.
19. Цзянси гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1929 нянь (Документы по истории революции в Цзянси. 1929 год). Наньчан, 1992. 162 с.

20. Хунсыцзюнь жу Минь хэ Гутянь хуэйи вэньсянь цзыляо (Документы и материалы по 4-му корпусу КитРККА в Фуцзяни и гутяньской конференции). Фучжоу, 1979. 313 с.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 514. Оп. 1. Д. 487.
22. Диэрцы гонэй гэмин чжаньчжэн шици туди гэмин вэньсянь сюаньбянь (Избранные документы по аграрной революции в период Второй гражданской революционной войны). Пекин, 1987. 378 с.
23. Гуандун гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1928–1931 нянь (Документы по истории революции в Гуандуне. 1928–1931 гг.). Гуанчжоу, 1984. 202 с.
24. Чжу Дэ цзюньши вэньсюань (Избранные военные произведения Чжу Дэ : в 2 т.). Пекин, 1997. Т. 1. 435 с.
25. Цзянси гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1931 нянь (Документы по истории революции в Цзянси. 1931 год). Наньчан, 1992. 195 с.
26. Чжунго гуннун Хунцзюнь дисы фанмяньцзюнь чжаньши цзыляо сюаньбянь. Фуцзюань (Избранные материалы по боевой истории 4-го фронта Китайской рабоче-крестьянской Красной армии. Дополнительный том). Пекин, 1993. 307 с.
27. Сян-Гань гэмин гэнъцзюйди (Революционная опорная база Хунань-Цзянси). Пекин, 1991. 217 с.
28. Мао Цзэдун. Чжю сувэйай нэнго цзю Чжунго (Только советы способны спасти Китай). Мосыкэ, 1934. 32 с.
29. Чжунъян гэмин гэнъцзюйди цзиньжун шуйшоу шиляо сюаньбянь (1929–1934) (Избранные исторические материалы по финансам и налогообложению в Центральной революционной опорной базе (1929–1934)). Фучжоу, 1985. 281 с.
30. Цзянси данши цзыляо (Материалы по истории парторганизации Цзянси : в 10 т.). Наньчан, 1988. Т. 4. 181 с.
31. Чжан Кань, Сюй Чанчунь. Чжунъян суцзюй цайчжэн цзинцзи ши (Финансово-экономическая история Центрального советского района). Пекин, 2014. 344 с.

References

1. Maistrova Z.E. *Stanovlenie revolyutsionnoy vlasti v sovetskikh rayonakh Kitaya. 1927–1937 = The formation of revolutionary power in the Soviet regions of China. 1927–1937*. Novosibirsk, 1988:157. (In Russ.)
2. Khu Khan'min' syan'shen syuan'tszi. Taybey, 1959:312.
3. Chzhan Min. Khuntszyun' chanchzhen chzhi mi. *Ershii shitszi*. 2007;2(99):54–64.
4. Pozhilov I.E. The Communist Party and the Red Army of China in the Sovietization of the Chinese countryside. *Kitay: politika, istoriya, kul'tura = China: politics, history, culture*. Moscow, 2018:280–314. (In Russ.)
5. Tsyanshi gemin lishi ven'tsyan' khueytszi. 1931 nyan'. Nan'chan, 1992:304.
6. Gor'kiy M. *Nesvoevremennye mysli (Zametki o revolyutsii i kul'ture) = Untimely thoughts (Notes on revolution and culture)*. Parizh, 1971:186. (In Russ.)
7. Li Ichzhi. Tsyaoogun suytszyun' zhitszi. Guanchzhou, 1932:131.
8. Singo ven'shi tszylyao syuan'tszi. *Neybu fasin*. Nan'chan, 1984;3:155.
9. Zhen' Vey. Gemin baoli de yuan'tsi yuy techzhi i «khunse kunbu» vey chzhunsin' de tan'tao. *Tayvan' shida lishi syuebao*. 2014;51:55–63.
10. Tan Baolin'. *Chen' Dusyu tsyuan'chzhuan'*. Syangan, 2011:254.
11. Tsin'li Nan'chan tsii. Nan'chan, 2007:234.
12. Pintszyan tsii: tszylyao syuan'tszi. Pekin, 1984:623.
13. Danshi yan'tszyu tszylyao. Chendu, 1985;5:483.
14. E-Yuy-Van' gemin gen'tszyuydi. Chzhenchzhou, 1990;3:246.
15. Chen' Gunbo. *Kusyao lu*. Pekin, 1981:435.
16. Chzhun'yan gemin gen'tszyuydi shilyao syuan'byan'. Nan'chan, 1982;1:165.

17. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t. T. 39. Iyun' – dekabr' 1919. 5-e izd. = Complete collection: in 55 volumes. Volume 39. June – December 1919. The 5th edition.* Moscow, 1970:623. (In Russ.)
18. Khuan Daosyuan'. *Chzhun"yan sutsyuy de gemin: chzhanli yuy syan'tsze.* Pekin, 2011:485.
19. *Tszyansi gemin lishi ven'tszyan' khueytszi. 1929 nyan'.* Nan'chan, 1992:162.
20. *Khunsytszyun' zhu Min' khe Gutyan' khueyi ven'syan' tszylyao.* Fuchzhou, 1979:313.
21. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 514. Op. 1. D. 487 = The Russian State Archive of Social and Political History. Fund 514. Item 1. File 487.* (In Russ.)
22. *Diertsy goney gemin chzhan'chzhen shitsi tudi gemin ven'syan' syuan'byan'.* Pekin, 1987:378.
23. *Guandun gemin lishi ven'tszyan' khueytszi. 1928–1931 nyan'.* Guanchzhou, 1984:202.
24. *Chzhu De tszyun'shi ven'syuan'.* Pekin, 1997;1:435.
25. *Tszyansi gemin lishi ven'tszyan' khueytszi. 1931 nyan'.* Nan'chan, 1992:195.
26. *Chzhungo gunnun Khuntszyun' disy fanmyan'tszyun' chzhan'shi tszylyao syuan'byan'.* Futszyuan'. Pekin, 1993:307.
27. *Syan-Gan' gemin gen'tszyuydi.* Pekin, 1991:217.
28. Mao Tszedun. *Chzhiyu suveyay nengo tszyu Chzhungo.* Mosyke, 1934:32.
29. *Chzhun"yan gemin gen'tszyuydi tszin'zhun shuyshou shilyao syuan'byan' (1929–1934).* Fuchzhou, 1985:281.
30. *Tszyansi danshi tszylyao.* Nan'chan, 1988;4:181.
31. Chzhan Kan', Syuy Chanchun'. *Chzhun"yan sutsyuy tsaychzhen tszintszi shi.* Pekin, 2014:344.

Информация об авторах / Information about the authors

Игорь Евгеньевич Пожилов

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр новейшей истории Китая, Институт Дальнего Востока Российской академии наук (Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: pozhilov1@yandex.ru

Igor E. Pozhilov

Candidate of historical sciences, leading researcher, Center of modern history of China, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky avenue, Moscow, Russia)

Поступила в редакцию / Received 16.11.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 11.01.2021

Принята к публикации / Accepted 29.01.2021

УДК 94(47).084.8

doi:10.21685/2072-3024-2021-2-8

Причины ареста министра госбезопасности В. С. Абакумова**О. Б. Мозохин**

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

mozohin@bk.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследования определяется потребностью всестороннего объективного анализа смещения с поста министра Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР В. С. Абакумова. Публикация ставит своей целью отразить процесс деятельности Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по расследованию его дела. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов Архива Президента Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории. Методологический потенциал включает: философские принципы диалектики, а именно объективность, научность, всесторонность, единство исторического, логического и др. Их реализация помогла провести изучение документальных источников, связанных с делом В. С. Абакумова. *Результаты.* На основании впервые введенных в научный оборот документов Архива Президента Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории публикуются сведения о расследовании Комиссией Политбюро ЦК ВКП(б) дела В. С. Абакумова. Рассказывается о работе Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, о деятельности которой почти ничего не известно. *Выводы.* После назначения на должность руководителя МГБ СССР В. С. Абакумов в своей работе ориентировался в основном на Л. П. Берия, он нередко обращался к нему за советами. Фактически Берия являлся негласным куратором МГБ СССР. Заявление старшего следователя Следственной части по особо важным делам МГБ М. Д. Рюмина, который просигнализировал о неблагополучном положении в министерстве с ведением следствия по ряду важных дел, способствовало смещению Абакумова с поста министра. Однако основной причиной было не его заявление, а то, что Абакумов становился слишком самостоятельным, он единолично принимал решения по ведению следствия, не ставя об этом в известность Сталина. Вождь привык сам принимать решения, в отношении кого и в каком направлении вести следствие, в то время как МГБ должен был быть промежуточным звеном. Воспользовавшись ситуацией, Сталин без сожаления убрал «зарвавшегося» министра.

Ключевые слова: Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б), МГБ СССР, В. С. Абакумов, М. Д. Рюмин, И. В. Сталин, следствие, нарушение законности

Для цитирования: Мозохин О. Б. Причины ареста министра госбезопасности В. С. Абакумова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 79–92. doi:10.21685/2072-3024-2021-2-8

The cause of arrest of the minister of state security V.S. Abakumov**O.B. Mozohin**

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

mozohin@bk.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the study is determined by the need for a comprehensive objective analysis of the removal from the post of Minister of State Security of the

USSR V.S. Abakumov. The publication aims to reflect the process of activity of the Commission of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) to investigate his case. *Materials and methods.* The implementation of research tasks was achieved using documents from the Archive of the President of the Russian Federation and the Russian State Archive of Social and Political History. Methodological potential includes: philosophical principles of dialectics, namely objectivity, scientific character, comprehensiveness, unity of historical, logical and others. Their implementation helped to study documentary sources related to the case of V.S. Abakumov. *Results.* On the basis of first introduced in the scientific use of documents of Archive of the President of the Russian Federation and Russian state archive of socio political history published information about the Commission's investigation of the Politburo of the CPSU(b) in the case of V.S. Abakumov. It tells about the work of the Investigative Unit for particularly important cases of the Minister of State Security of the USSR, about the activities of which almost nothing is known. *Conclusions.* After being appointed to the post of head of the Minister of State Security of the USSR, V.S. Abakumov in his work focused mainly on L.P. Beria, he often turned to him for advice. In fact, Beria was an unofficial curator of the Minister of State Security of the USSR. The statement of the senior investigator of the Investigative Unit for Particularly important cases of the Minister of State Security, M.D. Ryumin, who signaled the unfavorable situation in the ministry with the investigation of a number of important cases, contributed to the removal of Abakumov from the post of minister. However, the main reason was not his statement, but the fact that Abakumov was becoming too independent, he alone made decisions on the conduct of the investigation, without informing Stalin about it. The leader was used to making his own decisions about whom and in what direction to conduct the investigation, but not the Minister of the Minister of State Security, who was supposed to be an intermediate link. Taking advantage of the situation, Stalin without regret removed the "presumptuous" minister.

Keywords: Commission of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Ministry of State Security of the USSR, V.S. Abakumov, M.D. Ryumin, I.V. Stalin, investigation, violation of the law

For citation: Mozohin O.B. The cause of arrest of the minister of state security V.S. Abakumov. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2021;2:79–92. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-2-8

15 марта 1946 г. Народный комиссариат государственной безопасности был преобразован в Министерство государственной безопасности, 4 мая на пост министра, по рекомендации Л. П. Берия, был назначен В. С. Абакумов.

Впоследствии, по словам помощника И. В. Сталина – А. Н. Поскребышева, вождь ругал себя за то, что согласился с предложенной Л. П. Берия кандидатурой. Предпринятые попытки Берия, работавшего в то время в Совмине, взять под свое наблюдение работу МГБ, успехом не увенчались [1, л. 215]. Несмотря на это, Абакумов, по словам очевидцев, четко ориентировался на Берия. Он нередко обращался к нему по телефону за советами и указаниями. Отношение Абакумова к Берии было особым, отличным от его отношения к другим руководителям партии и правительства. Из его неизменной практики посылки всех документов в адрес Берия явствовало, что тот является фактическим руководителем МГБ или по крайней мере лично Абакумова [2, л. 16].

2 июля 1951 г. И. В. Сталин получает заявление старшего следователя Следственной части по особо важным делам МГБ М. Д. Рюмина, который сигнализировал о неблагополучном положении в министерстве с ведением следствия по ряду важных дел на крупных государственных преступников.

В письме М. Д. Рюмин сообщил, что в ноябре 1950 г. вел следствие по делу арестованного доктора медицинских наук, профессора Я. Г. Этингера, который на допросах признался, что является убежденным еврейским националистом, вынашивающим ненависть к ВКП(б) и советскому правительству. Признался также в том, что, когда в 1945 г. ему было поручено лечить кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова, он делал все для того, чтобы сократить ему жизнь.

Рюмин эти показания доложил заместителю начальника следственной части Лихачеву, после чего их вместе с Этингером вызвал к себе Абакумов. Во время беседы с Этингером министр намекал ему на то, чтобы тот отказался от своих показаний об убийстве Щербакова. После того как Этингера увели из кабинета, Абакумов запретил Рюмину допрашивать арестованного в направлении его замыслов по террору, мотивируя тем, что это «заведет нас в дебри». Впоследствии Этингер отказался от всех своих признательных показаний.

Рюмин указал, что после вызова Абакумовым арестованного Этингера для него установили более суровый режим, он был переведен в Лефортовскую тюрьму в самую холодную и сырую камеру. Кончилось это тем, что в первых числах марта профессор умер и его террористическая деятельность осталась нерасследованной.

Рюмин посчитал своим долгом сообщить Сталину, что Абакумов, по его наблюдениям, имеет склонности обманывать правительственные органы путем замалчивания серьезных недочетов в работе МГБ.

Так, в его производстве находилось следственное дело по обвинению бывшего заместителя генерального директора акционерного общества «Висмут» в Германии Салиманова, который в мае 1950 г. сбежал к американцам, а затем через 3 месяца возвратился в советскую зону оккупации Германии, где и был арестован. На допросе Салиманов показал, что американская разведка располагала подробными сведениями о деятельности «Висмут», занимавшегося добычей урановой руды. Эти показания говорили о том, что МГБ плохо организовал контрразведывательную работу в Германии. Вместо того чтобы информировать об этом правительственные инстанции и устранить серьезные недостатки в работе органов МГБ в Германии, Абакумов запретил фиксировать показания Салиманова протоколами допросов.

Рюмин описал методы следствия в следственной части по особо важным делам, где систематически нарушалась социалистическая законность.

В заключение высказал свое мнение о том, что Абакумов не всегда честными путями укреплял свое положение в государственном аппарате и являлся опасным человеком для государства. Внутри министерства на наиболее ключевые места и в частности в следственной части по особо важным делам он поставил своих «надежных» людей, которые, получив карьеру из его рук, постепенно теряли партийность, превращаясь в подхалимов, угодливо выполняя все, что хочет Абакумов [1, с. 658–660].

Есть мнение, что это заявление М. Д. Рюмина является результатом аппаратных игр в высшем руководстве. Однако существует и более правдоподобная версия. Работа в следственной части по особо важным делам у Рюмина не задалась. Опасаясь, что за участие в фальсификации следственных дел придется нести ответственность, и узнав, что управление кадров МГБ

СССР потребовало у него объяснение по существу скрытых им при поступлении на работу компрометирующих его материалов¹, Рюмин решил обезопасить себя и с этой целью обратился со своим заявлением к Сталину. Позже он писал, что сам не ожидал такого резонанса.

Сталин быстро отреагировал на это обращение. 4 июля 1951 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) была организована Комиссия в составе Г. М. Маленкова (председатель), Л. П. Берия, М. Ф. Шкирятова и С. Д. Игнатьева, которой поручалось проверить факты, изложенные в заявлении Рюмина, срок расследования определялся в 3–4 дня [3, л. 1].

В тот же день В. С. Абакумов на имя Г. М. Маленкова и Л. П. Берия направил письмо следующего содержания: «Прошу Вас о помощи – поговорите со мной. Очень прошу. В. Абакумов» [4, л. 6]. Ответа на письмо не последовало.

Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) начала работу незамедлительно.

5 июля 1951 г. начальник 2 главного управления МГБ СССР Ф. Г. Шубняков по просьбе Комиссии Политбюро подготовил докладную записку, где сообщил, что 18 ноября 1950 г. он получил указание от Абакумова арестовать и доставить в Министерство профессора Я. Г. Этингера. Позже получил указание доставить его на допрос к Абакумову. В начале допроса Абакумов заявил Этингеру, что он арестован за вражескую работу и от него требуется правдиво изложить все факты этой деятельности, а также выдать лиц, с ним связанных. Этингер, узнав, что он находится на допросе у министра, стал проявлять нервозность, пытаясь привести какие-либо аргументы, которые могли бы подтвердить его безупречную репутацию. Он утверждал, что арестован ошибочно, сослался на свою работу в Лечсанупре Кремля, отметив, что являлся консультантом во время болезни А. С. Щербакова. В ответ на это Абакумов заявил, что следует разобраться, как он лечил Щербакова и почему его не уберегли. Этингер, нервничая, хватаясь за сердце, стал доказывать, что процесс лечения шел правильно и, кроме того, не он один лечил Щербакова [4, л. 9–11].

В этот же день свою докладную записку в Комиссию Политбюро направил заместитель начальника отдела 2 Главного управления МГБ СССР Н. А. Тангиев, в которой сообщил, что в ноябре 1950 г. получил указание от Шубнякова арестовать Этингера. Спустя примерно полчаса после ареста Шубняков предложил доставить Этингера в кабинет Абакумова для допроса. В приемной министра их встретил Шубняков, и они вместе ввели Этингера к Абакумову. Допрос Этингера Абакумовым продолжался 40–45 минут, примерно в двенадцатом или в первом часу ночи. По словам Тангиева, Абакумов обвинил Этингера в том, что тот плохо лечил Щербакова. Этингер заявил, что лечащим врачом Щербакова был доктор Виноградов, а он приглашался только на консультации. Абакумов спросил, почему больному Щербакову разрешили выехать на машине в город и разъезжать, на что Этингер заявил, что «большие люди» мало слушают врачей [4, л. 15–20].

¹ При поступлении на работу в органы НКВД Рюмин скрыл, что происходил из семьи зажиточного крестьянина – до революции его отец содержал харчевню и торговал скотом, а в 1930 г. исключался из колхоза за связь с кулацкими элементами. Умолчал о том, что его тесть – бывший колчаковский офицер, что его брат Степан в 1938 г. осужден за грабеж к 4 годам лишения свободы, а его самого в 1937 г. исключали из членов ВЛКСМ, а также то, что в 1948 г. его сестра Анна была осуждена за спекуляцию.

На следующий день начальник Следственной части по особо важным делам МГБ СССР А. Г. Леонов доложил, что арест и допросы Этингера у Абакумова происходили в его отсутствие. После возвращения из отпуска его заместитель – М. Т. Лихачев – доложил ему о деле Этингера. В начале января 1951 г. Этингер был переведен в Лефортовскую тюрьму, где внезапно умер от разрыва сердца.

В результате просмотра следственного дела было обнаружено, что большинство важнейших показаний Этингера оказались по вине Рюмина не оформлены протоколами допроса, в результате чего не могли быть использованы ни в оперативной, ни в следственной работе. Было установлено, что Рюмин, приняв дело Этингера к своему производству, за целый месяц составил всего лишь пять коротких протоколов допроса, главным образом по биографии арестованного. Проступок Рюмина был предметом разбирательства в партийной организации следственной части, и ему за безответственное отношение к ведению следствия был объявлен выговор. При этом было учтено, что ранее Рюмин уже имел партийное взыскание за халатность, едва не приведшую к потере портфеля со следственным делом [4, л. 35–39].

7 июля 1951 г. А. Г. Леонов дополнил свои показания о затяжке сроков ведения следствия по делам арестованных. Абакумов затягивал согласование и принятие решений об окончании следствия. Передавая новых арестованных в следственную часть, он часто давал указания не составлять без его разрешения протоколы допроса и не предъявлять обвинения. Установившаяся в МГБ СССР практика составления обобщенных протоколов допроса арестованных, по мнению Леонова, была неправильна. В отношении показаний Этингера о лечении Щербакова допущена серьезная ошибка. Следовало бы о них доложить соответствующим инстанциям и с их разрешения произвести тщательную проверку [4, л. 69–73].

Заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР М. Т. Лихачев 6 июля 1951 г. показал, что после допроса Этингера у Абакумова он вызвал к себе Рюмина, рассказал ему об этом деле и поручил тому его расследование. Рюмин заверил, что приложит все силы, чтобы разоблачить вражескую деятельность Этингера.

Первое время Этингер ни в чем не признавался и вел себя вызывающе. Он не давал на вопросы прямых и ясных ответов, не подчинялся тюремному режиму, о чем докладывали начальник тюрьмы и тюремный врач. Это вынудило увеличить продолжительность допросов Этингера с 7–8 ч до 10–12 ч в сутки, что дало свои результаты. Профессор назвал несколько человек, с которыми он вел антисоветские беседы. По этим показаниям была составлена короткая справка и доложена Абакумову, однако она его не удовлетворила. Абакумов приказал продолжать его допрашивать. Эти указания были переданы Рюмину. После этого в течение 2–3 дней никаких новых показаний от Этингера получено не было.

Лихачев начал нажимать на Рюмина и в конце ноября – начале декабря 1950 г. сказал ему, что руководство Министерства имеет серьезные претензии по поводу медленного разворота дела Этингера. Рюмин попытался объяснить, что он активно допрашивает Этингера, но ожидаемых результатов пока не имеет, так как подследственный оказался на редкость тяжелым и хитрым арестованным.

В начале декабря 1950 г. Рюмин пришел к Лихачеву и рассказал, что Этингер начал давать показания о своей причастности к умерщвлению Щербакова. Лихачев вызвал к себе арестованного. Профессор рассказал в присутствии Рюмина, что, пересматривая свою жизнь, он пришел к выводу о том, что повинен в ускорении наступления смерти Щербакова, соглашаясь с неправильными методами его лечения. В отношении причин, побудивших его пойти на это преступление, ничего нельзя было понять. Тем не менее Лихачев доложил о них Абакумову.

В ту же ночь Абакумов вызвал к себе Этингера, а вместе с ним Рюмина и Лихачев. Во время допроса, длившегося около часа, Абакумов интересовался вражескими взглядами Этингера и его преступными связями, а затем перешел к вопросу о его причастности к умерщвлению Щербакова. На первые два вопроса подследственный ответил более-менее твердо, а что касается показаний о неправильных методах лечения Щербакова, то от них он отказался. Профессор заявил о том, что на него нажимали и чуть ли не требовали такие показания. На этом допрос был закончен, Абакумов потребовал от Этингера более полных и правдивых показаний.

После того как подследственного увели, Абакумов дал указание продолжать выяснять вопрос о его причастности к умерщвлению Щербакова. Он считал, что к этому вопросу надо отнестись осторожно и показания в этой части пока не записывать, дабы не зайти с ними «в дебри».

5 июля, находясь в Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), Рюмин напомнил Лихачеву о том, что Абакумов якобы заявил, что если верить показаниям Этингера, то ему придется пересажать в тюрьму весь Лечсанупр Кремля и охрану. Лихачев ничего подобного не слышал, считая, что в данном случае так же, как и по ряду других вопросов, Рюмин говорит неправду.

Так, Рюмин полагал, что Этингера специально перевели в Лефортовскую тюрьму для того, чтобы избавиться от него. Несостоятельность этого утверждения видна из того, что Абакумов допрашивал Этингера 10 декабря, а Этингер был отправлен в Лефортовскую тюрьму 5 января и не по указанию Абакумова, а по указанию Леонова.

Не прав Рюмин был и в том, что после допроса Этингера Абакумовым он чуть ли не ежедневно докладывал справки о результатах следствия. Он не мог этого делать потому, что было составлено две или три справки за все время следствия.

Леонов приказал Рюмину составить подробный протокол допроса Этингера, но тот его не составил. Лихачев звонил Рюмину, который в то время находился в Лефортовской тюрьме, и спрашивал, почему тот тянет с составлением протокола. Рюмин ответил, что Этингер жульничает и ему поэтому трудно писать протокол. Об этом же Рюмин сообщил на партийном бюро, когда разбирали его вопрос в связи со смертью Этингера.

В отношении дела Салиманова Лихачеву было известно следующее: Салиманов первое время допрашивался старшим следователем Седовым. Спустя дней 15 или 20 дело по его обвинению было передано Рюмину. Лихачев дал Рюмину указание писать с Салимановым протоколы допроса. В результате по делу подписано около 10 протоколов и 2 или 3 не подписаны. Таким образом, Рюмин передернул факты.

Рюмин был хорошим, опытным следователем, но в последнее время несколько зазнался и начал терять скромность. Он считал, что его давно пора выдвигать на руководящую работу. Одно время у руководства было мнение повысить его в должности, но этому помешало то, что в конце 1949 г. или в начале 1950 г. Рюмин по своей халатности в автобусе, на котором приехал из Лефортовской тюрьмы, оставил портфель со следственным делом. Рюмина наказали за это, после чего он стал лениться и халатнее относиться к допросам арестованных и к составлению оперативно-следственных документов.

В начале года на партийном собрании группы Рюмина критиковали за то, что он проявляет медлительность в работе, но тот и из партийной критики не сделал для себя соответствующих выводов, о чем свидетельствует факт затяжки составления им протокола допроса Этингера. В связи с этим Рюмин вновь обсуждался на партийном бюро и на партийном собрании сотрудников следственной части в марте 1951 г., где ему было объявлено партийное взыскание. На партийном собрании Рюмин признал допущенную им в следствии по делу Этингера халатность и даже назвал ее преступной, но спустя несколько дней в частной беседе пытался доказать, что не столько он, сколько другие повинны в этом. Лихачев пожурил Рюмина за такое поведение, он был убежден, что в конце концов тот поймет свою неправоту и будет работать лучше [4, л. 25–34].

7 июля 1951 г. заместитель министра госбезопасности СССР С. И. Огольцов доложил в Комиссию Политбюро ЦК ВКП(б), что, по данным агентуры и материалам техники секретного подслушивания, было известно, что Этингер среди своих близких связей высказывал клевету по адресу Сталина, всячески опорочивал мероприятия партии и Советского правительства и заявлял о необходимости активной борьбы против Советской власти.

После ареста Этингера его вызвал к себе для допроса Абакумов. После допроса профессор был передан в следственную часть следователю Рюмину. На следствии он признался в том, что являлся еврейским националистом и распространял измышления о руководителях партии и правительства. Помимо этих показаний, арестованный Этингер стал давать показания и о своих вражеских действиях при лечении Щербакова. Профессор был вторично допрошен Абакумовым, при допросе он отказался от своих показаний в части, касающейся лечения товарища Щербакова. Это заставило как Абакумова, так и Лихачева к показаниям Этингера отнестись с недоверием. По мнению Огольцова, какого-то злого умысла в этом со стороны Абакумова нет.

Вопросу подбора кадров следователей руководство МГБ уделяло особое внимание. Исходили из требований, чтобы следователи были грамотными, политически зрелыми, инициативными и стойкими большевиками-чекистами, хорошо знали чекистскую работу. Руководством МГБ СССР по фактам нарушения законности принимались необходимые меры.

Огольцов писал, что с Абакумовым он проработал пять лет, и считал, что он преданный человек делу партии и Сталину. Абакумов на посту министра приложил много труда по коренному улучшению деятельности органов советской разведки. Заслуженно пользовался большим авторитетом среди чекистов и партийной организации [4, л. 87–95].

Таким образом, почти все опрошенные старались дать объективную информацию об Абакумове. Кроме того, выяснились факты оговора министра Абакумова со стороны старшего следователя Рюмина.

7 июля 1951 г. В. С. Абакумов написал свое объяснение И. В. Сталину и членам Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б). Он сообщил, что вопрос о необходимости ареста Этингера первый раз был поставлен перед ЦК ВКП(б) 18 апреля 1950 г. Докладывалось, что он антисоветски настроен, неоднократно допускал вражеские выпады против Вождя, что было зафиксировано оперативной техникой. Однако санкции на арест получено тогда не было. 16 ноября 1950 г. он вторично направил записку с просьбой разрешить арестовать Этингера. А. Н. Поскребышев позвонил и передал, что эту записку смотрели и она направлена Н. А. Булганину, который на следующий день дал согласие на арест.

18 ноября Этингер был арестован, после чего Абакумов допрашивал его в присутствии Ф. Г. Шубнякова и Н. А. Тангиева. В процессе допроса профессор заявлял, что не виноват и арестован безосновательно.

Вести допрос Этингера было поручено Рюмину. Спустя несколько дней Лихачев доложил, что арестованный начинает рассказывать о своих антисоветских националистических настроениях. При этом Лихачев сказал, что Этингер недостаточно ясно, но говорит, что мог бы лучше лечить А. С. Щербакова, после чего Абакумов предложил Лихачеву вместе с Рюминым привести Этингера к нему на допрос. На допросе Этингер о преступном лечении Щербакова ничего нового не сказал. Из всего этого Абакумов пришел к выводу, что предположения о каких-либо злонамеренных действиях в отношении Щербакова не оправдались. Несмотря на это, дал указание Лихачеву продолжать допрашивать Этингера с тем, чтобы полностью выявить его преступную деятельность. В дальнейшем Этингер ничего существенного не показал, у него продолжались сердечные припадки, смерть его произошла сразу же после возвращения с очередного допроса от Рюмина.

По поводу заявления Рюмина о том, что якобы Абакумов намекнул Этингеру, чтобы тот отказался от показаний, такого не было, это неправда.

Абакумов был удивлен, почему Рюмин делает подобные заявления, он не мог понять одного: дело Этингера все время находилось на руках у Рюмина, никому не передавалось, и умер профессор, придя с допроса от Рюмина. Почему Рюмин сейчас написал о своих сомнениях, хотя со дня допроса Абакумовым Этингера до дня его смерти прошло несколько месяцев.

Касательно второго вопроса – дела Салиманова. Когда он бежал к американцам, то Абакумова и Огольцова вызывали в Политбюро ЦК и указали на то, что работники МГБ допустили ротозейство. Были приложили все силы к тому, чтобы выманить Салиманова и арестовать его. В результате Салиманов был схвачен и доставлен в Москву. Заявление Рюмина можно объяснить его незнанием обстоятельств дела, так как оно велось другими оперативными работниками. Что касается длительного составления протокола допроса Салиманова, о чем заявил Рюмин, то здесь неточность. В следственном деле имеется 8–10 его протоколов допроса.

В отношении нарушений в следственной работе. Как правило, протоколы допросов составлялись сразу. В следственной части по особо важным делам МГБ СССР, где допрашиваются наиболее важные преступники, допрос их связан с известными трудностями по проверке показаний и подбору материалов и документов, подтверждающих эти показания. В связи с этим следователи предварительно составляли небольшие протоколы или делали записи

какого-либо факта, а затем на основании нескольких протоколов и записей составляли более полный протокол.

Что касается информации, в отношении которой Рюмин утверждал, что скрываются от ЦК ВКП(б) важные дела, – это неправда. Рюмин не мог знать, какие документы направляются в адрес руководства. Порой посылается очень много информации.

При вторичном вызове в Комиссию Рюмин представил новое заявление. То, что им написано, по мнению Абакумова, является неправильным.

Во-первых, Рюмин обвинял работников Следственной части в том, что они избивают арестованных. Абакумов заявил, что чекисты бьют арестованных шпионов, диверсантов, террористов с тем, чтобы заставить их рассказать о своих преступных делах и связях. Но делается это с санкции министра МГБ и его первого заместителя, а в местных органах – с санкции начальника органа. Никакого массового побоища нет, тем более что на этот счет МГБ СССР имело разрешение ЦК ВКП(б).

Во-вторых, Рюмин заявил, что ему Лихачев будто бы поручал допрашивать арестованного Салиманова в отношении Кобулова. Абакумов заявил, что Кобулов никакого отношения к Салиманову не имел и никаких оснований к тому, чтобы допрашивать его о Кобулове не было.

В-третьих, Рюмин утверждал, что давались указания допрашивать арестованных о руководящих партийных работниках. Действительно, иногда это происходило, но по специальному указанию.

Рюмин заявлял о недостатках в следственной работе МГБ. Со своей стороны Абакумов считал, что недостатков в работе гораздо больше, чем об этом пишет Рюмин, и перечислил их. Эти недостатки Министерство старается устранять, издаются приказы, в которых указываются имеющиеся недочеты.

Абакумов заявил, что у него тоже есть недостатки. В связи с увеличением объема работы Министерства он не всегда охватывал всесторонне все участки. Сообщил, что не имеет достаточных знаний и опыта руководить таким большим аппаратом, каким стало МГБ, и это сказывалось на том, что некоторые вопросы текущей чекистской работы ему было трудно осилить, поэтому нередко проявлял чрезмерную осторожность.

«В то же время я с открытой душой должен сказать Вам, товарищ Сталин, что я отдаю все свои силы, чтобы послушно и четко проводить в жизнь те задачи, которые Вы ставите передо мной. Я дорожу тем большим доверием, которое Вы мне оказывали и оказываете за все время моей работы, как в период Отечественной войны – в органах Особых Отделов и “СМЕРШ”, так и теперь – в МГБ СССР.

Я понимаю, какое большое дело Вы, товарищ Сталин, мне доверили, и я горжусь этим, работаю честно и отдаю всего себя, как подобает большевику, чтобы оправдать Ваше доверие.

Заверяю Вас, товарищ Сталин, что, какое бы задание Вы мне ни дали, я всегда готов выполнить его в любых условиях. У меня не может быть другой жизни, как бороться за дело товарища Сталина» [5, с. 338–343].

В процессе проверки заявления Рюмина Комиссия допросила начальника следственной части по особо важным делам МГБ Леонова, его заместителей – Лихачева и Комарова, начальника второго Главного управления МГБ

Шубнякова, заместителя начальника отдела 2-го Главного управления Тангиева, помощника начальника следственной части Путинцева, заместителей министра государственной безопасности Огольцова и Питовранова, а также заслушала объяснения Абакумова.

На основании этих показаний 7 июля 1951 г. члены Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) в докладной записке Сталину сообщили о результатах проверки фактов, изложенных в заявлении старшего следователя Рюмина.

По делу Этингера. Проверка показала, что МГБ не имеет подписанных Этингером протоколов допросов. Абакумов скрыл от ЦК ВКП(б) его показания о неправильном лечении Щербакова. Этингер умер в тюрьме, и дело осталось невыясненным, непроверенным и нераскрытым.

По делу Салиманова. Несмотря на то что прошел почти год с момента его ареста, Абакумов не информировал ЦК о результатах следствия по этому делу. Сколько-нибудь вразумительных объяснений он дать не смог.

В МГБ грубо нарушался установленный правительством порядок ведения следствия. Есть следственные дела, которые велись два-три года, тогда как, согласно закону, их полагалось вести не более двух месяцев. Абакумов неправильно загружал следственную часть делами, которые лучше могли бы быть расследованы следственным аппаратом главных управлений. В следственном аппарате создавалась атмосфера угодничества, подхалимства, отсутствия критики. Такое положение являлось результатом того, что подбор работников Абакумов производил по принципу прежней совместной работы с ними в военной контрразведке.

В процессе работы Комиссии Огольцов и Питовранов заявили, что Абакумов принизил роль заместителей, недостаточно советуясь с ними. В центральном аппарате Министерства все чрезмерно зацентрализовано.

В интересах быстрее выправления неблагоприятного положения дел в руководстве МГБ Комиссия предложила: снять Абакумова с поста министра государственной безопасности и дело о его партийности передать на рассмотрение КПК при ЦК ВКП(б); укрепить руководство следственной части и снять с занимаемых постов Леонова и Лихачева с запрещением им в дальнейшем работать на чекистской работе; указать первому заместителю министра Огольцову и заместителю министра Питовранову на то, что они не проявили достаточной партийности и не доложили ЦК ВКП(б) о недостатках в работе МГБ СССР.

Таким образом, члены Комиссии пытались смягчить наказание Абакумову, ограничившись снятием его с должности и передачей его дела в КПК при ЦК ВКП(б). Особых оснований для возбуждения уголовного дела не было, так как многое из того, что написал Рюмин, не подтверждалось.

Однако Сталин своими пометами на документе полностью изменил их мнение. Вождь считал, что Абакумов совершил обман партии по указанным выше делам. По его мнению, среди врачей есть тайная организация, которая старается лечить высокопоставленных больных, чтобы сократить их жизнь. Абакумов считал, что это дело не заслуживает внимания, ведет в дебри и прекратил дальнейшее следствие. Этим, по мнению Сталина, он помешал ЦК выявить безусловно существовавшую законспирированную группу врачей, выполнявших задание иностранных агентов. Ведь Этингер признался, что имел террористические намерения в отношении Щербакова и принял все

меры к тому, чтобы сократить жизнь. ЦК считало это показание, данное им без всякого нажима, заслуживающим внимание.

Несмотря на неоспоримые факты Абакумов отрицал свою виновность и не дал признаний в том, что он понял свою преступную деятельность и готов исправиться. Это видимо тоже раздражало вождя.

Учитывая все это, Сталин предложил снять Абакумова с должности как человека опасного на таком важном посту и исключить его из партии, снять с должности Леонова и Лихачева. Назначить министром Госбезопасности Игнатьева, оставив его одновременно секретарем ЦК. Назначить Рюмина заместителем министра.

Далее Сталин обозначил структуру документа, который в окончательном виде должны были подготовить члены Комиссии Политбюро [4, л. 63–68].

После доклада Сталину всем стало понятно, что Абакумова ждет более серьезное наказание, чем то, которое первоначально планировалось членами Комиссии. После такой резолюции в последовавших докладных записках все больше стал проявляться обвинительный уклон в отношении Абакумова.

10 июля 1951 г. М. Д. Рюминым была подготовлена очередная докладная записка в Комиссию Политбюро ЦК ВКП(б), в которой тот сообщил, что в МГБ СССР существует практика, при которой протоколы допросов арестованных, направлявшиеся в ЦК ВКП(б) и Правительству, пересоставлялись одним и тем же лицом из секретариата Абакумова – вначале Броверманом, а в последнее время Белоусовым. В ряде случаев в протоколах допроса без изменения оставались только подписи лиц, допрашивавших арестованных. Отметим, что по указанию Абакумова нередко исключались из протоколов допроса наиболее важные показания арестованных. Рюмин не исключил, что они скрывались от ЦК ВКП(б) и Правительства. По его мнению, в МГБ СССР действует Особое совещание, «где рассматривается подавляющее большинство следственных дел, причем там, по выражению некоторых товарищей, можно “пропихнуть любое дело”. Так оно есть и в действительности» [4, л. 105–106].

11 июля 1951 г. с заявлением в Комиссию Политбюро ЦК ВКП(б) обратился помощник начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР А. В. Путинцев. Узнав, что Абакумов скрыл от ЦК ВКП(б) важные показания Этингера, он посчитал, что возможно Абакумов утаил от ЦК и другие важные показания по террору, которые дали участники антисоветской молодежной организации, «Союз борьбы за дело революции» (СДР). Он сообщил о ходе следствия по этому делу, которое было передано в следственную часть по особо важным делам МГБ СССР из УМГБ Московской области. Путинцев полагал, что Абакумов по непонятным причинам не проинформировал ЦК ВКП(б) о показаниях арестованных по террору [4, л. 138–143].

10 июля 1951 г. члены Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) представили Сталину очередной проект Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам МГБ [4, л. 107–112]. После доклада постановление вновь было подкорректировано. На следующий день, 11 июля 1951 г., оно предстало в окончательном виде. В нем подробно указывалось, по каким вопросам Абакумов обманывал партию.

Резолютивная часть гласила: снять В. С. Абакумова с работы министра государственной безопасности СССР, исключить из рядов ВКП(б) и передать

его дело в суд; снять с занимаемых постов начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР Леонова и его заместителя Лихачева и исключить их из партии; объявить выговор первому заместителю министра Огольцову и заместителю министра Питовранову за то, что они не проявили необходимой партийности и не сигнализировали ЦК ВКП(б) о неблагополучии в работе МГБ; обязать МГБ СССР возобновить следствие по делу о террористической деятельности Этингера и еврейской антисоветской молодежной организации. Назначить заведующего отделом партийных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) С. Д. Игнатьева представителем ЦК ВКП(б) в МГБ [6, л. 1–6].

13 июля 1951 г. ЦК ВКП(б) разослал это постановление Центральным комитетам компартий союзных республик, крайкомам, обкомам партии, Министерством государственной безопасности союзных и автономных республик, краевым и областным управлениям МГБ. ЦК ВКП(б) надеялось, что коммунисты, работающие в органах МГБ, не пожалеют сил для того, чтобы покончить с недостатками в работе, а партийные органы усилят свое внимание и помощь органам госбезопасности в их сложной и ответственной работе [7, л. 660–663].

16 августа 1951 г. Абакумов был ознакомлен с постановлением о привлечении его в качестве обвиняемого. В вину ему ставилось неправильное расследование дела Этингера, дела антисоветской еврейской молодежной организации «Союз борьбы за дело революции», дела Салиманова, а также нарушение социалистической законности и другие преступления, вскрытые во время следствия: хранение Абакумовым в платяном шкафу совершенно секретных документов, хищения социалистической собственности и денежных средств в крупных размерах.

Основной причиной «опалы» Абакумова естественно было не только заявление Рюмина, но и то, что тот становился слишком самостоятельным, единолично принимал решения по ведению следствия в органах государственной безопасности, не ставя в известность ЦК, т.е. Сталина, а вождь не привык к этому. Он всегда сам принимал решения, в отношении кого и как вести следствие, но никак не руководители органов государственной безопасности, которые должны были быть промежуточным звеном в этой цепочке. Воспользовавшись ситуацией, Сталин без сожаления убрал «зарвавшегося» министра.

Л. П. Берия в это время вынужден был дистанцироваться от Абакумова, терять расположение вождя из-за своего выдвиженца было нецелесообразно.

После смерти Сталина Г. М. Маленков 5 марта 1953 г. переехал в кабинет вождя в Кремле и стал Председателем СМ СССР. Пленум ЦК КПСС 14 марта 1953 г. формализовал решения, принятые на совместном заседании ЦК, Совмина и Президиума Верховного Совета, где Председателем Совета министров был рекомендован Маленков, первым секретарем ЦК – Н. С. Хрущев, министром объединенного министерства МВД и МГБ – Л. П. Берия, одновременно он же стал и заместителем председателя Совмина.

Никаких решений конкретно по Абакумову в это время не принималось, видимо было не до него.

Тем не менее в это время был арестован его обвинитель М. Д. Рюмин. Позже, 2–7 июля 1954 г., ВК ВС СССР рассмотрела его дело в судебном

заседании. Судебным следствием было установлено, что, действуя в карьеристских и авантюристических целях, он встал на путь фальсификации следственных материалов, на основании которых были созданы провокационные дела и произведены необоснованные аресты ряда советских граждан. Рюмин принуждал арестованных оговаривать себя и других лиц в совершении тяжчайших государственных преступлений. Последующим расследованием было установлено, что эти обвинения не имели под собой никакой почвы и привлеченные по этим делам лица полностью реабилитированы. Учитывая особую опасность вредительской деятельности Рюмина и тяжесть последствий совершенных им преступлений, он был приговорен к расстрелу [8, л. 121–122].

26 июня 1953 г. во время заседания Президиума ЦК КПСС по предварительному сговору был арестован «куратор» Абакумова – Берия. В июле Пленум ЦК КПСС постановил вывести Берию как врага партии и советского народа из состава Президиума и ЦК КПСС, исключить из партии и предать суду. 18–23 декабря 1953 г. Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР, рассмотрев дело Л. П. Берия, В. Н. Меркулова, В. Г. Деканозова, Б. З. Кобулова, С. А. Гоглидзе, П. Я. Мешика и Л. Е. Влодзимирского, приговорило всех к смертной казни.

После смерти Сталина, расстрела Рюмина и Берия Абакумов продолжал сидеть в тюрьме. Он пережил их, но ненадолго. За это время его дело претерпело серьезные изменения. То, что ему ставилось в заслугу, теперь стало предметом обвинения. Трижды переделывалось его обвинительное заключение. После осуждения Берия против Абакумова выдвинули обвинения в фальсификации «Ленинградского дела», дела Жемчужиной и др. Вдобавок бывший министр госбезопасности стал также и участником «банды Берии». Утверждалось, что он выполнял вражеские задания, которые были направлены против Коммунистической партии и Советского правительства.

14 декабря 1954 г. в Ленинграде в Доме офицеров начался судебный процесс над Абакумовым и его сообщниками. Все подсудимые, хотя и с оговорками, признали себя виновными за исключением Абакумова, который отрицал предъявленные ему обвинения, считая, что дело против него сфальсифицировано. Он заявлял, что обвинительные материалы против него сфабрикованы Рюминым. 19 декабря был объявлен приговор ВК ВС СССР. За совершенные преступления перед партией и советским народом суд приговорил Абакумова к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

Список литературы

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 171. Д. 463.
2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 467.
3. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 216.
4. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 537.
5. Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953 : сб. док. М., 2007. 937 с.
6. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10.
7. Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ (1917–1991) : справочник. М., 2003. 776 с.
8. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 225.

References

1. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 17. Op. 171. D. 463 = *The Russian State Archive of Social and Political History. Fund 17. Item 171. File 463.* (In Russ.)
2. RGASPI. F. 17. Op. 171. D. 467 = *The Russian State Archive of Social and Political History. Fund 17. Item 171. File 467.* (In Russ.)
3. Arkhiv Prezidenta Rossiyskoy Federatsii (AP RF). F. 3. Op. 58. D. 216 = *The Archive of the President of the Russian Federation. Fund 3. Item 58. File 216.* (In Russ.)
4. AP RF. F. 3. Op. 58. D. 537 = *The Archive of the President of the Russian Federation. Fund 3. Item 58. File 537.* (In Russ.)
5. Lubyanka. Stalin i MGB SSSR. Mart 1946 – mart 1953: sb. dok. = *Lubyanka. Stalin and the Minister of the State Security. March 1946 – March 1953: collected reports.* Moscow, 2007:937. (In Russ.)
6. AP RF. F. 3. Op. 58. D. 10 = *The Archive of the President of the Russian Federation. Fund 3. Item 58. File 10.* (In Russ.)
7. Lubyanka. Organy VChK–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB (1917–1991): spravochnik = *Lubyanka. Agencies of VChK–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB (1917–1991).* Moscow, 2003:776. (In Russ.)
8. AP RF. F. 3. Op. 58. D. 225 = *The Archive of the President of the Russian Federation. Fund 3. Item 58. File 225.* (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Олег Борисович Мозохин

доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник, Институт
российской истории Российской
академии наук (Россия, г. Москва,
ул. Д. Ульянова, 19)

E-mail: mozohin@bk.ru

Oleg B. Mozokhin

Doctor of historical sciences, leading
researcher, Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences
(19 D. Ulyanova street, Moscow, Russia)

Поступила в редакцию / Received 19.01.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 13.02.2021

Принята к публикации / Accepted 20.02.2021

УДК 94(47)

doi:10.21685/2072-3024-2021-2-9

Реконструкция образа США на базе контент-анализа материалов периодических изданий Советского Союза 1956–1964 гг.

И. Н. Лопаткин¹, Р. Р. Хисамутдинова²

^{1,2}Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

¹ivan-lopatkin1988@mail.ru, ²hisamutdinova@inbox.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Материалы печатных СМИ являются одним из ключевых исторических источников, необходимых для детального рассмотрения конкретного вопроса. В современных исследованиях при работе с содержанием публикаций периодической печати особую актуальность приобретает контент-анализ, поскольку он позволяет получить количественные характеристики рассматриваемых показателей. Целью нашего исследования является реконструкция образа США на базе контент-анализа материалов периодических изданий Советского Союза 1956–1964 гг. *Материалы и методы.* Посредством контент-анализа было обработано 5 периодических изданий за 9 лет: публикации газеты «Правда», журналов «Агитатор», «Крокодил», «Огонек», материалы областного журнала «Блокнот агитатора». Для обработки материалов использовалась фронтальная выборка. Кроме того, акцент делался на публикациях, хронологически совпадавших с ключевыми событиями американской истории и советско-американских отношений. Общее количество обработанных материалов газеты «Правда» составило 3280 номеров, названных выше журналов – 1230 выпусков (не все издания удалось рассмотреть в хронологически полном объеме). Суммарный объем обработанных материалов – 4510 номеров. Для анализа отбирались сюжеты, в которых прямо либо косвенно затрагивались какие-либо аспекты внутренней и внешней политики США: сообщения специальных корреспондентов, обращения, доклады и интервью политических лидеров, статьи деятелей культуры, ученых, экономистов, сообщения Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), карикатуры, интервью рядовых советских граждан. *Результаты.* Нам удалось выделить ряд сегментов – слагаемых образа США, определить частотность их освещения в прессе. Выявленные в ходе контент-анализа изменения частотности употребления определенных идеологем и лексических форм позволили проследить трансформацию образа США, который отечественная пропаганда пыталась навязать советским гражданам. Эти изменения обуславливались внутривнутриполитическими переменами в СССР и событиями на международной арене. *Выводы.* Благодаря контент-анализу нам удалось сконструировать предельно общий образ США, сформированный прессой периода оттепели. США представляли перед советскими читателями экономически развитой державой, но при этом (из-за недостатков капиталистической формации) обреченной на поражение в экономическом соревновании с СССР. Отмечалось, что никакой демократии, свободы, справедливости в стране нет. Подчеркивалась стремительная деградация и коммерциализация американской культуры. В вопросах внешней политики антиамериканская риторика была стабильно жесткой, что обуславливалось холодной войной, противостоянием НАТО и ОВД. Впервые в данный период советская пресса сосредоточилась на освещении проблем научно-технического прогресса (НТП) в США. Риторика в этом вопросе не была однородной, что обуславливалось новыми успехами СССР в ядерной физике и космонавтике.

Ключевые слова: контент-анализ, образ врага, советская пресса, советско-американские отношения, оттепель, холодная война

Для цитирования: Лопаткин И. Н., Хисамутдинова Р. Р. Реконструкция образа США на базе контент-анализа материалов периодических изданий Советского Союза 1956–1964 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 93–107. doi:10.21685/2072-3024-2021-2-9

Reconstruction of the image of the USA through a content-analysis of Soviet periodicals of 1956–1964

I.N. Lopatkin¹, R.R. Khisamutdinova²

^{1,2}Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

¹ivan-lopatkin1988@mail.ru, ²hisamutdinova@inbox.ru

Abstract. *Background.* The materials of the print media are one of the key historical sources that are necessary for a detailed consideration of a particular issue. In modern research, working with the contents of periodical publications, content analysis becomes particularly relevant, since it allows us to obtain quantitative characteristics of the indicators under consideration. The purpose of the research is to reconstruct the image of the United States based on content analysis of the USSR periodical publications of 1956–1964. *Materials and methods.* With the help of content analysis, 5 periodicals had been analyzed for 9 years: publications of the newspaper “Pravda”, magazines “Agitator”, “Krokodil”, “Ogonyok”, materials of the regional magazine “Agitator’s Notebook”. Front-end sampling was used to analyze the materials. In addition, the emphasis was made on publications that coincided chronologically with the key events in both the history of the USA and Soviet-American relations. The total number of analyzed materials of the newspaper “Pravda” was 3280 issues, the above-mentioned magazines included 1230 issues (not all publications were considered in chronological full). All in all, the total number of analyzed materials is 4510 issues. The main reason for selecting the issues for analysis was the fact that they gave coverage to any aspects of the US domestic and foreign policy. Namely, they included reports of special correspondents, addresses, reports and interviews of political leaders, articles of cultural figures, scientists, economists, TASS reports, caricature, interviews of ordinary Soviet citizens. *Results.* We were able to identify a number of segments, namely components of the image of the United States. Furthermore, we managed to determine the frequency of their coverage in the press. The changes in the frequency of use of certain ideologemes and lexical forms that were found during the content analysis allowed us to trace the transformation of the image of the United States, which domestic propaganda tried to impose on Soviet citizens. These changes were caused by internal political changes in the USSR and events in the international arena. *Conclusions.* Thanks to content analysis, we managed to construct some general image of the United States, formed by the press during the thaw period. The United States appeared to Soviet readers as an economically developed power, but at the same time (due to the disadvantages of the capitalist formation) doomed to defeat in the economic competition with the USSR. It was noted that there was no democracy, freedom, justice in the country. The rapid degradation and commercialization of American culture was emphasized. In the matters connected with the foreign policy, anti-American rhetoric was consistently tough, which was caused by the Cold War, the confrontation between NATO and the Department of Internal Affairs. For the first time in this period, the Soviet press focused on covering the problems of scientific and technological progress in the United States. The rhetoric on this issue was not uniform, which was due to the new successes of the USSR in nuclear physics and cosmonautics.

Keywords: content analysis, enemy image, Soviet press, Soviet-American relations, thaw period, cold war

For citation: Lopatkin I.N., Khisamutdinova R.R. Reconstruction of the image of the USA through a content-analysis of Soviet periodicals of 1956–1964. *Izvestiya vysshikh*

Освещение вопросов, связанных с США, занимало одно из центральных мест в советских СМИ. Данной тематике в 1956–1964 гг. в центральной газете «Правда» отводилось до 68,2 % сюжетов в одном выпуске. При этом в отечественной науке представленная тема изучена недостаточно полно. Только в настоящее время историки получили доступ к ранее засекреченным архивным источникам, в том числе к материалам Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС, редакций центральных газет и журналов. Это позволило детально изучить феномен «образа врага» [1–3]. Издаются работы, посвященные контент-анализу публикаций, освещавших отдельные аспекты советско-американских отношений, например Карибский кризис [4–5], визит Н. С. Хрущева в США [6–8]. Однако обобщающих работ, в которых проводился бы контент-анализ публикаций, посвященных США, за весь период оттепели пока нет. Это придает обозначенной теме еще большую актуальность.

Перед началом анализа нами было выделено несколько сегментов – составляемых образа США. К ним относятся следующие: внутрисполитическое, социально-экономическое развитие США, научно-технический прогресс, культура и образование в Соединенных Штатах, внешняя политика США и проблема разоружения. Следует отметить, что начиная с 1956 г. в прессе шло постоянное увеличение сюжетов, посвященных США. Например, если в 1956 г. в газете «Правда» их было 492, то уже в следующем количестве подобных публикаций возросло до 593. Пик роста пришелся на 1961 и 1962 г. (663 и 651 сюжет соответственно), сокращение наметилось в 1963 и 1964 г. (626 и 569 сюжетов соответственно). Такая же ситуация была в других анализируемых изданиях («Крокодил»: 82 сюжета в 1956 г., 93 – в 1957 г., 157 – в 1961 г., 151 – в 1962 г., 90 – в 1964 г.; «Огонек»: 76 сюжетов в 1956 г., 96 – в 1957 г., 151 – в 1961 г., 162 – в 1962 г., 107 – в 1964 г.; «Агитатор»: 36 сюжетов в 1956 г., 47 – в 1957 г., 66 – в 1961 г., 72 – в 1962 г., 57 – в 1964 г.; «Блокнот агитатора»: 25 сюжетов в 1956 г., 39 – в 1957 г., 43 – в 1961 г., 49 – в 1962 г., 35 – в 1964 г.). Подобное количественное распределение полностью коррелирует с внутрисполитическими изменениями в СССР и с событиями на международной арене. Так, рост числа сюжетов, посвященных США, в период оттепели объясняется широкими социально-экономическими и политическими преобразованиями в СССР. В 1957 г. Н. С. Хрущев на одном из своих выступлений заявил, что СССР необходимо «догнать и перегнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения». В связи с этим в подавляющее большинство публикаций на экономическую тематику помещалась данная лексическая форма. При осуществлении семилетнего плана США были выбраны советским руководством в качестве мощного раздражителя, способного стимулировать советских граждан к трудовому подвигу. Успехи в ядерной физике, успешный запуск Советским Союзом первого искусственного спутника Земли в 1957 г. дали советским журналистам огромный фактический материал для освещения советско-американского противостояния в научной сфере. Окончательное оформление социалистического лагеря сделало актуальными сюжеты, иллюстрирующие противостояние ОВД и НАТО. Выдвижение концепции мирного сосуществования, женевские переговоры 1955 г.,

отказ от политики сталинизма, сформулированный в докладе Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, требовали от советских пропагандистов и журналистов детально освещать улучшение советско-американских отношений и укрепление связей между этими государствами, демонстрировать ведущую роль СССР в данных процессах. Однако решение задач осложнялось активизацией антисоветской риторики в американских СМИ и противостоянием СССР и США в локальных конфликтах. Подобные противоречия требовали от советских журналистов особого мастерства и существенно повлияли на мифологизированный образ США. Увеличение числа публикаций по обозначенной тематике в 1961 и 1962 г. было связано с успехами СССР в освоении космоса, поскольку следовало продемонстрировать превосходство СССР над США в научной сфере. Кроме того, это обуславливалось обострением советско-американских отношений из-за Берлинского и Карибского кризисов. Некоторое сокращение числа публикаций, посвященных США, в 1964 г. можно объяснить нормализацией советско-американских отношений после успешного разрешения Карибского кризиса и подписания договора о запрете ядерных испытаний в трех средах в 1963 г. Кроме того, вследствие неудовлетворительного итога экономических преобразований, ставшего очевидным к 1964 г., сократилось число публикаций, содержащих риторику об экономическом соревновании с США.

Выделенные нами сегменты были представлены в периодике неравномерно, об этом свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

Количественное распределение публикаций газеты «Правда»,
посвященных США в 1956–1964 гг.

Год	Социальная сфера	Экономика	Внутренняя политика	Культура и образование	НТП	Внешняя политика
1956	28	78	69	15	11	291
1957	32	102	67	23	82	287
1958	34	108	65	18	88	295
1959	42	116	71	17	91	292
1960	40	114	73	22	89	288
1961	31	118	67	20	132	295
1962	29	110	62	21	108	321
1963	27	101	78	21	106	293
1964	30	92	61	14	91	281
Всего	293	939	613	171	798	2643

Согласно контент-анализу самыми популярными являлись вопросы внешней политики (48,3 % от общего количества сюжетов, посвященных США). Меньше всего были представлены сюжеты, посвященные культуре и образованию в США (3,1 %).

На втором месте по частоте упоминаний располагались сюжеты, содержащие информацию о социально-экономическом развитии США (22,6 %).

В данном сегменте мы выделили следующие лексические формы: «Догнать и перегнать США по производству мяса и молока на душу населения» (25,5 % от общего количества публикаций в обозначенном сегменте), «СССР обогнал США во многих отраслях экономики» (9 %), «Экономика США переживает глубокий кризис» (10,7 %), «В США стремительно ухудшается положение рабочего класса и растет забастовочное движение» (28,3 %), «В США нарушаются права негров и индейцев» (8,7 %), «В США стремительно растет преступность» (5,8 %), «Америка – страна поразительных социальных контрастов» (6,7 %), «Медицина недоступна для большинства американцев» (5,3 %). Контент-анализ показал, что все обозначенные выше лексические формы, за исключением первых двух, на протяжении всего рассматриваемого периода встречались примерно с одинаковой периодичностью. Подобная устойчивость, на наш взгляд, обуславливается идеологическими причинами. Дело в том, что советская идеология, базирующаяся на марксизме, отдавала приоритет экономике, поэтому нужно было за счет стандартной фразеологии постоянно демонстрировать успехи СССР и стремительное «загнивание» экономики США. Этим и объясняется схожесть (применительно к данному сегменту) антиамериканской риторики послевоенной прессы и периодики 1956–1964 гг. Однако благодаря контент-анализу были выявлены отличия: в период оттепели со страниц прессы практически полностью исчезли лексемы, демонстрирующие аналогичность экономик США и фашистской Германии, не было фраз о создании концлагерей по всей территории США для размещения там американских рабочих. Частотность употребления лексических форм «Догнать и перегнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения» и «СССР обогнал США во многих отраслях экономики» зависела от внутрисполитической ситуации в Советском Союзе. Максимум их употребления в прессе пришелся на 1961 и 1962 г., поскольку именно в этот период состоялся XXII партийный съезд, на котором Хрущев заявил, что в СССР через 20 лет будет построен коммунизм, и была принята новая программа КПСС. В этих обстоятельствах было необходимо наглядно продемонстрировать превосходство СССР над США. Минимум употребления пришелся на 1963 и 1964 г., что, на наш взгляд, обуславливалось неудачным итогом экономических преобразований Хрущева (рис. 1).

Еще более статично, чем экономический сегмент, на страницах советской прессы освещались проблемы культуры и образования США. В ходе контент-анализа мы выделили лексические формы, содержащие крайне жесткую антиамериканскую риторику: «Деграция, духовная нищета, безыдейность американской культуры» (24,1 % от общего количества публикаций в обозначенном сегменте), «Американское искусство на службе у монополистов» (18,7 %), «Искусство в США преследует исключительно коммерческую выгоду» (13,9 %), «Милитаризация культуры и образования в США» (18,7 %), «Прогрессивные деятели американского искусства терпят крайнюю нужду» (5,3 %). При этом, в отличие от послевоенного периода, появились лексемы, говорящие об интересе американцев к советской культуре и образованию: «Американцы восхищаются советским искусством» (2,7 %), «США пытаются перенять советскую систему образования» (5,9 %). Большое количество лексических форм в данном сегменте, имеющих негативную коннотацию

и схожесть с послевоенной риторикой, объясняется идеологическим противостоянием СССР и США, подогретым заявлением Хрущева о невозможности мирного сосуществования в идеологии и культуре¹. Существенное количество заявлений об интересе США к советскому образованию и культуре, отсутствующих в послевоенной прессе, объясняется некоторой либерализацией, охватившей в период оттепели все сферы общества. Это в свою очередь привело к установлению советско-американских контактов в культурной сфере (VI всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве 1957 г., гастроли Большого театра в США в 1959 г.).

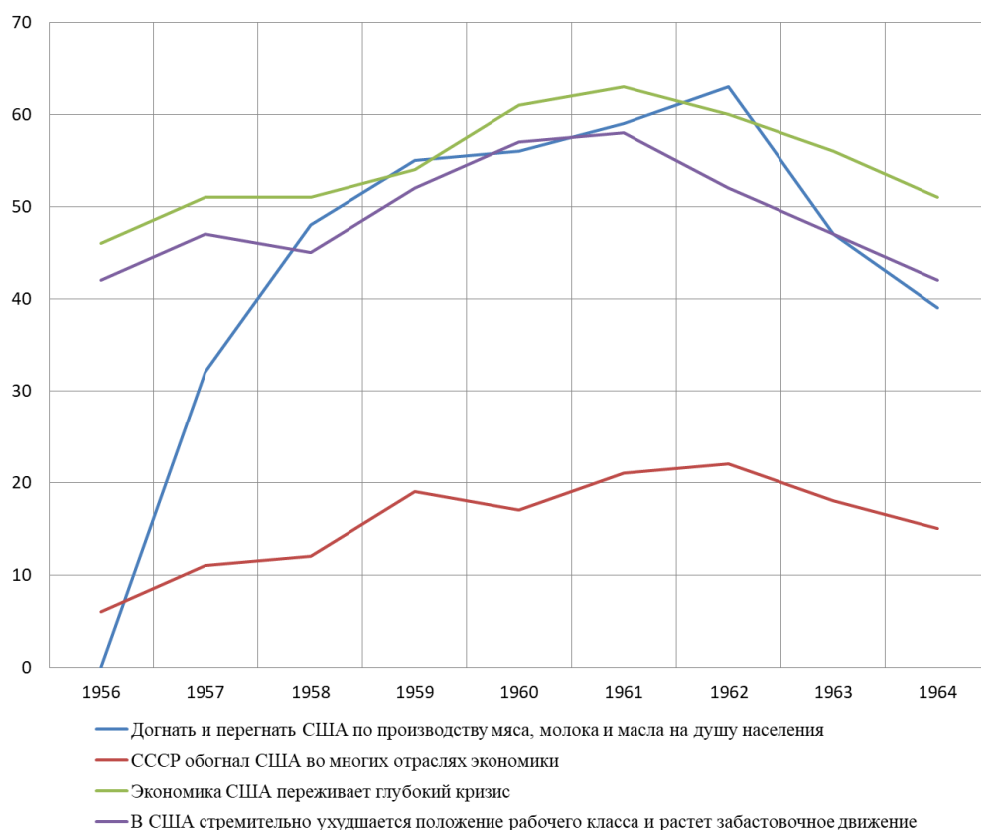

Рис. 1. Динамика распределения лексических форм в сюжетах газеты «Правда», посвященных экономическому развитию США в 1956–1964 гг.

В сегменте, характеризующем внутрисполитическое развитие США, нами также выделен ряд лексических форм (табл. 2).

В ходе контент-анализа выявлено, что публикации на данную тематику практически всегда содержали следующие выражения: «кое-кто», «горстка», «лишь немногие» [9–11]. Приведенные лексемы использовались для того, чтобы подчеркнуть незначительность врагов СССР в США, поскольку это требовалось для демонстрации улучшения советско-американских отношений и для того, чтобы подчеркнуть рост авторитета СССР, вынуждающего многих бывших антисоветчиков отказаться от своих взглядов.

¹ Об очередных задачах идеологической работы партии : постановление Пленума ЦК КПСС от 21 июля 1963 г. / Постановления Пленума ЦК КПСС. Июль 1963 г. М., 1963. С. 4.

Таблица 2

Количественное распределение лексических форм в сюжетах газеты «Правда», посвященных внутриполитическому развитию США в 1956–1964 гг.

Год	Авторитет вратов СССР в США («атомных маньяков» и «бешеных») падает	Политическая система США находится в глубоком кризисе	Растет число жертв беззакония в США	Ку-клукс-клан – опора партии бешеных	Американское правительство встревожено ростом популяриности коммунизма	В США происходят гонения на коммунистическую партию	«Живость американской демократии», «народного капитализма», «свободы», «равноправия», «справедливости»	Американская полиция и суды не защищают интересы граждан	Местное самоуправление и избирательная система – инструмент господства буржуазии	Между правящими партиями США отсутствует принципиальная разница
1956	11	14	6	6	5	9	7	5	4	2
1957	10	13	5	4	8	12	6	3	5	1
1958	10	11	5	5	7	10	8	2	7	0
1959	13	12	4	6	6	12	10	4	3	1
1960	11	14	6	4	8	11	9	4	6	0
1961	12	16	3	4	5	10	11	3	3	0
1962	12	15	3	5	7	9	8	1	2	0
1963	15	18	6	7	9	11	11	0	1	0
1964	12	13	4	7	10	8	7	0	0	0
Всего	106	126	42	48	65	92	77	22	31	4

Кроме того, контент-анализ помог выявить еще одно отличие в анти-американской риторике послевоенной периодики и прессы периода оттепели: со страниц газет и журналов практически полностью исчезли идеологемы, демонстрирующие тождественность правительств США и фашистской Германии («последователи нацистских преступников», «гестаповцы», «приспешники Гитлера»). Эти выражения в период оттепели применялись только к некоторым политическим деятелям, открыто поддерживающим ку-клукс-клан. В целом, если исходить из контент-анализа экспрессивно окрашенных идеологем в сюжетах прессы 1956–1964 гг., то можно сделать вывод, что образ американского врага персонифицировался в трех фигурах: американский военный – «поджигатель войны», «необразованный», «лишенный рассудка», «бешеный»; монополист – «провоцирующий гонку вооружений», «наживающийся на войне», «преследующий интересы крупного бизнеса»; кулуксклановец – «расист», «фашист», «мракобес», «головорез». Последний персонаж изображался прессой как самый маргинальный элемент, выполнявший «грязную работу», порученную ему первыми двумя фигурами (например, убийство Дж. Кеннеди). Такую же картину персонификации американского врага дает анализ визуальных источников. Так, на карикатурах, посвященных США, наиболее часто изображались военный с натовской символикой и черепами, упитанный монополист во фраке и цилиндре с символикой доллара, расист в ку-клукс-клановском балахоне. Показательно, что карикатуры на тему убийства Дж. Кеннеди всегда сопровождались символами ку-клукс-клана. Например, на одной из иллюстраций в «Крокодиле» изображалась винтовка, из которой был застрелен американский президент, а патроны к ней были в виде белых балахонов [12].

Также в ходе контент-анализа нами было выявлено, что такие идеологемы, как «справедливость», «законность», «свобода», «равенство», «демократия», в советской прессе всегда брались в кавычки [13, с. 27; 14, с. 22; 15, с. 29]. Данный прием позволял продемонстрировать надуманность этих понятий применительно к США. Однако, несмотря на такую жесткую анти-американскую риторику, контент-анализ показал, что начиная с сентября 1959 г. и по апрель 1960 г. включительно в сюжетах советской прессы, посвященных США, резко сократилось количество лексем, имеющих негативную коннотацию (на 47,2 %). При этом увеличилось число лексем, свидетельствующих о сближении СССР и США: «дружба», «сотрудничество», «в мире наступило потепление», «год добрых начинаний», «президент США Д. Эйзенхауэр тоже хочет мира». Квинтэссенцией всех этих новшеств стали первые три номера «Правды» от 1960 г., 52 % материалов которых прямо или косвенно затрагивали США [16–20].

Вообще, за счет использования определенных лексем пресса пыталась изобразить данный период как некий поворотный момент, новую точку отсчета. Для этого идеологема «холодная война» (если речь шла о советско-американских отношениях) использовалась в прошедшем времени, в 12,3 % публикаций за период с сентября 1959 г. по апрель 1960 г. сообщалось, что советские граждане и американцы теперь получили истинную информацию друг о друге. Например, в опубликованном письме американского фермера и общественного деятеля Р. Гарста Хрущеву говорилось, что «4 года назад

советские граждане имели много неправильных представлений о США и что американцы 4 года тому назад имели, по меньшей мере, равное число неправильных представлений о Советском Союзе» [21]. Чтобы сформировать у читателей убеждение об улучшении советско-американских отношений, о большинстве противоречий, существовавших между государствами, говорилось в прошедшем времени: «были недопонимания», «существовали противоречия», «многое удалось разрешить».

Также была опубликована статья американского писателя А. Кана, в которой рассказывалось о помощи, оказанной США Советскому Союзу в период первых пятилеток [19]. Однако это не означало, что на страницах прессы США превратились исключительно в союзников. Сохранялись лексические формы, которые обличали США за политику колониализма. А по поводу экономического соревнования с США в прессе говорилось о победе СССР как о свершившемся факте [20]. Но, тем не менее, риторика стала гораздо мягче. Какое же событие бралось советской прессой за отправную точку подобных изменений? Этим моментом был сентябрьский визит Н. С. Хрущева в США. Так, в статье народного артиста СССР С. Коненкова было написано следующее: «После поездки Н. С. Хрущева в Америку людям радостней стало жить, бороться, строить, воспитывать детей. Во всем мире родилась уверенность, что все международные споры и распри можно решить путем мирных переговоров» [17]. Именно после данного события произошло существенное смягчение антиамериканской риторики, сокращение числа лексических форм, содержащих критику в адрес американского президента. Однако улучшение советско-американских отношений пресса ставила в заслугу исключительно СССР, Н. С. Хрущеву и социалистическим странам. Вот, например, что по этому поводу было написано в «Правде»: «Благодаря усилиям Советского Союза и других социалистических стран, а также всех миролюбивых сил, улучшилась международная обстановка, что вселило в сердца народов надежду на упрочение мира во всем мире» [16]. Стоит сказать, что пресса явно преувеличила значение данного события, поскольку подобное положение дел продолжалось только до мая 1960 г., когда вспыхнул скандал с американским самолетом “U-2”. После этого события риторика стала самой жесткой за весь период оттепели, особенно часто встречались лексемы о шпионии в США и гонениях на коммунистическую партию. Для того чтобы подчеркнуть негативные последствия президентства Д. Эйзенхауэра для США, советской прессой использовались следующие лексические формы: «завешание банкрот», «американцы разочарованы», «в США царит уныние», «американцы не уверены в завтрашнем дне», «военный бюджет достиг небывалых размеров». Подобное положение дел продолжалось в 1961 и 1962 г., поскольку советско-американские отношения были предельно напряжены из-за Берлинского и Карибского кризисов.

В период с сентября по октябрь 1962 г. в «Правде» была размещена 121 публикация, затрагивающая кубинские события (кубинский вопрос поднимался в прессе еще до открытой фазы кризиса 16–28 октября). Контент-анализ показал, что в 93,4 % публикаций речь шла о том, что США ставят мир на грань ядерной войны. Для этого использовались лексемы «всеобщая мировая война», «термоядерная война» [22]. Абсолютно во всех публикациях вина в конфликте полностью перекладывалась на США. В этом позволяют

убедиться такие идеологемы, как «американский империализм», «американские агрессоры», «интервенция», «провокация», «большая дубинка» [23–25].

Факт подавляющего преобладания в публикациях выражений о том, что мир стоит на грани Третьей мировой войны, свидетельствует о стремлении советской прессы представить США врагом не только Советского Союза и Кубы, но и всего мира. Для подтверждения можно привести некоторые заголовки публикаций: «Сорвать преступные замыслы врагов мира» [26], «Отстоять и упрочить мир на Земле» [27], «Обеспечить мир и безопасность народов!» [28], «Воля народов едина – отстоять и упрочить мир на Земле!» [29, с. 2], «Заговор против народов» [30, с. 3], «Кто дал право? Народы требуют обуздать агрессоров!» [31, с. 4]. Это косвенно подтверждается еще и тем, что в ходе контент-анализа не было выявлено ни одной публикации, в которой бы говорилось о том, что США – враг СССР. Задача прессы, на наш взгляд, заключалась в том, чтобы продемонстрировать противостояние капиталистической и социалистической формаций, а не отдельных государств, и показать, что преимущество очевидно на стороне социализма. Для этого политика США противопоставлялась советской, в 86,4 % публикаций по данной тематике использовались следующие лексические формы: «Советский Союз защитит молодую социалистическую республику» [32], «СССР действует в интересах народов», «СССР сделает все, чтобы не допустить мировую катастрофу», «СССР на страже мира» [22]. А для усиления эффекта в 29,2 % публикаций использовались выражения, демонстрирующие разрыв между правительством США и простыми американцами: «американцы не верят в угрозу со стороны СССР», «американцы поддерживают миролюбивую политику СССР», «американцы встревожены военными планами Кеннеди», «пропаганда США обманывает людей» [33, 34]. Кроме того, в 19,8 % публикаций по данной проблеме содержались заявления о том, что СССР готов нанести сокрушительный удар США. Вот, например, что по этому поводу говорилось в журнале «Огонек»: «Советское правительство в своем Заявлении заверяет: если агрессоры развяжут войну, то Советский Союз нанесет самый мощный ответный удар» [29, с. 2]. Но при этом отмечалось, что СССР первоначально оказывал Кубе только финансовую помощь техникой, топливом, продовольствием, а лишь после предоставил военную технику для обороны [33]. Детальное рассмотрение данного конфликта требовалось для того, чтобы при помощи контент-анализа выстроить схему, которая использовалась советской прессой для характеристики международного положения США в период оттепели. Это возможно сделать, поскольку материалы о Карибском кризисе сконцентрировали в себе все характерные черты риторики, применяемой советской периодикой к США. Кроме того, благодаря контент-анализу удалось установить, что в вопросах внешней политики США советская пресса использовала крайне жесткую риторику, и концентрация лексических форм в данном сегменте, имеющих негативную коннотацию по отношению к США, практически не менялась за весь период оттепели. Вот как выглядит эта схема. Американские империалисты преследуют исключительно агрессивные цели, применяя оружие в первую очередь против тех стран, которые стали на путь социализма. В противовес этому действует СССР, который использует все средства исключительно для предотвращения ядерной

войны, и общественное мнение, в том числе американское, целиком на стороне Советского Союза. Коренные изменения в соотношении сил капитализма и социализма, выражающиеся в экономических успехах СССР, достижениях советской науки, международной поддержке, не позволяют США исполнить свои агрессивные планы. А в случае необходимости СССР «нанесет самый мощный ответный удар» [29, с. 2].

Также благодаря контент-анализу нам удалось детально изучить абсолютно новый для советской прессы вопрос, связанный с научно-техническим прогрессом в США. Полученные данные свидетельствуют о том, что этот вопрос по частоте освещения уступал только проблемам внешней политики и социально-экономического развития США. Это объясняется успехами СССР в области космонавтики и ядерной физики, что дало фактический материал советским журналистам для демонстрации преимуществ социалистического строя над американским капитализмом. Однако на протяжении всего периода оттепели проблемы НТП в США освещались неоднородно. Контент-анализ позволил нам выделить несколько периодов. С февраля 1956 г. по август 1957 г. в данном сегменте отсутствовали лексические формы о сотрудничестве и соревновании американских и советских ученых, не делались заявления о победе советской научной мысли над американской. При этом в 3,2 % публикаций говорилось о необходимости перенять некоторые достижения американской науки. Об успехах американских ядерных физиков говорилось только в журнале «Наука и жизнь» в 4,1 % публикаций. В «Правде» подобных материалов не было. Зато присутствовали лексические формы об агрессивных целях американской науки, например «НТП в США на службе у военных монополистов и “бешеных”» [35; 36; 37, с. 3; 38]. Концентрация подобных заявлений была примерно одинаковой на протяжении всего периода оттепели и составляла в среднем 22,7 %. Для второго периода (август 1957 г. – апрель 1961 г.) характерно резкое увеличение числа публикаций в данном сегменте (с 2,2 до 13,8 % от общего количества публикаций, посвященных США). Появились лексические формы о необходимости сотрудничества советских и американских ученых (15,4 %), 11,1 % публикаций содержали риторику о необходимости переиграть США в различных отраслях экономики, в 2,8 % сюжетов «Правды» сообщалось о том, что противники вынуждены признать превосходство советской науки над американской. Подобные изменения риторики обуславливались успешным испытанием в СССР межконтинентальной баллистической ракеты в августе 1957 г. и запуском первого искусственного спутника Земли в октябре 1957 г., поскольку они хронологически совпадают с этими достижениями советской науки. В третьем периоде число сюжетов в советской прессе, посвященных данной проблематике, увеличилось в среднем до 19 % от общего количества публикаций о США. Начали использоваться лексические формы о победе СССР над США в космической гонке (25,9 %), в 10 раз увеличилось число заявлений о том, что противники СССР вынуждены признать его победу в научной гонке, и в 2 раза – о поражении американской науки в мирном соревновании с СССР. Лексических форм, содержащих риторику о сотрудничестве американских и советских ученых, стало больше на 30 %. Данные изменения объясняются успехами СССР в космической гонке – первым полетом человека в космос и полетом первой женщины-космонавта.

Таким образом, благодаря контент-анализу нам удалось сконструировать предельно общий образ США, сформированный прессой периода оттепели. США представляли перед советскими читателями экономически развитой державой, но при этом (из-за недостатков капиталистической формации) обреченной на поражение в экономическом соревновании с СССР. В отличие от послевоенного периода, не ставился знак равенства между экономиками США и фашистской Германии. Враги СССР в США не изображались массовыми, персонифицировались в трех конкретных образах: монополист, военный, расист-куклуксклановец. Подчеркивалось, что они стремительно теряют силу и авторитет. Внутриполитическое положение США рисовалось в мрачных тонах: отечественная пресса заявляла, что никакой демократии, свободы, справедливости в стране нет. Все государственные и общественные институты, включая полицию, суды, местное самоуправление, работают исключительно в интересах крупного бизнеса и военных кругов. Еще более мрачно советской прессой демонстрировалась культура США, которая характеризовалась стремительной деградацией и коммерциализацией, отсутствием поддержки талантливых деятелей искусства и образования со стороны государства. Такая жесткая риторика обуславливалась идеологическим противостоянием социализма и капитализма. При этом подчеркивалось, что американцы восхищаются произведениями советского искусства, массово посещают выступления советских артистов. Подобные новшества обуславливались частичной либерализацией советской культуры и режима в целом, в связи с чем стали допустимы советско-американские культурные контакты. Самое большое внимание советская пресса уделяла внешней политике США. В этом вопросе риторика была стабильно жесткой, что обуславливалось холодной войной, противостоянием НАТО и ОВД. Во внешней политике, согласно заявлениям советской прессы, американские империалисты направляют свою агрессию в первую очередь против тех стран, которые стали на путь социализма. Попавшие под влияние США страны подвергаются экономическому разорению и теряют свою самостоятельность. Также США под давлением военных монополий провоцируют гонку вооружений и уклоняются от переговоров по решению данной проблемы. Однако подобные идеи стремительно теряют популярность, в том числе среди американских граждан, поддерживающих мирные предложения СССР. Но из-за коренных изменений в соотношении сил социализма и капитализма США уже не могут беспрепятственно осуществлять свои агрессивные цели. Впервые в рассматриваемый период советская пресса сосредоточилась на освещении проблем НТП в США. Риторика в данном вопросе не была однородной, что обуславливалось новыми успехами СССР в ядерной физике и космонавтике. Отмечалось, что американская научная мысль потерпела поражение в противостоянии с советской, что обуславливалось превосходством социализма над капитализмом, и данный факт вынуждены признать противники СССР, стремящиеся использовать американскую науку в военных целях. При этом советская пресса подчеркивала, что наука США находится на высоком уровне и СССР обгоняет достойного соперника. Присутствовала риторика о сотрудничестве американских и советских ученых.

Список литературы

1. Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954. М. : ИРИ РАН, 1999. 261 с.

2. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века (Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества). М. : РОССПЭН, 2006. 288 с.
3. Федосов Е. А. Фашизация образа врага в советской визуальной пропаганде начального периода холодной войны (1946–1964 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 163–171.
4. Анпилова Е. С. Тема Карибского кризиса на страницах «Правды» 1962 года // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3-2 (81). С. 219–222.
5. Кускова С. А. Освещение Карибского кризиса американскими и советскими газетами (на примере «Нью-Йорк Таймс» и «Правда») // Медиа альманах. 2016. № 6 (77). С. 40–47.
6. Кускова С. А. Информационная подготовка населения к первому визиту Н. С. Хрущева в США американскими и советскими газетами (на примере «Нью-Йорк таймс» и «Правды») // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 1. С. 182–185.
7. Кускова С. А. Освещение первого визита Н. С. Хрущева в США американскими и советскими газетами (на примере «Нью-Йорк таймс» и «Правды») // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 2. С. 64–68.
8. Шигарева А. Н. Прошлое и настоящее на службе советской пропаганды (на материалах книги «Лицом к лицу с Америкой», посвященной первому визиту Хрущева в США) // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 1. С. 76–78.
9. Предложение Гарольда Стассена // Правда. 1958. 27 февраля.
10. Со всех континентов // Правда. 1962. 25 января.
11. Стрельников Б. Позор Америки // Правда. 1962. 20 января.
12. Лисогорский Н. Техасская винтовка и ее патроны // Крокодил. 1963. № 35.
13. Как выглядит американская «демократия» // Агитатор. 1957. № 8. С. 25–28.
14. Тихомиров Ю. Демократия подлинная и мнимая // Агитатор. 1959. № 3. С. 21–23.
15. Шабанов М. Советский суд – подлинно демократический суд // Блокнот агитатора. 1957. № 21. С. 28–29.
16. Советскому народу новогоднее поздравление ЦК КПСС // Правда. 1960. 1 января.
17. Коненков С. Новогодние размышления // Правда. 1960. 1 января.
18. Седов Л. Героизм покорителей Космоса // Правда. 1960. 2 января.
19. Кан А. Удивительное создание человек // Правда. 1960. 1 января.
20. Сафронов Г. В первый день нового года // Правда. 1960. 2 января.
21. Обмен письмами между Председателем Совета Министров СССР и Р. Гарстом // Правда. 1960. 5 января.
22. Устранить угрозу войны // Правда. 1962. 25 октября.
23. Планы агрессоров сорваны! // Правда. 1962. 30 октября.
24. Сорвать преступные замыслы агрессоров! // Правда. 1962. 20 октября.
25. Обуздать зарвавшихся американских агрессоров! // Правда. 1962. 24 октября.
26. Сорвать преступные замыслы врагов мира // Правда. 1962. 24 сентября.
27. Отстоять и упрочить мир на Земле // Правда. 1962. 25 октября.
28. Обеспечить мир и безопасность народов! // Правда. 1962. 30 октября.
29. Воля народов едина – отстоять и упрочить мир на Земле! // Огонек. 1962. № 44. С. 2.
30. Заговор против народов // Огонек. 1962. № 44. С. 3.
31. Кто дал право? Народы требуют обуздать агрессоров! // Огонек. 1962. № 44. С. 4.
32. Сорвать агрессивные замыслы империалистов США! // Правда. 1962. 25 октября.
33. Покончить с политикой провокации // Правда. 1962. 12 сентября.
34. Заявление Советского Правительства // Правда. 1964. 24 октября.
35. Правительственная делегация Болгарии в Объединенном институте ядерных исследований // Правда. 1957. 18 февраля.
36. В международном центре физической науки // Правда. 1957. 28 января.
37. Лебеденко М. М. Когда ученые со всего мира... // Наука и жизнь. 1957. № 5. С. 3.
38. Устранить угрозу атомной войны // Правда. 1957. 16 августа.

References

1. Fateev A.V. *Obraz vraga v sovetskoy propagande, 1945–1954 = The image of the enemy in Soviet propaganda, 1945–1954*. Moscow: IRI RAN, 1999:261. (In Russ.)
2. Senyavskaya E.S. *Protivniki Rossii v voynakh KhKh veka (Evolyutsiya «obraza vraga» v soznanii armii i obshchestva) = Opponents of Russia in the 20th century's wars (Evolution of the "enemy image" in the minds of the army and society)*. Moscow: ROSSPEN, 2006:288. (In Russ.)
3. Fedosov E.A. Fascizing the enemy image in the Soviet visual propaganda of the initial period of the Cold War (1946–1964). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2017;418:163–171. (In Russ.)
4. Anpilova E.S. The topic of the Cuban missile crisis on the pages of "Pravda", 1962. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2018;3-2(81):219–222. (In Russ.)
5. Kuskova S.A. Coverage of the Cuban missile crisis by American and Soviet newspapers (by the example of The New York Times and Pravda). *Media al'manakh = Media almanac*. 2016;6(77):40–47. (In Russ.)
6. Kuskova S.A. Information preparation of the population for the first visit of N.S. Khrushchev to the United States by American and Soviet newspapers (by the example of The New York Times and Pravda). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kostroma State University*. 2018;1:182–185. (In Russ.)
7. Kuskova S.A. Coverage of Nikita Khrushchev's first visit to the United States by American and Soviet newspaper (by the example of The New York Times and Pravda). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kostroma State University*. 2018;2:64–68. (In Russ.)
8. Shigareva A.N. The past and the present in the service of Soviet propaganda (based on the book "Face to Face with America", dedicated to Khrushchev's first visit to the United States). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kostroma State University*. 2019;1:76–78. (In Russ.)
9. Harold Stassen's proposal. *Pravda*. 1958, Februar 27. (In Russ.)
10. From all continents. *Pravda*. 1962, Januar 25. (In Russ.)
11. Strelnikov B. Shame of America. *Pravda*. 1962, Januar 20. (In Russ.)
12. Lisogorskiy N. Texas rifle and ammunition for it. *Krokodil*. 1963;35. (In Russ.)
13. What does American "democracy" look like. *Agitator*. 1957;8:25–28. (In Russ.)
14. Tikhomirov Yu. Democracy is genuine and imaginary. *Agitator*. 1959;3:21–23. (In Russ.)
15. Shabanov M. Soviet court – a truly democratic court. *Bloknot agitatora = Agitator's notes*. 1957;21:28–29. (In Russ.)
16. New Year greetings to the Soviet people from the Central Committee of the CPSU. *Pravda*. 1960, Januar 1. (In Russ.)
17. Kononkov S. New Year's reflections. *Pravda*. 1960, Januar 1. (In Russ.)
18. Sedov L. Heroism of the Space Conquerors. *Pravda*. 1960, Januar 2. (In Russ.)
19. Kan A. Man is an amazing creation. *Pravda*. 1960, Januar 1. (In Russ.)
20. Safronov G. On the first day of the new year. *Pravda*. 1960, Januar 2. (In Russ.)
21. Exchange of letters between the Chairman of the Council of Ministers of the USSR and R. Garst. *Pravda*. 1960, Januar 5. (In Russ.)
22. Eliminate the threat of war. *Pravda*. 1962, October 25. (In Russ.)
23. The aggressors' plans are disrupted! *Pravda*. 1962, October 30. (In Russ.)
24. Disrupt the criminal designs of the aggressors! *Pravda*. 1962, October 20. (In Russ.)
25. Curb the presumptuous American aggressors! *Pravda*. 1962, October 24. (In Russ.)
26. Disrupt the criminal designs of the enemies of the world. *Pravda*. 1962, September 24. (In Russ.)
27. Defend and consolidate peace on Earth. *Pravda*. 1962, October 25. (In Russ.)
28. Ensure the peace and security of peoples! *Pravda*. 1962, October 30. (In Russ.)

29. The people's will is one – to defend and consolidate peace on Earth! *Ogonek*. 1962; 44:2. (In Russ.)
30. Conspiracy against the peoples. *Ogonek*. 1962;44:3. (In Russ.)
31. Who gave the right? The peoples demand to curb the aggressors! *Ogonek*. 1962;44:4. (In Russ.)
32. Disrupt the aggressive designs of the US imperialists! *Pravda*. 1962, October 25. (In Russ.)
33. End the politics of provocation. *Pravda*. 1962, September 12. (In Russ.)
34. The statement of the Soviet Government. *Pravda*. 1964, October 24. (In Russ.)
35. The Government Delegation of Bulgaria to the Unified Institute for Nuclear Research. *Pravda*. 1957, Februar 18. (In Russ.)
36. At the International Center for Physical Science. *Pravda*. 1957, Januar 28. (In Russ.)
37. Lebedenko M.M. When scientists from all over the world... *Nauka i zhizn' = Nauka I Zhizn*. 1957;5:3. (In Russ.)
38. Eliminate the threat of atomic war. *Pravda*. 1957, August 16. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Иван Николаевич Лопаткин

аспирант, Оренбургский
государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург,
ул. Советская, 19)

E-mail: ivan-lopatkin1988@mail.ru

Ivan N. Lopatkin

Postgraduate student, Orenburg State
Pedagogical University (19 Sovetskaya
street, Orenburg, Russia)

Равиля Рахияновна Хисамутдинова

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории
и методики преподавания истории
и обществознания, Оренбургский
государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург,
ул. Советская, 19)

E-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Ravilya R. Khisamutdinova

Doctor of historical sciences, professor,
head of the sub-department of general
history and methods of teaching history
and social sciences, Orenburg State
Pedagogical University (19 Sovetskaya
street, Orenburg, Russia)

Поступила в редакцию / Received 27.01.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.02.2021

Принята к публикации / Accepted 15.03.2021

РЕЦЕНЗИИ

CRITICAL REVIEWS

doi:10.21685/2072-3024-2021-2-10

Новые финансовые технологии и уфимское бизнес-сообщество

П. С. Кабытов¹, Е. П. Баринава²

^{1,2}Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, Самара, Россия

¹don.kabytov2012@yandex.ru, ²rfnz25@yandex.ru

Роднов М. И. Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX веков) : монография. Уфа : КнигаПринт, 2020. 238 с.

Для цитирования: Кабытов П. С., Баринава Е. П. Новые финансовые технологии и уфимское бизнес-сообщество // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 108–117. Рец. на кн. Роднов М. И. Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX веков) : монография. Уфа : КнигаПринт, 2020. 238 с. doi:10.21685/2072-3024-2021-2-10

New financial technologies and Ufa business community

P.S. Kabytov¹, E.P. Barinova²

^{1,2}Samara National Research University, Samara, Russia

¹don.kabytov2012@yandex.ru, ²rfnz25@yandex.ru

Rodnov M.I. Volzhsko-Kamskiy commercial bank and the Ufa merchants (second part of 19th – early 20th centuries) : monograph. Ufa : KnigaPrint, 2020. 238 p.

For citation: Kabytov P.S., Barinova E.P. New financial technologies and Ufa business community. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2021;2:108–117. A review of Rodnov M.I. Volzhsko-Kamskiy commercial bank and the Ufa merchants (second part of 19th – early 20th centuries) : monograph. Ufa : KnigaPrint, 2020. 238 p. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-2-10

В рецензируемой монографии доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института истории языка и литературы Уфимского научного центра РАН М. И. Роднова рассматриваются две взаимосвязанные проблемы. С одной стороны, автор реконструирует организацию и деятельность регионального отделения Волжско-Камского коммерческого банка.

© Кабытов П. С., Баринава Е. П., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

С другой стороны, он прослеживает воздействие этого крупнейшего финансового коммерческого учреждения на эволюцию уфимского бизнес-сообщества, которое вынуждено было в условиях модернизации экономики Российской империи и формирования банковской инфраструктуры осваивать новые социальные практики и использовать в коммерческой деятельности инновационные финансовые инструменты.

Во введении автор правомерно подчеркивает позитивное воздействие на российский бизнес новейших технологий, которые были внедрены российскими государственными и коммерческими банками во второй половине XIX в., что ускорило ход модернизационных процессов в Российской империи, а освоение предпринимателями новых практик способствовало активизации всей экономической жизни страны. Речь в монографии идет о таких новых финансовых технологиях, как переводы денег из одного города в другой, предоставление представителям бизнес-сообщества получения кредитов под векселя, а также использование в экономической практике безналичного расчета (по чековой книжке).

В качестве объекта исследования М. И. Роднов избрал один из крупнейших коммерческих банков России – Волжско-Камский коммерческий банк (ВККБ), который был учрежден в 1870 г. и покрыл сетью своих филиалов многие промышленные центры Поволжья и других регионов Российской империи. Инициатива создания банка принадлежала Василию Александровичу Кокореву. Кроме него в создании банка приняли участие Н. А. Милютин, И. А. Кононов, И. А. Первушин, А. М. Тарасов, А. Н. Голяшкин, И. В. Лихачев, М. М. и И. А. Полежаевы, И. А. Варгунин, Т. С. Морозов, К. Т. Солдатенков, Н. Д. и Д. А. Пастуховы. Кроме биографических сведений об основателе ВККБ «русском Ротшильде» В. А. Кокореве в монографии приведены данные о его руководителях Е. И. Ламанском, А. Ф. Мухине, П. Л. Барке (последнем министре финансов империи), а также о географическом расположении этого крупнейшего финансового учреждения страны, который в 1881 г. приобрел под главную контору дом в центре Петербурга на углу Невского проспекта и Михайловской улицы – напротив Гостиного двора.

В монографии дан анализ научных трудов И. Ф. Гиндина, В. И. Бовыкина, Б. В. Ананьича, Ю. А. Петрова и других авторов [1–6]. М. И. Роднов не обходит стороной книги и статьи, в которых анализируется деятельность региональных отделений ВККБ. Особо он выделяет исследования С. А. Соломатиной [7], отмечая, что ее научные работы «имеют важное значение при изучении истории Волжско-Камского банка, показывают его место в системе российских банков во времени и пространстве, а проделанный теоретический анализ, выявленные источники и детальный разбор стратегии крупнейшего депозитного банка Империи стали неотъемлемой частью современной отечественной историографии» [8, с. 16–17]. Также позитивно он оценивает и работы П. В. Лизунова [9, 10].

Кроме уфимских исследователей А. Аюпова, В. Н. Макаровой, С. Х. Хакимова, П. Егорова историк говорит и о собственных научных разработках этой темы. Судя по всему его интерес к Волжско-Камскому коммерческому банку стал усиливаться в начале 10-х гг. XXI в. в ходе изучения хлебной торговли на территории Южного Урала [11, 12]. В 2016 г. он опубликовал монографию об Уфимской товарной бирже [13]. Во второй половине 10-х гг.

XXI в. М. И. Роднов активизировал изучение деятельности Уфимского отделения ВККБ в связи с получением гранта от Российского фонда фундаментальных исследований, что позволило историку провести фронтальное изучение материалов по данной проблеме в центральных и региональных архивах страны и опубликовать ряд статей по этой актуальной проблематике.

Реконструкция деятельности Уфимского отделения ВККБ и участие губернского купечества в финансовых операциях осуществлена М. И. Родновым на основе выявления и анализа большого корпуса документальных источников. В Российском государственном историческом архиве в фонде ВККБ им обнаружены отчеты провинциальных отделений, в структуру которых входили собственно годовые отчеты и приложения к ним, которые иногда из-за большого объема статистических материалов издавались в виде брошюры (с. 20). По его мнению, эти материалы содержат громадный объем исторической информации, которая позволяет выявить роль Уфимского отделения ВККБ в развитии губернского предпринимательства и эволюции экономики региона в 1873–1916 гг. Историк также использовал российское законодательство, регламентирующее деятельность финансовых учреждений страны, уставные документы банка, а также циркуляры правления, переписку банка с его региональными отделениями и другую документацию. Значительная часть информации была получена автором из материалов уфимской прессы, которая публиковала на своих страницах годовые отчеты банка и рекламу. Особенно ценились публикации в газетах новостей о политике банка, которые были весьма актуальны для предпринимательского сообщества региона. Для воссоздания истории бизнеса, предпринимательства и истории семьи М. И. Роднов привлекал материалы метрических книг уфимских православных церквей. Кроме того, автор опирается и на материалы государственных архивов Оренбургской, Ярославской областей и Национального архива Республики Башкортостан.

При анализе научной литературы и документальных источников М. И. Роднов использовал современный исследовательский инструментарий. Исследование истории регионального отделения ВККБ и уфимского купечества ведется на междисциплинарном уровне. Он опирается на совокупность исторических методов, многофакторный подход, а также методы экономической истории и истории повседневности. Особую значимость приобретают многочисленные статистические таблицы и другие иллюстрации, характеризующие городское пространство Уфы, органично вошедшие в текст книги, а также таблицы, опубликованные в приложении. Тем самым М. И. Роднов представляет статические портреты регионального банка, уфимского бизнес-сообщества. Научная значимость исследования состоит в том, что, используя макроуровень, автор рассматривает воздействие Волжско-Камского коммерческого банка и его Уфимского филиала на экономику страны, ее регионов и собственно Уфимской губернии. Изучение административного аппарата филиала банка и уфимского предпринимательского сообщества осуществляется автором на микроуровне – через призму семейных историй отдельных поколений и семей предпринимателей.

В структуру введения включен раздел «Дома и люди», в котором приведены сведения о первом руководителе Уфимского отделения ВККБ белебеевском купце П. Г. Кайгородове, внесшем большой вклад в создание

регионального отделения. Он укомплектовал штат, «нашел помещение» и торжественно открыл филиал 4 ноября 1873 г. (с. 25). Приведены сведения о географическом размещении конторы банка, которое находилось в центре Уфы в квартале № 60 вблизи от Губернаторского дома и двух главных транспортных артерий города – улиц Большой Казанской и Телеграфной. Затем с 1876 по 1910 г. Уфимское отделение располагалось в арендованном особняке купца М. Ф. Чинова. М. И. Роднов подчеркивает, что это был финансовый центр Уфимской губернии (с. 27).

Здесь же даны биографические сведения о П. Г. Кайгородове и членах его семьи. Автор приводит данные о других управляющих Уфимского отделения банка, таких как П. И. Кокарев, который осуществил ротацию служащих банка. Сменивший его А. П. Банников руководил филиалом около двадцати лет. Затем управляющим филиалом стал В. В. Вешняков. В монографии приведены фамилии других управляющих банком и установлены даты их работы в филиале – А. И. Зеленецкого и Н. О. Лемке. Автор пишет о планах руководства Уфимского отделения банка, которое приняло в 1910 г. решение о переезде из дома М. Ф. Чинова на Александровскую улицу в дом С. П. Зайкова. Одновременно предпринимались попытки построить собственное здание. Но этим грандиозным планам не суждено было сбыться: помешала Великая российская революция.

В первой главе монографии кроме анализа механизма функционирования филиала ВККБ показано место Уфы в системе российского рынка. М. И. Роднов подчеркивает значение применения современной для того времени новой технологии – реализации банковской системой трансфертов: безналичного перевода денег между Уфой и промышленными центрами империи. Историк отмечает значимость банковских материалов, содержание которых позволяет выявить географические связи уфимского купечества: «...уфимское бизнес сообщество с энтузиазмом, – констатирует автор, – восприняло появление возможности для очень быстрого перечисления денег в те города Империи, где имелись конторы Волжско-Камского банка. География четко привязана к Поволжью (от Рыбинска до Астрахани) и Уралу, а также включая обе столицы» (с. 42).

Вполне оправданным является выделение автором монографии трех периодов реализации Уфимским филиалом ВККБ трансфертов в другие регионы Российской империи. Во время первого периода (по определению М. И. Роднова до проведения железных дорог) – 1870–1880 гг. – количество трансфертов из Уфы удвоилось. «Использование банковских переводов, – отмечает историк, – стало обыденной практикой местного предпринимательского сообщества» (с. 44). Следует согласиться с выводом автора о том, что рост трансфертов в другие города свидетельствует об ускорении процесса формирования общероссийского рынка. В качестве доказательства этого тезиса он приводит данные о географии денежных переводов из Уфы. Одновременно он говорит о том, что в 1880-е гг. исчезают трансферты в Мензелинск (ярмарка здесь утратила свое значение) и Чистополь. Но зато возрастает число транспортов из Уфы в Самару и Оренбург, что было обусловлено строительством железной дороги. Использование нового финансового инструмента способствовало расширению связей уфимского бизнес-сообщества с российскими партнерами, что позитивно сказалось на развитии экономики Южного Урала.

В монографии акцентируется внимание на том, что в начале второго периода (1886–1906) Уфа, в связи с сооружением железной дороги, превращается в крупный экономический и финансовый центр, где помимо ВККБ открывают филиалы других крупнейших коммерческих банков Российской империи. Несмотря на конкуренцию с другими финансовыми учреждениями, ВККБ в 90-е гг. XIX в. постоянно увеличивал трансферты из Уфы, что было связано с выходом уфимского бизнеса на всероссийскую сеть железных дорог. В этот период в качестве основного партнера для уфимских предпринимателей выступала Москва. Вторыми по значимости для Уфы партнерами оставались города Среднего Поволжья – Самара, Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Сызрань. На третьем месте находились уральские города Ирбит, Екатеринбург, Оренбург, Пермь и Вятка. В той или иной степени уфимские предприниматели имели экономические связи со всей Россией – от Восточной Сибири до Прибалтики и Привислинского края (с. 55). Следует отметить и то, что автор говорит о взаимодействии ВККБ с сетью банков-партнеров, где кроме крупнейших коммерческих банков указаны региональные и городские финансовые учреждения. Он подчеркивает, что «уфимский бизнес имел неограниченные возможности для заключения финансовых сделок с предпринимателями из любой части Империи» (с. 59). Вполне доказанным является тезис М. И. Роднова о существовании и полноценном функционировании к началу XX в. общероссийского и регионального финансовых рынков.

В ходе изучения переводов Уфимским отделением ВККБ автором выявлены подъемы и спады движения финансовых средств, которые зависели от многих факторов, включая экономическую конъюнктуру на внутреннем и мировом рынках. Им установлено, что такие колебания были в 1893–1895 гг. и 1904–1906 гг. Последний спад был вызван Русско-японской войной и Первой русской революцией. Деловая активность была низкой и в период с 1910 по 1912 г. Затем с 1913 г. произошел всплеск активности, но в 1915–1916 гг. число трансфертов вновь сократилось. Чрезвычайно важен вывод М. И. Роднова о том, что реализация столыпинской земельной реформы шла в условиях нарастания кризисных явлений в экономике Российской империи.

М. И. Роднов констатирует, что, как и в предыдущих периодах, Москва доминировала в контактах с Уфой, а доля трансфертов составляла половину суммы всех переводов денег. Доказано, что Поволжье и в начале XX в. являлось главным торговым и финансовым партнером для уфимского бизнес-сообщества. Говорится также о партнерских отношениях уфимских предпринимателей с Уралом: городами Ирбитом, Екатеринбург, Оренбургом и Пермью. Отмечены переводы денег в Стерлитамак, Бирск, Миасс. И, конечно, говорится о возросших связях с Сибирью в связи с сооружением транссибирской железнодорожной магистрали. Вероятно, следует позитивно оценить вывод М. И. Роднова о том, что изучение трансфертов «наиболее отчетливо выделяет место Уфы и Уфимской губернии во внутрироссийском рынке, доказывает на большом фактическом материале доминанту успешного развития регионального рынка» (с. 78).

Во второй главе монографии анализируется использование Волжско-Камским коммерческим банком в финансовых расчетах с предпринимателями Южного Урала такого инструмента, как вексель. Правомерно отмечается,

что в первый период учет векселей резко ускорил оборот капиталов. Операции по приобретению векселей в Волжско-Камском коммерческом банке приняли большие размеры. В монографии отмечено, что банк принимал векселя от надежных клиентов: лиц, торговых фирм и обществ. Во всех отделениях ВККБ были созданы учетные комитеты, члены которых принимали решение о добросовестности партнеров. М. И. Роднов приводит статистическую таблицу, в которой находим данные об учете торговых векселей в филиалах ВККБ в 1887–1905 гг. Судя по этим данным в уфимском филиале, так же как и в других отделениях ВККБ, шел постоянный рост учета векселей, а Уфа входила во вторую десятку по размеру учета векселей. М. И. Роднов пришел к выводу о том, что внутренний уфимский рынок в 70–80 гг. XIX в. развивался медленнее, чем вывоз хлеба, леса и металлов на внутренний рынок страны и за границу. Он также отмечает, что корпорация предпринимателей в это время оставалась неизменной, а вексельная операция стала обыденным делом для уфимского бизнес-сообщества. По данным М. И. Роднова, в список кредитовавшихся в Уфимском филиале ВККБ лиц, входивших в уфимское бизнес-сообщество в 70–80-е гг. XIX в., можно включить примерно 100 кредиторов и 200 должников (с. 100). Он также приводит сведения об основных направлениях их предпринимательской деятельности. Автором установлен один из основных показателей величины внутреннего уфимского рынка. Филиалом ВККБ в 70–80 гг. XIX в. было учтено 78 % всех векселей на сумму около 5,2 млн руб. Приведена география городов, из которых поступали векселя предпринимателей, покупавших уфимские товары.

Во время второго периода размах вексельных операций резко возрос с 659 817,76 руб. в 1880 г. до 1 904 176,16 руб. в 1905 г. (с. 111–112). Далее автор монографии говорит о том, что в данный период произошло взрывное распространение практики использования векселей. Этот инструмент стали использовать средние и мелкие предприниматели. Судя по географии учета векселей по местам платежей, в Уфимский филиал ВККБ поступали векселя из 108 городов, станиц и слобод Российской империи (с. 112). Возросло число сделок под вексель с предпринимателями уездных центров Уфимской губернии – Стерлитамаком и Бирском. Автор не обходит стороной и меры Уфимского филиала ВККБ в связи с ростом опротестованных векселей – главным образом использовались судебные процедуры с тем, чтобы возвратить в банк хотя бы часть долгов.

В монографии содержится анализ вексельных операций в 1906–1916 гг., когда на деятельность финансовой инфраструктуры страны негативное воздействие оказывали такие факторы, как кризисные явления в экономике России и Первая мировая война. М. И. Роднов говорит о тех трудностях, которые возникли у исследователя при выявлении источников по этому периоду. Он пишет о том, что не по всем годам есть отчеты о деятельности банка. Тем не менее ему удалось установить данные по учету векселей за этот период. Значительный интерес представляет таблица, в которой приведены данные об учете векселей по местам платежа в 1913 г., а также таблица, в которой приведены данные об оплате векселей в Уфимском отделении ВККБ в 1911–1916 гг. Доказано, что в годы Первой мировой войны происходило неуклонное сокращение операций по предоставлению предпринимателям кредитов,

что способствовало разрушению общероссийского финансового рынка и росту кризисных явлений в экономической сфере Российской империи. Вполне обосновано звучит тезис о том, что в годы войны наибольшие убытки понесли средние и мелкие предприниматели, а крупные капиталисты богатели за счет реализации военных заказов.

В третьей главе представлен анализ использования Уфимским отделением ВККБ безналичного расчета по чековой книжке, который, как справедливо подчеркивает М. И. Роднов, являлся важнейшим инструментом «облегчения платежей как в самой Уфе, так и с партнерами в других городах Империи» (с. 125). При этом банк предоставлял клиентам самую масштабную услугу – простые текущие счета. Помимо этого они могли открыть условные текущие счета и специальные текущие счета. На основе анализа статистических данных автор пришел к выводу о том, что текущими счетами воспользовались прежде всего крупные предприниматели Уфы как при экспортных сделках, так и при ввозе товаров на территорию Южного Урала. В то же время изучение списка вкладчиков, имеющих текущие счета, позволило историку осуществить на микроуровне реконструкцию уфимских бизнес-сообществ, более того, составить своеобразный «Список Форбс», в который вошли крупнейшие бизнесмены Уфы, «проследить динамику оборотов, взлеты и падения “акул капитализма”, крах семейных фирм» (с. 133). Важен также вывод о том, что банковская услуга по безналичным расчетам оказалась цивилизованной формой, избавлявшей предпринимателей от тяжких пут со стороны ростовщиков.

В монографии воссоздана семейная история уфимских купцов Кондратьевых. Установлены три линии семьи, которые генетически связаны с ее основателем Дмитрием Кондратьевичем Кондратьевым. Говорится о географическом размещении в городском пространстве Уфы домовладений и усадеб Кондратьевых, а также о направлениях их предпринимательской деятельности. Во главе первой линии находился ее основатель – Д. К. Кондратьев. Он осуществлял общее руководство и контроль за финансами. Семья занималась бакалейной торговлей, владела питейными заведениями, имелись также лавки с шорным товаром и колониальными товарами. Вторую линию семьи возглавлял его брат Арсений Кондратьевич Кондратьев. Его семья владела 5 усадьбами и домами на Большой Казанской улице. Ему принадлежали пряничное, свечное и мыловаренное предприятия. Его сын Иван имел огромные обороты денег на текущем счету. В 1882 г. он закрывает счет и перестает быть клиентом ВККБ. Подробно описываются перипетии развития бизнеса у представителей второй линии семьи Кондратьевых, указывается, что им удалось после кризиса начала 1880-х гг. сохранить промышленный комплекс в Уфе и переключиться на занятия агробизнесом. Приведены данные и о представителях третьей линии семьи Кондратьевых. Вполне обоснованно звучит вывод о том, что данные Уфимского отделения ВККБ содержат достоверную историческую информацию об эволюции семьи предпринимателей Кондратьевых, а также их успехах и просчетах при ведении бизнеса.

В заключительном параграфе приведены статистические данные за 1880–1905 гг. о предпринимателях, на основе которых М. И. Родновым составлен уфимский «Список Форбс». Ранее он опубликовал в сборнике «Река времени» статью, в которой выявил динамику эволюции бизнес-сообщества

Уфы [14]. В монографии отмечается, что в 1905 г. в Уфе насчитывалось 12 миллионеров. Автором обнаружено присутствие в уфимском сообществе представителей крупнейших общероссийских фирм и предпринимателей, что было обусловлено возросшей значимостью Уфы как крупного торгово-финансового, транспортно-логистического центра. В то же время экономика Уфимской губернии традиционно носила сырьевой характер. И все же новейшие банковские технологии, которые реализовывал Уфимский филиал Волжско-Камского банка, придали мощный импульс эволюции регионально-го бизнес-сообщества и экономике Южного Урала. На наш взгляд, монография М. И. Роднова открывает новые перспективы для изучения истории финансовой инфраструктуры и ее воздействия на темпы модернизации экономики регионов Российской империи.

Список литературы

1. Ананьич Б. В. Российское самодержавие и вывоз капиталов: 1895–1914 гг. (По материалам Учетно-ссудного банка Персии). Л. : Наука, 1975. 211 с.
2. Ананьич Б. В. Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. Л. : Наука, 1991. 196 с.
3. Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России конец XIX в. – 1908 г. М. : Наука, 1984. 287 с.
4. Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России / под ред. акад. С. Г. Струмилина. М. : Госфиниздат, 1948. 454 с.
5. Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 г.). М. : Госфиниздат, 1960. 415 с.
6. Петров Ю. А. Коммерческие банки Москвы, конец XIX в. – 1914 г. М. : РОССПЭН, 1998. 366 с.
7. Саломатина С. А. Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг. М. : РОССПЭН, 2004. 302 с.
8. Роднов М. И. Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX веков) : монография. Уфа : КнигаПринт, 2020. 238 с.
9. Лизунов П. В. Биржи в России и экономическая политика правительства (XVIII – начало XX вв.). Архангельск, 2003. 309 с.
10. Лизунов П. В. Банкирский дом «И. Е. Гинцбург» и его владельцы. СПб. : Дмитрий Буланин, 2017. 287 с.
11. Роднов М. И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа : ДизайнПресс, 2012. 224 с.
12. Кабытов П. С. Уфимский историк М. И. Роднов // Аграрная история XX века: историография и источники. Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2014. С. 103–121.
13. Кабытов П. С., Барина Е. П. Новое исследование по истории предпринимательства на Южном Урале // Уральский исторический вестник. 2018. № 4. (61). С. 142–144. Рец. на кн.: Роднов М. И. Уфимская товарная биржа. 1905–1917 гг. Уфа : Альфа-Реклама, 2016. 216 с.
14. Кабытов П. С., Дубман Э. Л. Рецензия на книгу: Река времени. 2020 / сост. и отв. ред. М. И. Роднов. Уфа, 2020. 150 с. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 141–145.

References

1. Anan'ich B.V. *Rossiyskoe samoderzhavie i vyvoz kapitalov: 1895–1914 gg. (Po materialam Uchetno-ssudnogo banka Persii)* = *Russian autocracy and the export of capital: 1895–1914 (on the materials from the Accounting and Loan Bank of Persia)*. Leningrad: Nauka, 1975:211. (In Russ.)

2. Anan'ich B.V. *Bankirskie doma v Rossii, 1860–1914 gg.: Ocherki istorii chastnogo predprinimatel'stva = Banking houses in Russia, 1860–1914: Essays on the history of private entrepreneurship*. Leningrad: Nauka, 1991:196. (In Russ.)
3. Bovykin V.I. *Formirovanie finansovogo kapitala v Rossii konets XIX v. – 1908 g. = Formation of financial capital in Russia at the end of the 19th century – 1908*. Moscow: Nauka, 1984:287. (In Russ.)
4. Gindin I.F. *Russkie kommercheskie banki: Iz istorii finansovogo kapitala v Rossii = Russian Commercial Banks: From the history of financial capital in Russia*. Moscow: Gosfinizdat, 1948:454. (In Russ.)
5. Gindin I.F. *Gosudarstvennyy bank i ekonomicheskaya politika tsarskogo pravitel'stva (1861–1892 g.) = State bank and economic policy of the royal government (1861–1892)*. Moscow: Gosfinizdat, 1960:415. (In Russ.)
6. Petrov Yu.A. *Kommercheskie banki Moskvy, konets XIX v. – 1914 g. = Commercial banks of Moscow, end of 19th century – 1914*. Moscow: ROSSPEN, 1998:366. (In Russ.)
7. Salomatina S.A. *Kommercheskie banki v Rossii: dinamika i struktura operatsiy, 1864–1917 gg. = Commercial banks in Russia: dynamics and structure of operations, 1864–1917*. Moscow: ROSSPEN, 2004:302. (In Russ.)
8. Rodnov M.I. *Volzhsko-Kamskiy kommercheskiy bank i ufimskoe kupechestvo (vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh vekov): monografiya = Volzhsko-Kamskiy commercial bank and the Ufa merchants (second part of 19th – early 20th centuries): monograph*. Ufa: KnigaPrint, 2020:238. (In Russ.)
9. Lizunov P.V. *Birzhi v Rossii i ekonomicheskaya politika pravitel'stva (XVIII – nachalo XX vv.) = Exchanges in Russia and the Government's Economic Policy (18th – early 20th centuries)*. Arkhangel'sk, 2003:309. (In Russ.)
10. Lizunov P.V. *Bankirskiy dom «I. E. Gintsburg» i ego vladel'tsy = Banking house “I.E. Gintsburg” and its owners*. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2017:287. (In Russ.)
11. Rodnov M.I. *Prostranstvo khlebnogo rynka (Ufinskaya guberniya v kontse XIX – nachale KhKh vv.) = The space of the grain market (Ufa province in the late 19th – early 20th centuries)*. Ufa: DizaynPress, 2012:224. (In Russ.)
12. Kabytov P.S. Ufa historian M.I. Rodnov. *Agrarnaya istoriya KhKh veka: istoriografiya i istochniki = Agrarian history of the 20th century: historiography and sources*. Samara: Izd-vo Samarskogo un-ta, 2014:103–121. (In Russ.)
13. Kabytov P.S., Barinova E.P. New research on the history of entrepreneurship in the Southern Urals. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2018;4(61):142–144. *Rets. na kn.: Rodnov M.I. Ufinskaya tovarnaya birzha. 1905–1917 gg. = Ural Historical Bulletin*. 2018; 4(61):142–144. *A review of Rodnov M.I. Ufa commodity exchange. 1905–1917*. Ufa: Al'fa-Reklama, 2016:216. (In Russ.)
14. Kabytov P.S., Dubman E.L. A review on The river of time. 2020. Ufa, 2020, 150 p. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya = Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology*. 2020;26(4):141–145. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Петр Серафимович Кабытов

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой российской
истории, Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева (Россия,
г. Самара, Московское шоссе, 34)

Petr S. Kabytov

Doctor of historical sciences, professor,
head of the sub-department of the Russian
history, Samara National Research
University (34 Moskovskoye highway,
Samara, Russia)

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Екатерина Петровна Баринова

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры отечественной
истории и историографии, Самарский
национальный исследовательский
университет имени академика
С. П. Королева (Россия, г. Самара,
Московское шоссе, 34)

E-mail: rfz25@yandex.ru

Ekaterina P. Barinova

Doctor of historical sciences, professor,
professor of the sub-department of Russian
history and historiography, Samara National
Research University (34 Moskovskoye
highway, Samara, Russia)

Поступила в редакцию / Received 19.02.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.02.2021

Принята к публикации / Accepted 27.02.2021

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике • история.

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел. (841-2) 64-32-89; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «История. Общество. Политика», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Просвещение. Образование. Педагогика». Подписной индекс – 36967.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____
(подпись) (ФИО)

Дата « ____ » _____ 20__ г.